

СТОЛИЦА

№ 21(27)
1991г. 1руб.

861 - 8 - 16

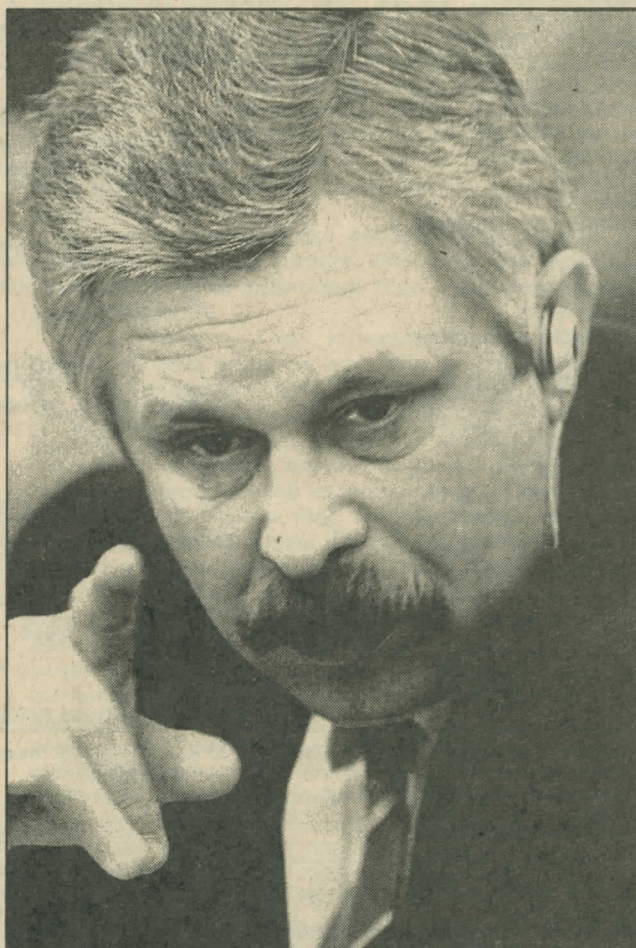

WODKA
GORBATSCHOW

ЛВАНУВА
100

ПОЛКОВНИК, КОТОРОГО ВЫБРАЛ ЕЛЬЦИН

РУЦКОЙ Александр Владимирович (43 года), Герой Советского Союза, полковник Советской Армии. Широкую общественную известность получил после выступления на третьем внеочередном Съезде народных депутатов России. Являясь председателем комитета Верховного Совета РСФСР, он заявил о создании парламентской группы «Коммунисты за демократию», чем фактически снял непримиримое противостояние между депутатами демократической и коммунистической ориентации. Баллотируясь в президенты России, Борис Ельцин пригласил Александра Руцкого стать вице-президентом. Наша беседа состоялась накануне выборов. Гадать Александр Владимирович не любит. Поэтому он не стал размышлять о будущем. Но, думается, из ответов Руцкого достаточно ясно, каким вице-президентом он хочет стать:

— Александр Владимирович, еженедельник «Столица»...

— Это любимый журнал моей жены.

— А жена влияет на взгляды мужа?

— Ну, как она может влиять?.. Я вообще считаю, что взгляды у человека формируются независимо от окружения и занимаемых должностей. Убеждения, взгляды — это результат личного опыта, стержень характера. И если люди в зависимости от разговоров и обстоятельств так быстро расстаются с собствен-

ными представлениями, я считаю это недостатком характера. Что же касается политических взглядов нашей семьи, то они во многом совпадают. Мои близкие и родные солидарны со мной в том, что безответственность на любом уровне, отсутствие именно системы управления государством и привели нашу страну к нынешнему тяжелейшему кризису.

— Возможно, в Центральном Комитете Российской коммунистической партии, членом которого вы являетесь, принципиальность, несгибаемость

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22

Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария
Факс: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland

Номер подписан в печать 31.05.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 915

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Полковник, которого выбрал Ельцин
А. Руцкой

ВЛАСТЬ

5 ...И за того парня
Г. Крошин

ПОРТРЕТ

7 Площадь Независимости
Г. Каралетян

БЫВШИЕ

8 Фоторепортаж из спецколонии для высокопоставленных преступников
В. Савельев

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

19 «Медведь» над облаками
Д. Мдивани

СТО ЛИЦ

22 Коммерсант, который рэкетиром не интересен
Е. Колесникова

ПРИЛAVOK

28 Маленькая победа, или Накажите дожди
В. Басков

35 Только карточки!
Л. Шуголь

ИЩЕМ РОДИТЕЛЕЙ

39 «...А моя мама такая красивая»
Е. Салина

ОТТУДА

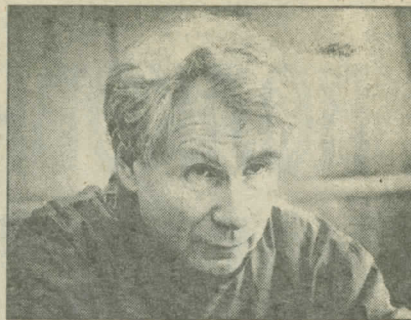
43 Наследники Остапа Бендера на родине его бабушки
А. Хитс

44 Надкушенное яблоко
Ю. Гальперин

52 ДНЕВНИК И.

КУЛЬТУРА

55 Что оказалось впереди
О. Юмашева, Д. Суходольский

11 Юрий БУРТИН:
«...В условиях социалистического мира есть только одна ясная и простая альтернатива — тоталитаризм или демократия».

47 Слова предупреждения, которые не были услышаны.
(В. Чернов и Г. Плеханов о Ленине)

57 Владимир ВОЙНОВИЧ:

«Мы долго по морю плутали
Вдали от родимой земли.
Искали мы светлые дали,
Но темные только нашли».

На обложке фото И. Рогачевского

и убежденность как раз и считаются основными достоинствами любого политического деятеля. Но не станут ли эти качества главным недостатком для вице-президента республики?

— Мы говорим о разной принципиальности. Действительно, нежелание поступиться политическими принципами, как правило, приводит к догматизму. К чему, собственно, и пришло сейчас руководство Российской компартии. Такая убежденность не просто ошибочна, она даже социально опасна. Да, можно верить и бороться за какие-то благородные общественные цели. Это право каждого человека. Но нельзя свои убеждения превращать в принцип, навязывать их другим людям и, что особенно недопустимо, пытаться с их помощью регулировать систему государственного управления.

Государство — это сложнейший механизм, работающий по своим законам. И если у автомобиля сломались тормоза, то, согласитесь, глупо спорить о том, по какой дороге быстрее добраться до намеченной цели. Нужно срочно остановиться и устранить непосредственную поломку в механизме, а уже потом выбирать пути следования. В нашей стране вообще, и в России в частности, механизм государственного управления не просто сломан, он разрушен. И чтобы не произошло катастрофы, его необходимо срочно восстановить. Наладить строгую отчетность и ответственность в сфере государственного управления сверху донизу, установить жесткий контроль, спрос с руководителей всех рангов. Именно в этом как раз и необходима принципиальность.

— Но государство ведь не воинская часть, где жизнь подчинена иерархической дисциплине. Вы выступаете за возврат к жесткому администрированию?

— Понимаете, есть общие законы управления. И как бы мы их ни называли, как бы мы к ним ни относились, без них не обойтись. Совершенно очевидно, для того чтобы наладить в обществе нормальную жизнь, нужно, чтобы кто-то принимал решения, кто-то их передавал и кто-то их выполнял. И причем каждый на своем участке персонально отвечал за порученное дело. Иначе в государстве воцарится хаос.

Мне, как военному, кажутся нелепыми и непонятными объяснения многих комиссий и специалистов относительно трагедий в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Если руководитель страны лично не отдавал приказ на расстрел мирных граждан, то он обязан установить, на каком уровне его установка была искажена, что привело к человеческим жертвам. И, соответственно, наказать виновных. Устранение сбоя в системе управления — это первейшая задача для того, кто хочет управлять дальше без повторения подобных катастроф. Но у нас, к сожалению, до сих пор не устранена причина этого сбоя. Не верю в то, что наш президент не знает, как и почему это произошло. В противном случае он бы уже не мог управлять государством. Но, вероятно, устранить этот сбой ему мешают какие-то идеологические причины. Вот в чем опасность вживления политических предрассудков в механизм государственного управления!

Нам вовсе не важно, каких политических взглядов придерживается человек, заступающий на дежурство перед пультом управления атомным реактором. Главное, чтобы он имел соответствующую квалификацию и ответственность. И не дай Бог кому-то в такой ситуации спутать партийную ответственность с профессиональной.

— Но все-таки, согласитесь, что при руководстве

страной, республикой политические взгляды первых лиц могут играть решающую роль. Эти взгляды, к примеру, определяют темп реформ. Тем более, вы являетесь членом такой организации, как Российская компартия, в которой человеку вообще не рекомендовано иметь собственные убеждения. А нужно лишь придерживаться мнения большинства. Не случится ли так, что ваш Центральный Комитет заставит вас проводить ту политику, которая их устраивает?

— Президент и вице-президент должны выражать интересы всего народа, а не отдельной партии. И если потребуются, на время своей работы в должности вице-президента я приостановлю членство в партии.

— Но в уставе КПСС нет такого понятия, как приостановление членства. Вас просто могут исключить из партии за неуплату членских взносов и отрыв от первичной организации. Что тогда будете делать?

— Государственные законы превыше уставов любых общественных организаций. И когда возникает подобное несоответствие, то именно партии должны привести свои уставы в соответствие с законами. И если сверху меня попытаются исключить из партии, то снизу товарищи не допустят этого.

— Как я понимаю, вы продолжаете считать себя коммунистом и не хотите окончательно порвать с партией, которая запятнала себя преступлениями перед народом?

— Вы считаете — так, я считаю — эдак. И никто не вправе укорять меня за мои убеждения. Другое дело, если это будет сказываться на выполнении служебных обязанностей. Но и тогда я буду отвечать, прежде всего, как вице-президент, а не как коммунист. Это во-первых. И во-вторых, выйти сейчас из КПСС было бы предательством с моей стороны по отношению к моим товарищам по партии. Ибо нельзя отождествлять партию с ее руководством. Среди рядовых коммунистов много честных, инициативных, умных людей. Собственно, это и заставило меня подняться на трибуну третьего Съезда народных депутатов России с заявлением о создании парламентской группы «Коммунисты за демократию». Теперь эта группа образовала общественно-политическое движение «Гражданское согласие». Наше движение находит поддержку не только среди коммунистов, но и среди беспартийных. Мы стремимся к созданию демократического общества с приоритетом общечеловеческих ценностей. Рядовые коммунисты были так же неправы, как и беспартийные. Они никак не могли влиять на положение дел в партии. И поэтому за преступления партийного руководства они не могут нести ответственности.

Среди рядовых коммунистов немало тех, кто верит в то, что КПСС можно еще демократизировать. И мы будем стремиться так реформировать партию, чтобы ни при каких условиях она не могла превратиться в преступную организацию. Для этого необходимо, чтобы ответственные партийные работники, прежде всего секретари, действительно выбирались на партсобраниях, а не назначались сверху, как было раньше.

В нашей стране, к сожалению, партийная организация срослась с государственной властью. И потому так часто одно путается с другим. Я уже говорил, и хочу повторить, что одно дело мои политические воззрения и совершенно другое — мои государственные обязанности. Если не рассматривать коммунистическую партию как боевую организацию, то вопрос о внутренней дис-

циплине здесь вообще неуместен. Принадлежность к партии — это, скорее, вопрос личной веры. И никто не вправе осуждать человека за измену самому себе, ибо никто не может узнать причин, по которым меняются его взгляды.

И наоборот, находясь на государственной службе, человек не может давать волю своим личным пристрастиям. Существуют законы, которые он обязан неукоснительно выполнять независимо от настроения и своих убеждений. И нести личную ответственность за свой участок работы.

Меня, например, очень возмутило выступление против Ельцина шести членов Верховного Совета России, по инициативе которых, собственно, и был созван внеочередной съезд, где я сделал свое заявление. Не нравится вам политика Ельцина — уходите из Верховного Совета, которым он руководит. Так поступают все депутаты в цивилизованных парламентах. Но если вы продолжаете занимать должности в его команде, извольте выполнять порученные обязанности. Мало ли какой путь не нравится стрелочнику? Но если он будет переводить стрелки по своему усмотрению, то катастрофа неизбежна.

Руководство Коммунистической партии за годы Советской власти привыкло принимать решения, ни за что не отвечая. Такой безответственности впредь мы не можем допустить. За любое решение будет отвечать тот, кто его принимает.

— Вы считаете, что возможно даже конструктивное сотрудничество с Иваном Кузьмичом Полозковым?

— А что, Иван Кузьмич, не человек?! Обратите внимание, как в последнее время изменился характер его политических заявлений. Он стал, мне кажется, более лоялен к инакомыслию. И с ним тоже можно уже договориться. Чтобы диалог был конструктивен между людьми с разными политическими представлениями, им важно научиться уважать друг друга. И не говорить один другому: мол, уходи, я все сделаю сам. Лучше будет, если они объединятся и будут работать вместе.

— Как вы думаете, почему Ельцин остановился на вашей кандидатуре в вице-президенты?

— Спросите об этом у Бориса Николаевича.

— В свое время вы баллотировались по Кунцевскому избирательному округу в народные депутаты СССР. И, помнится, не прошли. Вас обвиняли в приверженности к жестким диктаторским методам руководства, недемократизме и даже в симпатиях к обществу «Память». Неужели за два с лишним года у вас так сильно изменились взгляды?

— Нет. По принципиальным вопросам моя позиция с тех пор почти не изменилась. Дело в том, что я баллотировался на тех выборах в группе кандидатов, уже хорошо известных своими демократическими убеждениями. Среди них были, например, Евгений Евушenko, Юрий Черниченко... Рядом с ними я, мало кому известный «афганский» офицер, выпускник Академии Генерального штаба, естественно, выглядел ставленником номенклатуры. И мои разговоры о необходимости дисциплины на уровне государственного управления, которые сегодня воспринимаются как закономерные, тогда, два года назад, выглядели чуть ли не покушением на демократию.

Прибавьте к этому тогдашний ажиотаж предвыборной борьбы и порой не совсем честные методы, с помощью которых эта борьба велась. Причем, что интересно, не сами кандидаты боролись друг с другом, а

скорее их избиратели. В ход пускались разные слухи, сплетни, чтобы дискредитировать неудобного кандидата. Вот избирательская молва и превратила меня в «черного полковника». Но я-то знаю, что таким полковником не являюсь. И с моей стороны было бы глупо заигрывать обиду как на демократически настроенных депутатов, так и на демократически настроенных избирателей. Более того, как человек, тяготеющий к демократии, я даже порадовался, что в нашем народе так велика жажда демократических преобразований, что по сравнению с ними мои взгляды представляются даже несолько консервативными.

— Но, согласитесь, укрепление государственной дисциплины, за которую вы продолжаете активно выступать, в нашем народе, к сожалению, ассоциируется по-прежнему с подавлением демократии?

— Действительно, к сожалению, дисциплину у нас часто путают с диктатурой. Но без дисциплины, увы, невозможно и демократия. Мыслимо ли такое, чтобы председатель облсовета отменял решение Верховного Совета республики, касающееся государственного устройства? Да это же должностной саботаж! И если Верховный Совет не может соответственно наказать такого председателя облсовета, то существующую структуру Советской власти нельзя считать органом государственного управления. Систему управления в республике надо возрождать. Прежде всего, мы должны создать систему исполнительной власти на местах с прямыми выборами руководителей этой власти и их подотчетности президенту. Ибо если Россия и дальше будет оставаться в неуправляемом состоянии, приход диктатуры станет единственным результатом.

— Вы намерены распространять ваши дисциплинарные методы и на производство? Ведь укрепление дисциплины в государстве многие связывают с укреплением дисциплины в экономике в частности, с укреплением хозяйственных связей между предприятиями.

— Считать так, значит возвращаться к прежней административно-командной системе хозяйствования. Время показало, что она крайне неэффективна. Восстановить экономику можно только с помощью рынка. И ввести его как можно скорее — одна из основных задач нашего государственного управления. И управлять рынком — это не значит командовать отдельными предприятиями. Армейская терминология здесь вообще неприемлема. Я знаю только один способ управления рынком — налоговая политика.

— В России складывается сейчас сложная международная обстановка. Удастся ли нам избежать кровопролития на нашей земле?

— Во время войны в Афганистане я был командиром летного полка, в котором не погиб ни один человек. Возможно, это не столько моя заслуга, сколько воля случая, но с тех пор я придаю особое значение функции управления. Уверен, что при правильном управлении государством можно избежать многих конфликтов и многих жертв. Ну а гарантией гражданского мира должен стать институт президентства. Народ выбирает президента, а значит, президент должен нести персональную ответственность за жизнь и безопасность каждого гражданина. Такую же ответственность несут и те лица, которые работают в «команде» президента.

Беседа вел Юрий БЫЧКОВ

Григорий КРОШИН

...И ЗА ТОГО ПАРНЯ Парламентский фельетон

— Ой! Чего это у него такие длинные руки?!

— Да-а-а, вконец уже обнаглели...

(Из разговора корреспондентов на парламентском балконе во время заседания)

Ох, обижаем мы наших избранных! Ничтожно все-таки мало платим, читатель. За такую изнурительную работу — какие-то несчастные пять сотен. Да еще в рублях. Да еще с вычетами... Не верите? Вот вам фрагмент из заседания пятой сессии Верховного Совета СССР, парламентарий В.И.Кириллов получил, наконец, долгожданное слово у микрофона:

— Анатолий Иванович... Я сегодня получил заработную плату, как и месяц назад, 429 рублей. Правительство обещало выплатить компенсацию до 2 апреля — не платит. Не знаю, что делать в такой ситуации...

Смех в зале. Кому смешно, а Кириллову — хоть плачь. Представляете себе, читатель, его безвыходную ситуацию?! Правда, Анатолий Иванович Лукьянов пришел ему на помощь:

— Мы прилагаем все силы, чтобы как-то помочь депутатам. Вы такие же работники, причем это тяжелый, нервный труд... это и бессонные ночи, и многое другое... Наверное, нам придется увеличивать заработную плату депутатов.

Лаптев И.Д.:

— Во всяком случае, уменьшить ее нельзя — некуда. Все. Дальше некуда. Конец цитаты. Я ж и говорю — изнурительная работа, не всякий выдержит. Нет, не позавидуешь депутатам с их хваленными кремлевскими буфетами да крупными планами в телевизоре. До того ли им, бедолагам! То один, то другой, глядишь, не выдерживает, сходит с дистанции, срывается, испускает вопль отчаяния... Вот уж такой, казалось, железный депутат, бывший генпрокурор А.Сухарев, и тот, помните, в конце концов сломался.

— Даже полтора-два года тому назад я не представлял себе всех

этих трудностей, когда не хватает 18 часов ежедневной работы, практически без выходных дней... На бюллетене я не был ни одного дня...

А профессиональный парламентарий В.Стадник тоже не выдержал, взмолился в ответ на сетования прокурора:

— Нам тоже всем, извините, по 18 часов здесь приходится работать, но еще никто из этого зала не убежал...

Ну, насчет «никто не убежал» парламентарий малость, конечно, подзагнул. И хотя действительно отдельные из депутатов вкалывают, как звери, по 18 часов без выходных и бюллетеней, иные позволяют себе время от времени расслабиться и «убежать из зала»...

И, глядя на такое их расслабление, избиратели подчас и делают разные свои скоропалительные выводы и дилетантские напутствия о том, что, мол, хватит заниматься пустой говорильней, пора начать работать, самое время поднажать. И, надо признать, выводы и напутствия эти дают себя знать: избранные начинают изо всех сил нажимать. И как только ухитряются, откуда резервы трудоспособности выискивают, понять не могу: работают временами буквально за двоих! Да что там за двоих, иные успевают и за троих, а то и за всех четверых! Ну, скажите, можно ли такой энтузиазм оставлять без вознаграждения? Поддерживаю Ивана Лаптева.

А почему бы нет? Принцип-то наш остался неизменен, несмотря на все более неслышное произнесение вслух термина «социализм»: каждому — по труду. Мы ж все время повторяем друг другу: кто больше вкалывает, больше, так сказать, нажимает в работе — должен больше и получать в кассе сумму прописью.

Ну, раз он трудится за двоих — за себя и за того парня... Или за ту девушку, извините за непарламентское выражение...

А ТО ЧТО-ТО слишком часто слышится тяжелый вздох председательствующего А. Лукьянова, тоскливо глядящего на табло и оценивающего вслух результаты утренней регистрации:

— А товарища Кворума нет...

Нервный смех в зале. Это смех сквозь слезы: того и гляди, изнурительная работа по 18 часов без отпусков и выходных, вся из себя такая законодательная, может пойти насмарку. А с другой стороны, весьма загадочно это явление и не очень понятно: почему ж его все нет и нет, этого вредного товарища Кворума? Ведь, кажется, так уж стараются трудяги-парламентарии, изо всех сил вкалывая да нажимая. Аккредитованным журналистам отчетливо видно с балкона, как они именно за двоих, троих, четверых нажимают. Жмут всеми имеющимися руками кнопки голосования на пустующем ряду — как свои, так и все остальные, соседские... И, похоже, не смущает их, избранных, что падкие на сенсацию журналисты глядят на это мероприятие в упор, фиксируют на фото пленку... Правда, некоторые парламентские новички (после ротации) озираются еще с непривычки по сторонам, смотрят и вверх, на журналистов, на наш настырный балкон, и, застигнутые нашими взглядами, виновато улыбаются, однако... жмут, жмут, жмут эти проклятые кнопки.

А на табло в это время — цифирки знай себе бегут. Машина-то дура. Она ж, как и мы с вами, все за чистую монету принимает, регистрирует согласно нажатым кнопкам. Она ж не ведает, что у избранных наших дли-и-и-инные руки, достанут несмотря и невзирая... И нажимают, чья рука сколько достанет кнопку.

А сколько раз известный депутат Александр Оболенский на сессиях к микрофону выходил, раздражая «длиннорукую» публику, слово брал,

стыдил обманщиков, обращал внимание на то, что хоть за такой-то Закон вроде уже благополучно проголосовали и приняли, но на самом-то деле... НЕ проголосовали и, следовательно, НЕ приняли. Так как тех, кто «голосовал», вообще... нет в зале!

И, кстати, такие курьезы происходят не только в союзном парламенте. На одном из прошедших съездов российских депутатов в списке проголосовавших значились народные депутаты Артем Тарасов и Муса Манаров, хотя один во время голосования был во Франции, а другой... в космосе. Смешно?

Не очень. Ведь из-за подобного «товарища Кворума» невозможно принять подчас очень нужные законы. Так, например, случилось недавно в союзном парламенте. 16 мая, когда в очередной раз пытались донести Закон о въезде и выезде, буквально выбежал к микрофону член Верховного Совета алматинский токарь Анатолий Крышкин и чуть ли не возопил:

— Анатолий Иванович! Это ж безобразия! Я специально три раза пересчитал присутствующих членов Совета Национальностей — их ровно 116. А кворум есть, потому что каждый из них жмет по две-три кнопки!..

Вот я и говорю: тем, кто вкалывает за двоих-троих, надо и платить вдвое-втрое больше. Согласны? Все «за»? Кто-то есть «против»?

Есть. Москвич Г.Фокеев даже письмо возмущенное прислал в редакцию: «Лица, голосующие таким образом (за других) в Верховном Совете, фальсифицируют законодательный процесс, то есть в итоге фальсифицируют само законодательство. Мне такая практика представляется преступлением против государства, кару за которое у нас, насколько я знаю, никто не отменял».

А мы все жалуемся печатно и непечатно: законы наши не работают, законы не работают... Почему ж они, наши раскрепасные законы, не работают? Много, конечно, тут может быть названо причин: недостаточно «юридически проработаны», не вполне «взвешенны», отсутствует «механизм» их действия... А может, еще и из-за того, что не столь уж и необходимы они порой? Но, спрашивается, кто ж должен определять эту самую их необходимость для всей страны или республики? Как раз те самые наши с вами избранные.

Еще одна цитата. Из реплики депутата Бозорали Сафарова:

— Депутаты находятся здесь на работе, а на работу не приходят. Если бы они не приходили на предприятия, им ставили бы прогулы и за этот день не платили. Вместо участия в заседании некоторые идут на митинги, на демонстрации или куда-то еще...

А куда еще? Одни в это время бегают, высунув язык, по министерским коридорам, «выбивая» для своего завода или города фонды да инвестиции, другие дают важное интервью для «Нью-Йорк таймс», третьи срочно умчались меняться опытом нажимания кнопок голосования к коллегам по несчастью — английским лордам... Кто куда.

КСТАТИ, О ЛОРДАХ. Любопытную информацию выдал нам, парламентским журналистам, Председатель Совета Союза Иван Лалтев. Решительно осудив позорный факт, когда наши депутаты голосуют одни за других, и назвав это форменным безобразием, он сообщил заодно, что, к примеру, у тех же лордов в той же Англии подобное представить себе просто невозможно: оказывается, там, у них, голосуют... ногами. А именно: когда объявляется голосование, все парламентарии выходят из зала заседаний, а потом снова входят в него, но — через специальные турникеты, да еще под неусыпным наблюдением контролеров. В такой вот нервной обстановке уже не протривишь — каким бы ты ни был добрым и безотказным — вместе со своими двумя еще и ногу своего коллеги-депутата, который в данный момент отсутствует по уважительной причине и находится в другой стране или на другой орбите... Словом, у этих джентльменов и леди такое напроцех исключено.

У нас же... делов-то! И вот таким путем мы успешно добиваемся наличия кворума. Которого на самом деле нет и в помине. А все мы, избиратели, думаем, что он есть, что все о'кей, что очередной закон принят. Квалифицированным большинством.

Однако, на поверку, чересчур квалифицированным-то оказывается вовсе не большинство, которого нет, а наоборот, меньшинство, которое сидит себе и... нажимает, нажимает, то есть благополучно печет один закон за другим, «каковые потом совершенно не работают. Они и не будут работать, раз их приняло мало кого представляющее меньшинство длинноруких депутатов,

подзабывших слегка, что призвали их в этот зал выражать интересы не какой-то там теплой и добрейшей компаши, а избирателей, которые их, длинноруких добряков, к сожалению, избирали...

И длинноруким многостаночникам-депутатам, видимо, абсолютно невдомек, что уж если они, то есть парламентарии, так внаглую жульничают (а как иначе назвать-то?) с нашими, а точнее — с их же собственными, законами, то что уж ждать от миллионов и миллионов тех, кто должен эти законы впоследствии соблюдать? Проще говоря, мы-то почему должны относиться к этим законам с уважением и трепетом, если сами законодатели так откровенно, прямо даже крупным планом в телевизоре чихают на них? Причем ладно бы еще чихали только от одного своего имени, а то ведь каждый норвиг проделает сие и от имени тех самых двоих или троих столь же народных, но отсутствующих депутатов.

И знаете... две-три кнопки, оказывается, вовсе еще не рекорд депутатской трудоспособности и длиннорукости. Недавно на сессии в российском парламенте, при очередном голосовании, я посмотрел вниз, в партер, где с изумлением увидел некий акробатический этюд: в четвертом ряду сидит полноватый такой, симпатичный на вид депутат, член Верховного Совета республики, правда... в какой-то неестественно вывернутой позе. Зажглось табло как сигнал к началу голосования, и тут депутат, симпатичный, хотя и вывернутый, представьте себе, на моих глазах, одновременно — фантастика какая-то! — нажал сразу аж... пять кнопок! А конкретно: три, расположенные в спинках кресел перед ним, и еще две — за спиной... Вот это, я думаю, и есть на сегодня абсолютный рекорд парламентского рвения. Ну, скажите, как после этого не оценить такую невероятную многостаночность в благородном деле законопечения?

Тем более, что в самой-то этой многостаночности, а значит, в длиннорукости, а стало быть, обмане избирателей нет, по-видимому, ничего зазорного: не зря же непонятливному Крышкину председательствующий на том майском заседании дал достойную отповедь:

— Ну, это уж не дело — подозревать депутатов...

Гагик КАРАПЕТЯН

ПЛОЩАДЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Фрагменты из журналистского блокнота

Фото Р. Мангасаряна

«ЛЕ-ВОН! ЛЕ-ВОН!» — здание армянского парламента оказалось в мирной осаде тысяч и тысяч ереванцев. А за стенами Верховного Совета — утомительное голосование, решающее, кому возглавить республику. Если бы децибелы скандирования шли «в зачет», то Левон Тер-Петросян победил бы в первом туре. Но их было четыре. Поражение его соперника — теперь уже бывшего первого секретаря Компартии Армении Владимира Мовсисяна, после политического «нокаута» по сути сошедшего с дистанции (хотя он пока и остается членом ЦК КПСС), означало конец партийной монополии на власть. Сменивший Мовсисяна на первом в КПА посту, Степан Погосян, «порулив» без году неделя, не успев стать членом Политбюро ЦК КПСС и дать огромное количество интервью, также попросился в отставку. Количество сданных партбилетов после победы Тер-Петросяна резко увеличилось, на всю Армению осталось 1250 подписчиков «Правды». В Верховном Совете республики, где поначалу было 70% коммунистов, сегодня при голосовании раздается 2—3 голоса, защищающих интересы Компартии Армении...

Глубокой ночью 4 августа 1990 года после марафонских выборов Левона Тер-Петросяна буквально на руках отнесли к «Жигуленку». А многотысячная толпа двинулась к полукругу бывшей Театральной площади — «колыбели» комитета «Карабах» и его лидера. Именно здесь он экстерном и вполне успешно освоил политминимум по предмету «митинговая демократия». После армянской «бархатной революции» на очереди — зачеты и экзамены по курсу «государственная политика».

О ДЕСЯТИМИНУТНОЙ телефонной беседе-поздравлении Михаила Горбачева, отдохнувшего в те дни на берегу Крыма, с только что избранным Л. Тер-Петросяном (Ереван) я тогда оперативно сообщил в центральную газету, собором которой являюсь в Армении. Однако уникальный факт подобного общения бывшего «экстремиста» с выдающимся автором этого, по сути, счастливого ярлыка (если не учитывать покалеченное в застенках Бутырки здоровье, поправить которое у Левона никак не найдется время) оказался настолько невероятным, что мою корреспонденцию опубликовали на третий день — после подтверждения сенсации на страницах соседней центральной газеты.

Гнаться за следующей «бомбой» не было уже ни сил, ни желания, хотя начавшаяся политигра сулила неожиданные повороты: по мнению оппонентов, стоило Горбачеву поманить пальцем, как Тер-Петросян чуть ли не первым же самолетом прибыл в Москву, а ведь мог бы в знак солидарности демонстративно поехать в столицу через Вильнюс, ставший тогда жертвой экономических санкций и блокад со стороны центральных властей.

Повторяю, так считали оппоненты Тер-Петросяна. А сам он, объявив, что не держит зла на тех, кто совсем недавно устроил ему полугодовой «отпуск» в тюремной камере, встретился с Николаем Рыжковым и Владимиром Крючковым, Евгением Примаковым и Александром Яковлевым. Наконец, с Борисом Ельциным... Да, такие разные собеседники, но вроде бы с каждым Левон нашел общий язык. Недаром Тер-Петросян, простите за каламбур, владеет десятью живыми и мертвыми языками. Таким образом, своеобразные верительные грамоты были вручены, и наступило время действий. Реальных, без иллюзий.

СВЯТО МЕСТО пусто не бывает. вакуум, образовавшийся на переходном этапе безвластия, решили заполнить оказавшиеся без дел на межреспубликанской границе бойцы Армянской национальной армии (АНА). Убийства народного депутата республики Вити Айвазяна и командира отряда ополченцев Геразника Микаеляна среди бела дня, вблизи штаб-квартиры АНА, переполнили чересчур глубокую чашу

терпения Левона Тер-Петросяна. Вся республика, затаив дыхание, ожидала результатов жесткого ультиматума, предъявленного главой армянского парламента 29 августа 1990 года. Двести боевиков АНА сдались, но примерно полсотни хорошо экипированных ребят с полными боекомплектами оружия окольными путями исчезли из Еревана, а бывшие руководители расформированной АНА ждут законного суда.

Однако широко распространявшиеся слухи подтверждались: глубокой ночью обстреляны окна квартиры первого вице-председателя ВС Армении и члена комитета «Карабах» Бабкена Аракчяна; здание парламента снаружи и внутри (особенно коридоры у кабинетов руководства) тщательно охраняется местными милиционерами и сотрудниками КГБ. На мою просьбу об интервью с Тер-Петросяном один из его соратников, ныне мэр Еревана Амбарцум Галстян, доверительно признался, что помочь мне не сможет — уже трижды полученные сведения о готовящихся покушениях на Левона. Действительно, какие тут разговоры...

Признаюсь, тогда удивило не это, а другое: после убедительной победы на парламентских выборах руководители новых властей Армении чуть ли не автоматически, даже не сменяя номеров, пересели в черные «Волги», переехали на те самые гонимые, которые были многолетней притчей во языцех на митингах того же комитета «Карабах». А чуть позже увидел персональный бронированный лимузин Тер-Петросяна. Неужели за что боролись, на то и напоролись? Но, возможно, я был не прав — на вкус и цвет (черный «Мерседес» для главы республиканского парламента, по непроверенным сведениям, был передан в дар одной из зарубежных армянских общин) друзей не было и нет. В конце концов безопасность руководителей республики и их родных — далеко не последнее дело. Во всяком случае, я уже не удивился, когда в здании телерадиокомитета, у дверей кабинета, где работает жена Тер-Петросяна, журналистка, увидел молодых ребят, часами разгуливающих с футлярами для скрипок.

ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ осенью—90 мне предстояло выйти в

прямой телеэфир, участвуя от Армении в общесоюзной программе «Содружество». Десятиминутный сюжет — мозаика документальных кинокадров, запечатлевших многолетнее противостояние двух республик, был уже наспех смонтирован, когда нас предупредили о предстоящем приезде в телецентр чуть ли не всего руководства республики. Им «любопытства ради» хотелось знать, что мы продемонстрируем в ответ на нашумевшую передачу из Баку, показанную неделей раньше — по принципу паритета — по тому же телеканалу.

Левон Тер-Петросян смотрел на монитор, сидя в кресле и полужамурив глаза. Мне казалось, что он даже задремал — ведь позади целый день бурных парламентских дебатов. Но нет, после почти разгромного обсуждения нашего «телечерновика» Тер-Петросян взял слово и чрезвычайно спокойным тоном высказал два лаконичных, принципиальных пожелания. Первое — в кадрах о беженцах Сумгаита—88 вряд ли имеет смысл оставлять для показа на всю страну рыдающих несчастных женщин: может, хватит накалять страсти подобным образом? И второе — в закадровом тексте трагические события последних лет сравнивались с геноцидом армянского народа в 1915 году, организованным правителями Османской империи: может, хватит вызывать сегодня никому не нужные исторические ассоциации и параллели?

Нет, только не политцензором в тот поздний вечер был Тер-Петросян. Передо мной сидел уже не законоперчик революционных для Армении митингов, а государственный муж, который хорошо представлял все трудности республики, взявшей курс к подлинному суверенитету. Действительно, до сих пор главу армянского парламента нет-нет да критикуют его оппоненты за «протурецкую» политику. Хотя для сведения: родители Тер-Петросяна именно после тех трагических событий 1915 года оказались на чужбине, а сам Левон родился 45 лет назад в сирийском городе Алеппо.

Уж кто-кто, а он, доктор исторических наук, автор шести монографий и 70 статей, посвященных армяно-ассирийским культурным связям, отдает себе отчет в том, что Армения на пути достижения независимости сама должна искать, создавать новые, более надежные, чем

прежде, гарантии для своего многострадального народа. (Так, нормализация отношений между Арменией и Турцией — одно из звеньев в ряду этих гарантий.)

НИКАК НЕ УЛЯГУТСЯ в республике бурные переживания, возникшие до и после мартовских—91 митингов Армянского общенационального движения (АОД) и Объединения национального самоопределения (ОНС). Политические ассоциации обычно — дело рискованное, но восьмичасовой марафон тогдашнего внеочередного заседания армянского парламента заставил сравнить противостояние пар Горбачев—Ельцин, Тер-Петросян — Айрикян.

Дело в том, что до высылки из СССР и лишения советского гражданства в 1988 году Паруйр Айрикян, руководитель ОНС, можно сказать, в одной упряжке с Левоном боролся против прежних властей республики. Лидеры АОД приложили максимум усилий, чтобы тот же Айрикян, если не ошибаюсь, впервые в мире, заочно, находясь за границей, в США, убедительно победил на парламентских выборах. И Левон Тер-Петросян неоднократно обращался к президенту СССР с просьбой о возвращении советского паспорта тогда уже народному депутату Армении. Наконец, помню, как искренне, на виду у всех, обнялись в здании парламента Левон и Паруйр...

Однако Айрикян, несмотря на благосклонность прежних соратников, решил не изменять своей позиции «вечного диссидента». Сначала развернулась парламентская конфронтация чуть ли не по всем вопросам повесток дня сессий. Затем дело дошло до скандирования сторонниками Айрикяна под окнами Верховного Совета Армении оскорблений в адрес Тер-Петросяна и его товарищей по комитету «Карабах». Наконец, апофеоз этого конфликта: местная милиция по приказу и.о.министра внутренних дел Ашота Манучаряна (между прочим, доверенного лица ПАйрикяна на выборах) после захвата членами ОНС здания Ереванского горкома партии превентивно, до выяснения всех обстоятельств ЧП, арестовала депутата Айрикяна, продержав его целую ночь в одном из РОВД Еревана. Разразился скандал, тлеющий до сих пор.

Жуткий парадокс не просто изменившегося, а прямо-таки вверх дном перевернутого времени! С кем только после принятия Декларации о независимости не заключила Армения договоры о согласии, сотрудничестве, партнерстве, но нет хотя бы джентльменского уговора между АОД и ОНС, иными партиями и движениями, представленными в республиканском парламенте. Может, в столь острой ситуации, ради безопасности нации и республики, имеет смысл подписать некий межпартийный пакт — мораторий на всякое антиконституционное, антипарламентское противостояние? Не уничтожающий понятие «оппозиция», но спасающий от пагубного раскола...

Небольшой парадокс из множества подобных. Почему даже мы, журналисты, случайно — на митингах или в парламенте — узнаем о принципиальных встречах ЛТер-Петросяна или премьер-министра В.Манукяна с тем же ПАйрикяном, в то время как в духе застойных времен республиканские газетные полсы и дорогое телевремя заполняют сообщения о диалогах с иностранцами, важными и не очень? Причем текст этих почти тассовских сообщений мало кого согревает.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ жителей Армении ожидал сюрприз. После традиционного телеобращения руководителя республики к народу многие переключились на московский канал, чтобы послушать идентичные пожелания президента СССР. Вдруг — прямое включение с ереванской площади Независимости, где теперь обычно устанавливается, так сказать, главная елка республики. Буквально под ней, в окружении детишек, их родителей и Дедов Морозов, уже неформально беседовал с тележурналистом Левон Тер-Петросян, судя по настроению, ненадолго вышедший на улицу из-за праздничного домашнего стола. Кстати, этот телерепортаж начался почти одновременно с традиционным выступлением Михаила Горбачева. Совпадение наверняка случайное, но весьма характерное, как мне показалось тогда.

СРАЗУ ПОСЛЕ ТОГО, как в апреле этого года Тер-Петросян подписал постановление о национализации партиющества республи-

канской компартии и комсомола, оппоненты вспомнили о его давнишнем ярлыке «антикоммуниста». Активнее всех за сына вступился 83-летний Акоп Тер-Петросян, один из основателей и бывших руководителей компартий Ливана и Сирии: «Левон — беспартийный, это верно, но коммунист он лучше многих, кто носит в кармане партбилет. Он понимает коммунизм как справедливость, свободу, а не диктат парт-аппарата». Между прочим, «семейная партиячка» (Тельман и Петрос, братья руководителя армянского парламента, — коммунисты с солидным стажем, один из них, представьте, — член ЦК республиканской компартии нового созыва) распаться не собирается.

Первой сенсацией кадровой политики новых властей, напомним, стало настоятельное предложение Тер-Петросяна на пост одного из своих заместителей Гагика Арутюняна, тогдашнего заведующего социально-экономическим отделом ЦК КПА. Дальше — больше. Сегодняшнее правительство республики с полным основанием можно назвать коалиционным: оно состоит из коммунистов и членов АОД, убедительно победившего на выборах. Причем львиная доля министерских портфелей отдана первым (в том числе и прежним кадрам). «Главное при назначениях, — подчеркивал Тер-Петросян, — не партийная принадлежность, а компетентность, желание поработать на пользу родины».

ВЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ, насколько аккуратно Левон Тер-Петросян посещает заседания Совета Федерации? И при этом остается самой загадочной фигурой в телетрансляциях с заседаний данного органа-призрака: никаких интервью в кулуарах, имидж человека предельно спокойного и осторожного. Однако — до поры до времени.

Вспомните январскую трагедию в Литве. Мало кому известно, что о ней Тер-Петросян узнал по дороге в Москву. У Левона еще в самолете возникла идея посредничества, учитывая именно то обстоятельство, что развитие событий в Литве непременно отзовется эхом в Армении. (Что и случилось, как известно, спустя несколько месяцев на армяно-азербайджанской границе, в самой республике и в НКАО.) Оказываясь, Ландсбергис с радостью принял

предложение Тер-Петросяна, который при поддержке Ельцина постарался убедить Горбачева в обязательном участии полпредов Армении (кроме Левона там был и А. Манучарян) в делегации Совета Федерации.

Обо всем этом союзный телезритель и читатель, видимо, узнает впервые, ибо всем показалось (благодаря программе «Время»), что командировка Тер-Петросяна в Вильнюс — неожиданная идея самого Горбачева. Тем более неуместными кажутся суждения некоторых моих соотечественников в связи с миротворческой миссией Левона: мол, он в Литве «представлял империю». Ответом на эти несправедливые упреки могут послужить слова Тер-Петросяна, сказанные им после возвращения в Ереван из Вильнюса: «Пришел момент, когда демократы не имеют права быть равнодушными, если где-то в стране происходит подобное».

...В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ мне позвонили и рассказали, что кого-то из местных начальников новые руководители «попросили» поискать себе другую работу. А где прикажете ее искать при крутом сокращении штатов, при «замороженных» и без того худосочных окладах? И после естественных в таком случае слов утешения во мне нередко просыпается ненасытный «червь сомнения»: куда же он клонит? Да тут еще слышатся голоса не столь уж малочисленных оппонентов Тер-Петросяна: «На наших глазах рождается новая мафия, уж она-то окончательно доведет Армению до ручки!»

Но если мы, большинство жителей республики, проголосовали за этот состав парламента и этого председателя, значит, должны понять — каждая новая власть, тем более впервые избранная свободно, вправе иметь собственную «команду». А «команда» Тер-Петросяна у власти всего десять месяцев, да ка-

ких — каждый из них по концентрации событий и переживаний стоит, пожалуй, трех. Наверняка, случались ошибки (они так заметны) и промахи в расчетах. Однако, как бы ни было тяжело, какие бы лишения ни испытала Армения (транспортные блокады, сверхдефицит горючего, электроэнергии, газа, пустые полки магазинов — талоны на масло, например, не отоварены с марта, наконец, то и дело вспыхивающий костер межреспубликанской войны), народ сделал свой необратимый выбор.

Сейчас Левона Тер-Петросяна крайне редко, лишь в дни чрезвычайных событий, можно услышать на митингах. И всякий раз его выступление заканчивается словами: «Борьба! Борьба до конца!» А площадь Независимости откликается лесом вскинутых рук и, как все эти годы, — общей клятвой: «Борьба до конца!»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СЛУЖБА ОБЪЕДИНЕНИЯ

«АКТИВИТАС»

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОДПИСКУ НА НЕИЗВЕСТНЫЕ НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ
СОЧИНЕНИЯ МАЙН РИДА.

Серия из 5 увлекательных романов, адресованных прежде всего подросткам, выйдет в удобном для чтения «карманном» формате, в твердом переплете, с иллюстрациями. Ориентировочная цена каждой — 8—10 рублей.

Срок выхода серии: конец 1991 г. — первая половина 1992 г.

Желающих подписаться просим пересылать аванс 10 рублей, он будет зачтен при рассылке последних книг серии.

Аванс пересылается на расчетный счет N 609434 в Коммерческом банке «Пресня-банк» г. Москвы, МФО 201144, получатель — объединение «Активитас». Заполненный подписной купон-заявку перешлите почтой по адресу: 125124, Москва, 5-я улица Ямского поля, 28/32, «Активитас».

ПОДПИСНОЙ КУПОН—ЗАЯВКА

Прошу выслать наложенным платежом книги Майн Рида по адресу:

Фамилия, имя, отчество подписчика _____

Взнос в размере 10 рублей перечислен _____ 1991 г.

квитанция N _____

(в конверт вложите квитанцию о переводе аванса).

Юрий БУРТИН:

ПОКА ЧЕЛОВЕК ЖИВ, ОН НАДЕЕТСЯ

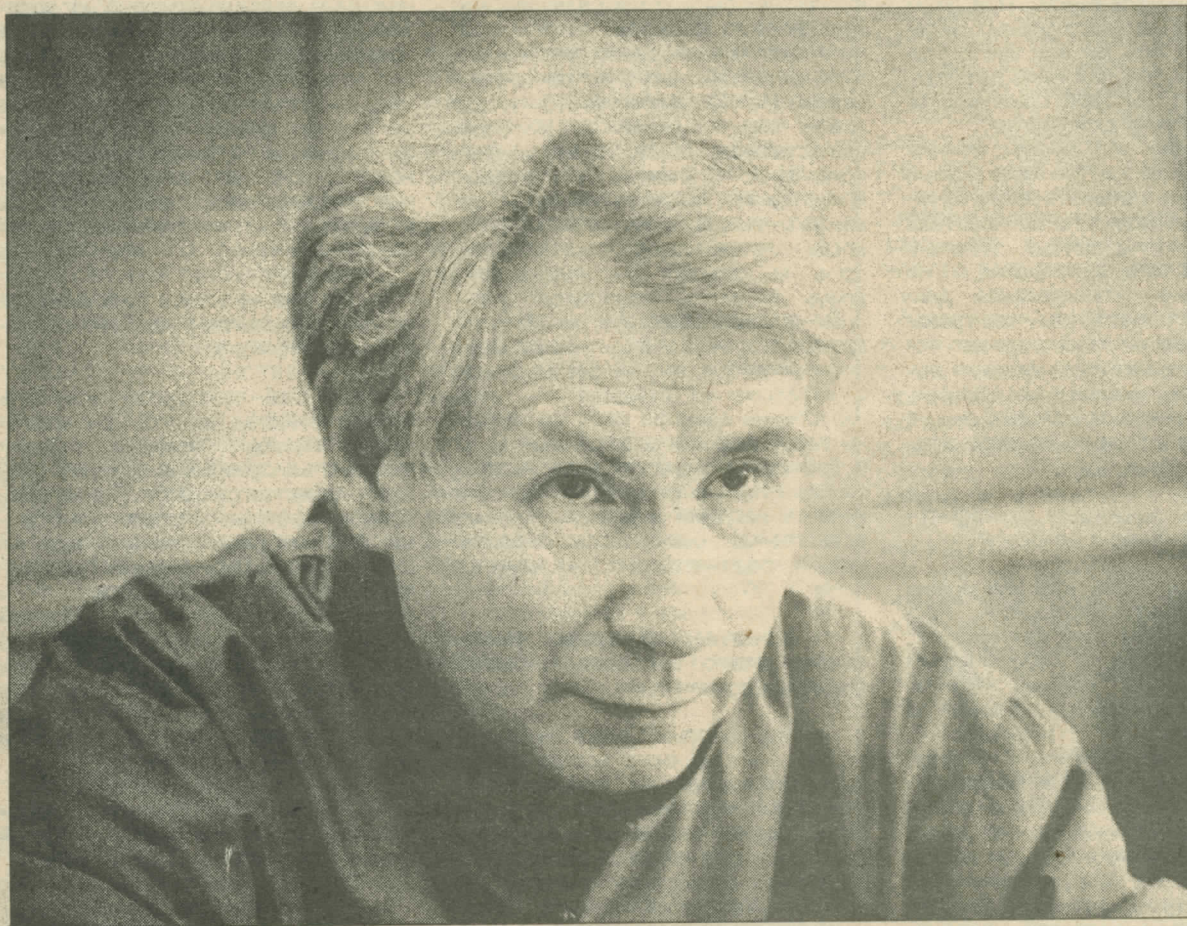

Фото А. Дубнова

Юрий Григорьевич БУРТИН (родился в 1932 году), литературный критик, публицист. Один из соредкторов газеты «Демократическая Россия». Окончил Московский университет. В 1958 году, работая учителем, совершил, по тогдашним меркам, «политическое хулиганство». За попытку выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР А.Т.Твардовского был исключен из кандидатов в члены КПСС.

С 1967 по 1970 год работал в журнале «Новый мир» старшим редактором отдела публицистики, вел раздел политики и науки. В конце 1989 года в журнале «Октябрь» (№№ 11—12) появилась его статья «Ахиллесова пята» исторической теории Маркса», в которой Ю.Г.Буртин впервые в советской печати снял «табу» с обсуждения ранее «закрытой» темы.

— Юрий Григорьевич, можно ли считать подлинно демократическим наше демократическое движение?

— Я думаю, что в наше время, в условиях социалистического мира есть только одна ясная и простая альтернатива — тоталитаризм или демократия. Поэтому движение, которое направлено на преобразование тоталитарного строя, уже само по себе, независимо от качественного состава его участников, — движение демократическое. При всех различиях во взглядах разных лидеров и партий, все так или иначе сходятся на том, что нам надо выбрать на дорогу мировой цивилизации, то есть на дорогу демократии.

Другое дело, что людям, впитавшим с молоком матери совершенно иные понятия, представления, трудно и даже невозможно за короткий срок стать полноценными демократами. Кроме того, демократия — не константа, не окончательная данность, это процесс. Мы находимся в одной из самых начальных его точек, что сказывается на степени работанности нашей философии, этики, отношения к истории — на всем. Но мы вступили на этот путь, и это уже хорошо.

— Как вы понимаете демократическое отношение к истории?

— Как отношение, которое можно выразить словом «историзм». Рассматривая демократию как процесс, как синоним истории человеческой цивилизации, мы должны признавать естественность и историческую обусловленность разномыслия, которое существовало всегда. Должны уметь видеть в различных течениях, скажем, нашей отечественной общественной мысли своих предшественников, в каждом из явлений прошлого, находившегося порой в состоянии взаимной оппозиции (и довольно жестокой) находить элементы демократии и гуманизма, понимать, что все они, как пчелы, несли свой мед в общий улей мирового развития. У нас такой взгляд на историю недостаточно выработан.

В нашу эпоху резкой переоценки ценностей, смены идеалов и героев мы одних низвергаем, других поднимаем на пьедестал. В этом есть своя необходимость и справедливость, но еще больше — опасность. Заменяя одних героев другими, можно вновь потерять полноту истории,

объективный взгляд на нее и то самое разномыслие, к которому столь усиленно призываем своих современников.

— Иногда перестройку называют «лебединой песней» поколения шестидесятников, иногда — их очередной иллюзией.

— Мне все-таки кажется, что перестройка для всех оказалась одним и тем же, независимо от возраста. Может быть, с той разницей, что молодежь, в большей степени аполитичная, чем старшие, продолжала жить своей жизнью и не так сильно увлеклась. Но политическую погоду все же делают активно-общественные слои, причем всех поколений. Поэтому я с трудом представляю себе граждански активного человека, который вначале, когда все выглядело многообещающим, не испытал бы никаких надежд. Конечно, социальный нигилизм — дело естественное. Но нигилизм, который не видит происходящих процессов, не интересуется ими и заведомо их отвергает, — умонастроение само по себе не только не плодотворное и не широкое, но и противоречащее природе человека, природе жизни. Пока человек жив, он все-таки надеется. Поэтому естественны были наши очарования и разочарования, у каждого свои.

— В последнее время общим местом стало покаяние в былой любви к Горбачеву...

— Ваш покорный слуга не обольщался никогда: меня всегда отвращали неискренность, фальшь, которые буквально сочились из него. Могу сделать только одно исключение. Помните, когда в Рейкьявике он вышел, расстроенный после несостоявшегося соглашения с Рейганом? На какой-то миг это был человек.

Что же касается «шестидесятников», во всяком случае, думающей их части, то собственный опыт должен был бы подвести их к осознанию того, что, пока демократическое движение остается движением, в основном, интеллигентным, оно слабо и бесперспективно. Именно так кончилась «оттепель».

Наша же интеллигенция полностью доверилась Горбачеву, на время как бы уснула и больше всего беспокоилась, чтобы ему не поме-

шать или его не рассердить. Поэтому снизила свою интеллектуальную деятельность, не проанализировала всесторонне ситуацию, не выработала конкретной программы. А это было крайне важно, тем более, что движение протеста поднялось по всей стране. Ведь если против разгрома «Нового мира» раздалось всего несколько редких и робких голосов, в 68-м после ввода войск в Чехословакию на Красную площадь вышло только семь человек, то сейчас дело совсем другое. Мне довелось знакомиться с телеграммами, поступившими после февральского выступления Ельцина по телевидению, — около 20 тысяч телеграмм за 10 дней, многие — с сотнями, даже тысячами подписей. Очень сильное впечатление. Телеграммы из самых неожиданных мест, от самых, казалось бы, неполитизированных кругов населения.

— Но тем не менее большинство из нас испытывает чувство собственного бессилия.

— Снова приходится признать естественность такого положения вещей. И наше бессилие, и мучительные конвульсии, в которых бьется демократическое сознание, предопределены многими факторами, они как бы изначально заданы. Огромная страна, режим, приобретший гигантскую прочность и свою особую рациональность. Полный контроль над информацией, по крайней мере, ее массовой частью. Многообразные институты власти, КГБ, армия — монолит, созданный, чтобы лишить нас возможности хоть какого-то объединения.

— Люди действительно стремятся к объединению. Но в какой форме? Партия ведь всем претит.

— Претит, конечно. Думаю, что общество не пойдет на создание какой-либо крупной организации вроде партии, хотя есть Травкин с его попыткой противопоставить одной организованной структуре другую. Логика его понятна, но все же сейчас большинство к этому не подтолкнешь. В этом смысле призыв Ельцина к созданию массовой партии был верным, хотя и неудачно сформулированным, так как использовано было все то же понятие — «партия». На самом деле имелось в виду массовое движение, и ему необходимо скорее найти свои неор-

ганизационные очертания и структуры.

Попробуйте такие есть. В нашей газете «Демократическая Россия» (№ 4, 1991 г.) опубликована статья философа В.Библера, в которой он развивает идею «гражданского парламента». Завязью его в свое время была «Московская трибуна», сейчас, увы, хиреющая без практического дела. Не могу, к сожалению, привести какие-то более конкретные примеры или факты, но по разговорам со многими лидерами оппозиции чувствую, что эта проблема сейчас назрела, и очень остро. Например, мы часто обсуждаем ее с Ю.Н.Афанасьевым.

— Теперь позвольте вопрос, который часто задается и обсуждается многими людьми. Не очень верят они в искренность тех лидеров оппозиции, кто достиг «степеней известных» в былые времена.

— Смена взглядов естественна, кто не изменился? Пушкин менялся, Достоевский. Но она может быть и безнравственной, если человек меняется в зависимости от политической погоды. У нас немало примеров подобного рода. Возьмем, к примеру, Г.Боровика. Был архиортодоксален в брежневские времена, столь же ортодоксально радикален в разгар перестройки, теперь занимает центристские позиции. Здесь об убеждениях говорить не приходится. Когда же у человека происходит внутренняя перестройка, внутренняя самокритика, это прекрасно, тем более если он не боится в этом признаться.

— Можете ли вы согласиться с мнением, что, «дорвавшись до власти», демократы, в большинстве своем, ведут себя ничуть не лучше, чем их предшественники?

— Равнять тех и других я не стал бы. Нельзя всех закрепивать одним крестом. Хотя есть большая доля истины в том, что, будучи нравственно невоспитанными, не имея нравственной школы, многие из нас в былые времена оказались нестойкими перед подарками и ласками со стороны властей предрежущих. Последние сознательно и весьма искусно одаривали своих конкурентов — кто был им в определенной степени опасен.

— Он умеет

— Значит, все-таки, купились?

— Да, многие, в сущности, купились, если не на прямые дары, то на возможности, вроде бы идущие не от властей, вроде бы заслуженные, — стали ездить за границу, издаваться, избраны депутатами и т.д. Немало людей утратило или ослабило в себе чувство ответственности перед народом. Колоссальной бедой в этом отношении была смерть Сахарова, для скольких из нас она стала решающим фактором! Как в 60-е для писателей смерть Твардовского...

Чрезвычайно важен и положительный момент, что наше общество пришло к осознанию обсуждаемой нами нравственной проблемы как одной из центральных, и в этом уже заложено противоядие. Безусловно, демократы должны взяться за критический самоанализ, за критику своей деятельности с разных точек зрения — политической, этической.

— Критики на страницах левой прессы вроде много, но в ней преобладает какой-то ернический тон.

— Среди черт советского человека, бывшего на протяжении десятилетий безгласным, униженным рабом, нынче особенно вышли на поверхность самолюбие, себялюбие. Обратная сторона прежней и еще сохраняющейся униженности. Они-то и проявляются в ироническом тоне, тоне превосходства одного по отношению к другим. Чувство, надо сказать, совершенно недемократическое.

— Недавно появилось еще одно издание — газета «Демократическая Россия». Вы один из соредкторов. В чем видите ее задачи?

— Хотим, чтобы газета была честной, имела трезвый аналитический характер. Главные задачи — объединение интеллектуальных сил различных слоев, течений, ячеек нашего оппозиционного движения и формирование того, чего нам так не хватает, — свободного демократического сознания.

Беседу вел
Александр НИКОЛАЕВ

ОСКОЛКИ

Петрозаводск

Гром грянул — власти перекрестились

Забастовка водителей автобусного парка петрозаводского автотранспортного предприятия 1126 длилась пять дней. Завершилась акция громким разбирательством в Верховном суде Карелии. Коллегия по гражданским делам признала забастовку незаконной. По мнению юристов, водители нарушили статью 11 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)», запрещающую «прекращение работы /.../ на предприятиях и в организациях железнодорожного и городского общественного транспорта (включая метр...».

Пренебречь этим запретом водителей вынудили тяжелые условия труда, низкая зарплата, нехватка машин. Руководство ссылается на «объективные причины» сбоев, но у забастовщиков мнение иное: они считают, что администрация бездействует, а профсоюз закрывает глаза на многочисленные нарушения КЗОТа.

И все же забастовка, парализовавшая весь город, принесла хоть какую-то пользу: чрезвычайная городская комиссия, столкнувшись с катастрофой местного масштаба, «изыскала» таки средства для приобретения тридцати польских и двадцати пяти отечественных автобусов для автопредприятия.

Выходит, правы были водители?

Ольга СИДЛОВСКАЯ

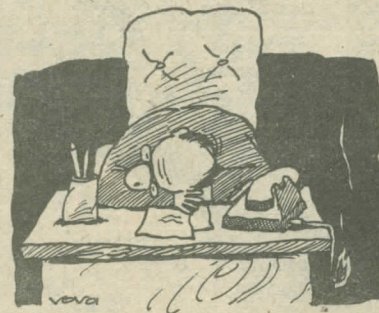

Рис. В. Иванова

В специальной колонии № 13 в городе Нижний Тагил отбывают наказание бывшие высокопоставленные чиновники.

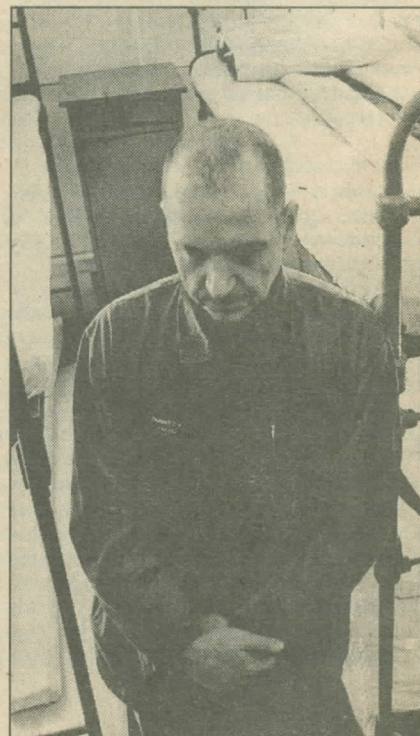
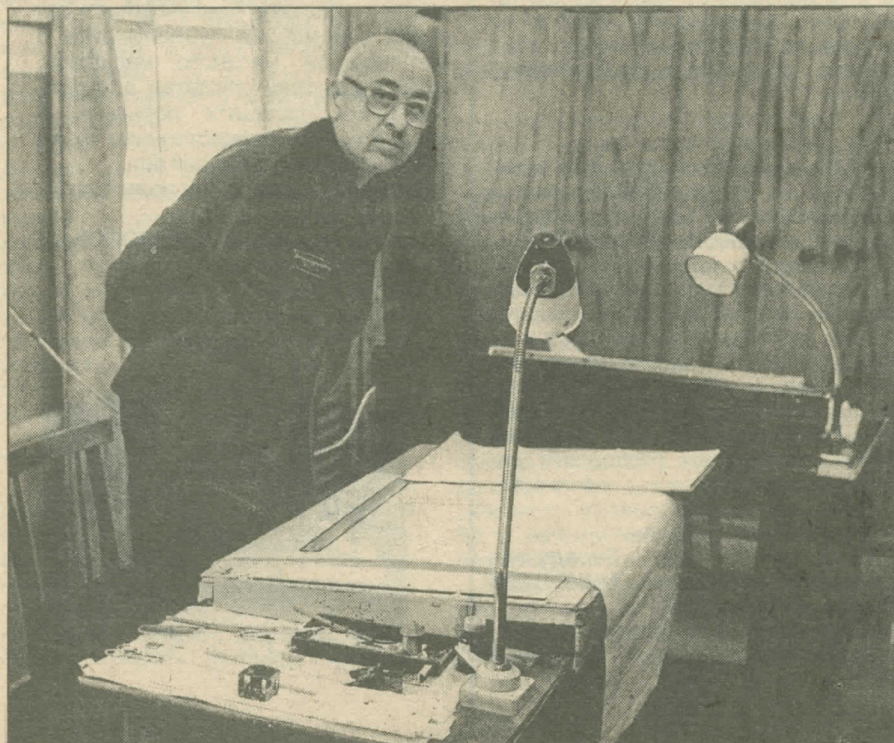

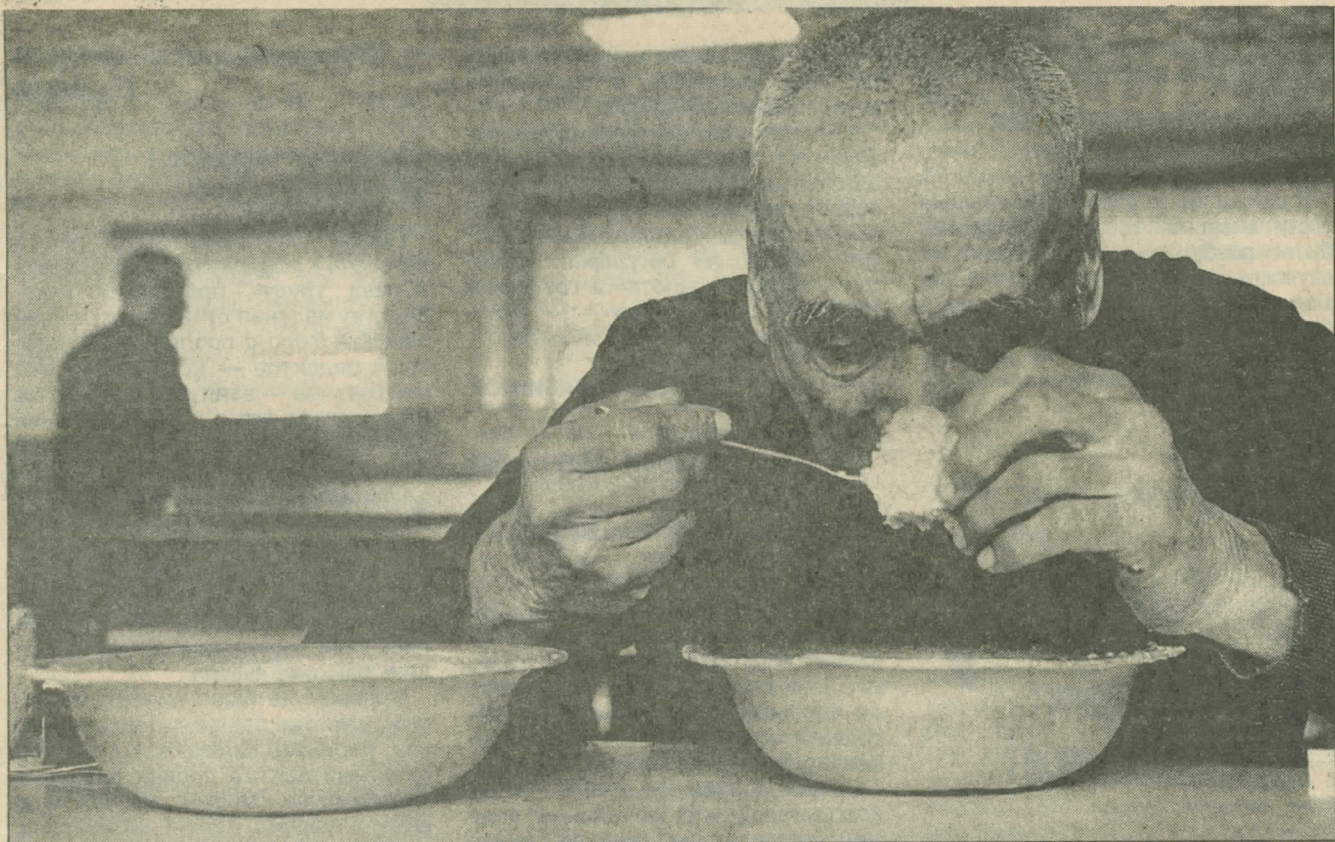
Фото *В.Савельева*

На снимках:
бывший первый зам. министра МВД СССР Ю.Чурбанов,

бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана И.Усманходжаев,

бывший зам. Председателя Совмина Молдавии В.Вышку.

На снимках:
бывший генерал МВД Узбекистана С.Сабиров,
бывший секретарь Л.Брежнева Г.Бровин,
бывший работник Краснодарского крайкома КПСС
В.Карнаухов.

Киев

«Сержант разбудит, как человека...»

В шесть часов утра мирно спящие гости киевской гостиницы «Десна» были разбужены требовательным стуком в дверь. Спросонок, не попадая в рукава и штанины, жильцы в бредовом предположении — «Неужели кофе в постель?!» — распахивали двери и... обнаруживали на по-

роге строгого милиционера. Страж порядка требовал предъявить документы.

Директор гостиницы поспешил успокоить возмущенных постояльцев: не волнуйтесь, дескать, ничего страшного не произошло, это обычная проверка паспортного режима... Другими словами, если к вам ломается ни свет ни заря, не пугайтесь — это не обязательно рэкетеры. Не рекомендуется в таких случаях настаивать на конституционной неприкосновенности жилища: можно испортить отношения не только с милиционером, но и со всем Управлением по охране общественного порядка МВД УССР, которое обязавшись соответствующей служебной инструкцией, согласованной со многими министерствами и ведомствами, включая Министерство жилищно-коммунального хозяйства.

Высокие чины этого самого управления сообщили, что проверка в гостинице «Десна» была организована по причине участвовавших краж, совершаемых незарегистрировавшимися гражданами...

Надо отдать милиции должное: в «Десне» они «выявили» не только нескольких беспаспортных бом-

жей, но и три ящика сливочного масла, приобретенных в нарушение установленного порядка.

Министерство внутренних дел республики заверило: «Такую работу органы внутренних дел будут проводить регулярно...» На конкретный вопрос газеты «Комсомольское знамя»: «Будет ли регулярно проводиться «такая работа» в гостинице ЦК КПУ «Октябрьская»?» — никаких разъяснений не последовало.

Ольга ГЕРАСИМЮК

Нижегород

Руководству не верят. Ждут Г. К. Жукова

Редакция областной газеты «Ленинская смена» провела анкетирование своих читателей. Первый вопрос анкеты был такой: «Доверяете ли вы нынешнему руководству области?» «Доверие» оказалось обозначено лишь в 15 анкетах из 1672.

Второй вопрос: «Назовите тех руководителей, кто, по вашему мнению, недостаточно хорошо справляется со своими обязанностями?» Лидирует здесь нынешний председатель облсовета (на момент анкетирования он был председателем облисполкома) Александр Соколов — ему выпало 1486 «черных шаров». На второй позиции — первый секретарь обкома партии Геннадий Ходырев — 1335 голосов.

Стоит ли удивляться, что на вопрос: «Назовите тех руководителей, кто, по вашему мнению, хорошо справляется со своими обязанностями» — подавляющее большинство респондентов — 1321 — ответили: таких нет.

Труднее всего для читателей молодежи оказалось ответить на последний вопрос: «Считаете ли вы, что положение в области может улучшиться благодаря смене руководства?» «Да» — ответили 884 человека; надеются, но сомневаются — 17; не знают, что ответить, 29 опрошенных; считают, что надо менять систему, — 434, категорическое «нет» — в 29 анкетах. Один из респондентов приписал: ничего, дескать, не изменится, пока в руководстве не появится «новый Г.К. Жуков».

Андрей СМЕРНОВ

Воронежская область — Барнаул

Райком упустил вожжи...

Поворинский райком КПСС решил призвать к порядку районную газету «Слава труду», предложил руководству издания отчитаться на ближайшем бюро о проделанной работе. А редактор — коммунист Евгений Богунов — взял да и ослушался, и коллектив его в этом ослушании дружно поддержал. Как посмели? А на законных основаниях.

Осенью прошлого года в результате конфликта редакции с райкомом партии журналисты поставили вопрос о том, чтоб учредителем издания был лишь Поворинский райсовет народных депутатов. И добились-таки своего: из-под «юрисдикции» райкома вышли.

Вызовом на бюро первый секретарь райкома пригрозил после того, как редактор отказался печатать отчетный доклад лидера районных коммунистов, заявив: «В докладе ничего ценного нет — ни анализа, ни показа путей выхода из кризиса... Интересы для читателей не представляет».

В подобном же «беспартийном» состоянии пребывает и газета Россошанского района. И ничего, оба эти издания читаемы, любимы без партуказующего перста. Мало того, поворинские журналисты даже получили премию от областного комитета профсоюзов — за хорошее освещение проблем профсоюзной работы...

Роман ОСТРОВНОВ

...А крайисполком взялся за кнут

На должность председателя Алтайского краевого комитета по телевидению и радиовещанию назначен бывший заведующий архивным отделом крайисполкома В. Петренко. Коллектив комитета потребовал от исполкома отмены этого решения и рассмотрения кандидатур из числа авторитетных среди журналистов людей. На что председатель Алтайского крайисполкома Ю. Жильцов ответил: «Бастовать будете — мы всем найдем замену... А теперь, товарищ Петренко, приступайте к

работе, а вы — марш по рабочим местам...»

Новый председатель начал рабочий день с того, что потребовал восстановить журнал учета прихода и ухода с работы (его отменили еще пять лет назад, учитывая ненормированный рабочий день творческих сотрудников). Петренко велел также выдать партбилеты тем, кто по своим убеждениям покинул ряды КПСС. Он настаивает на восстановлении их в партии.

Все это было бы смешно...

«Свой голос»

Рязань

Против Ельцина все средства хороши. Даже женщины

Все попытки местных журналистов докопаться до истоков политической акции «двадцати восьми рязанских эмиссаров» так ни к чему и не привели. События эти продолжают будоражить общественность своей загадочностью и поразительной четкостью организации «инициативы масс».

Произошло следующее: в один из дней работы внеочередного Съезда народных депутатов России группа рязанских женщин в комфортабельном автобусе отправилась «в Москву за правдой» — для непосредственной поддержки Светланы Горячевой в ее нелегкой схватке с Борисом Ельциным. Добраться до зала заседаний женщинам не удалось, зато удалось получить эфирное время в утренней информационной программе ЦТ. А уже на следующее утро в газете «Приокская прав-

да» появилось письмо с многозначительным заголовком «Женщины Рязанщины солидарны с Вами!», подписанное теми самыми двадцатью восьмью «ходоками». «Матери и дочери Рязанской области солидарны с Вами в борьбе с темными силами реакции, клеймят позором буржуазных приспешников на съезде, будут из последних сил раскрывать их сущность», — говорилось в этом высокохудожественном произведении. Видимо, лишь бурное возмущение читателей помешало «Приокской правде» использовать это письмо как «затравку» грандиозной кампании...

Выяснить должности или хотя бы место работы «эмиссарок» не удалось никому. «Раскрыли» лишь одну «мать и дочь» — бывшего заместителя секретаря парткома завода «Красное знамя» по идеологии Елену Яшину. Она призналась: да, действительно, ездила в столицу, но отгул оформила в счет отпуска. Тем не менее в ее увольнительной записке значится: «командировка в Москву». Кем были «командированы» остальные — тайна, покрытая мраком.

— Кто выделил автобус, я не знаю, — сказала Яшина, — мы сели в машину возле общественно-политического центра обкома КПСС...

Андрей КУЗНЕЦОВ

Черкасская область

Профессия — экспонат

Родина Тараса Шевченко, деревня Моринцы, гордится своим земляком. Поэтому в 1989 году, к юбилею автора «Кобзаря», местные власти построили этакий музей под открытым небом: две мемориальные хаты — копии тех, в которой родился поэт и в которой прожила его мать.

Третий же домик представляет собой не только типичную украинскую хату первой половины XIX века, но и вожделенную по сей день мечту южного крестьянина иметь собственный дом с собственным хозяйством. Для полноты впечатления местный колхоз решил «оживить» хату и отдать ее какой-нибудь сельской семье. А в придачу — зем-

лю, пару буйволов, коровок, поросят, птицу и сторублевый вклад сотрудников музея.

«Тю!», — сказали на такое дело сельяне, почесали темя и задумались. В результате желающих до сих пор не нашлось: во-первых, страшно, что ставшее родным хозяйство в любой момент отнимут, во-вторых, уж больно много надо работать, и потом, кому захочется всю жизнь провести на глазах туристов?

Е. А.

Москва

КГБ готовится к катастрофе

Как нам стало известно из источников, далеких от дипломатических и ведомственных кругов, сотрудники Комитета государственной безопасности СССР обратились к ведущим специалистам в области теории катастроф с просьбой подвергнуть анализу экономическую и социально-политическую обстановку в России 1917 года, накануне Февральской революции и октябрьского переворота.

Математическая теория катастроф появилась на Западе около двадцати лет назад и пользуется сегодня исключительной популярностью. С помощью этой теории исследуются биение сердца, эмбриология, лингвистика, экономика, геология, моделируется деятельность головного мозга и многое другое. Общественные процессы также поддаются прогнозированию, но с меньшей долей вероятности.

С результатами исследований «по заказу» КГБ нам, естественно, познаться не удалось. Но нет сомнения в том, что чекисты заинтересовались 1917 годом затем, чтобы смоделировать возможный сценарий развития сегодняшних событий. Как полагают ученые, наша социальная система не миновала еще так называемую точку «бифуркации», после чего неизбежен скачкообразный переход объекта в иное качество, именуемый катастрофой.

Юрий ЛИДИН

Осколки собирал Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 921-52-78

Рисовал В. Иванов

МЕЖДУ НАМИ, ЖУРНАЛИСТАМИ

Признаюсь честно: заголовок не я придумал. «Между нами, журналистами» — рубрика в газете «Правда». Звучит почти интимно, что-то вроде приглашения потолковать по душам за чашечкой кофе в Центральном Доме журналиста. Но в присутствии читателей.

Однако разговор, затеянный под этой рубрикой в «Правде» 16 мая, чужд интимности и всяческим сантиментам. Суров автор Д.Новоплянский, да и не к коллегам по перу он обращается. Кто из них все-таки отнесется, допустим, к утверждению, что, «похоже, некоторые «независимые» журналисты не прочь присвоить себе право этиких надзирателей за газетами КПСС»? Не приведи господи — скучное и неблагодарное занятие. И специалисты по этому делу как-то чаще встречаются в районе Старой площади.

А вот сам Д.Новоплянский крепко сердит на «демократические издания»: черт-те что себе позволяют. Многое в них раздражает автора. В «Столице», например, — даже состав редколлегии. Но больше всего, можно понять, — недостаточное почтительное отношение к некоторым государственным мужам. В качестве аргументов приведены цитаты, извлеченные из журнала весьма произвольно и истолкованные паразитическим образом. Скажем, из статьи «Перевоспложение» о нынешнем министре культуры СССР коллеги Новоплянский выписывает кусочек текста, как раз к Н.Губенко отношения не имеющего, — о министрах-взяточниках. И гневно восклицает: «Вот так. Без малейшего доказательства шельмуют неугодного Губенко. Его имя втаптывают в грязь». По здравому размышлению, вышло, что столь мерзкий порок, как издоимство, пытается отнестись на счет министра культуры именно «Правда». И, согласны, «без малейшего доказательства».

Не лучше получилось и с интервью В.Новодворской. Резкие слова лидера «Демократического союза» о Ельцине, Попове и Собчаке Д.Новоплянский цитирует с наме-

ком: вот какова «Столица» — «здесь готовы по инерции громить всех без разбора». Он изумлен: почему до сих пор никто за это на нас не обиделся, не призвал к ответу? Да потому, что любому нормальному читателю ясно, где позиция Новодворской, а где — журнала. (Кстати, месяцем раньше та же «Правда» сильно ругала нас за то, что вроде бы даем слово только тем, с кем «совпадаем». Никак не угодишь, ей-богу!) Нехорошо, товарищ, держать читателей за дурачков. Даже при разговоре «между нами, журналистами».

Ну, все не любо Новоплянскому в изданиях, которыми, по его мнению, «все безгранично позволено» (в отличие, догадываемся, от затоканной ограничением партийной прессы): тон — развязный, стиль — глумливый. Образцом интеллигентного тона и изящного стиля, видимо, должна служить статья самого Д.Новоплянского. Как ведь изысканно сказано у него: «в бурном потоке злобных ругательств», «какой гвалт поднялся бы на «независимых» страницах», «стараясь превратить жалкий спектакль в эффектное шоу»... Нет, все-таки не Бунин...

Зато правдинский автор догадался о причинах ужасного печатного беспредела и спешит поделиться с собратьями: «В демократические издания (как они сами себя называют) перешло много твердых каменных газетных партocrats, живущих далеко не лучшими традициями. Вместе с ними пришли туда стойкие нравы тоталитарных лет...» Какое, понимаете, коварство со стороны партocrats! Одно утешает: возникшие в изданиях КПСС вакансии заняли, надо надеяться, журналисты, мыслящие по-новому, подлинно демократические, хранители лучших традиций. Слова дурного об оппонентах не скажут. Факты, как у небезызвестного тассовца Петруни, столь любимого «Правдой» и «Советской Россией», проверенные. Их потом только через суд опровергнуть и можно.

В тот же день, 16 мая, разоблечила наш журнал и «Советская Ро-

ссия». Со страниц этой партийно-патриотической газеты «израильский публицист» Р.Давид обвинил «Столицу» в пособничестве сионизму. Оказывается, мы, в компании со всякими гадкими демократами, американскими империалистами и давними врагами России из «еврейского государства», изо всех сил стараемся вбить клин... между православными и мусульманскими народами страны. Несколько раз перечитали гневный текст публициста — так и сказано. Подстрекаем, вбиваем клинья, разваливаем Союз столь изощренным способом. Какие аргументы у Р.Давида? Один: «Столица» осуждает кровавые события в НКАО, она против геноцида и уничтожения армянских сел.

То есть мы вбиваем клин, а потом ОМОН и войска при поддержке танков и вертолетов вынуждены крепить ослабевшую дружбу народов. Укреплению этой дружбы служит, к примеру, и такой пассаж Р.Давида: «Видимо, не случайно именно армяне, один из двух народов СССР с огромной сестринской общиной в Соединенных Штатах (догадываемся, кто второй такой народ? — В.С.), с самого начала перестройки сыграли и роль троянского коня в советском стане».

Над статьей Р.Давида стоит рубрика «Субъективные заметки». Ну, очень субъективные.

«Советскую Россию» с обвинениями в пособничестве сионизму мы читали перед обедом. А после ужина с наименьшим интересом смотрели и слушали, как в программе «Добрый вечер, Москва!» сотрудник столичного КГБ обвинял «Столицу» в разжигании антисемитизма. Тут мы совсем запутались: чьи же мы пособники и на кого работаем?

Да, чуть не забыл — опять же 16 мая еженедельник «Экран и сцена» (приложение к «Советской культуре») опубликовал статью «Фотка на память» В.Максимовой, в которой с раздражением пересказано содержание все того же «Перевоспложения» (о министре культуры СССР). Словом, странный какой-то выдался этот майский денек: три учрежденные ЦК КПСС газеты (не сговариваясь, разумеется) выразили нам свое «фе». Будь у нас столь же богатое воображение, как у Д.Новоплянского, мы бы решили, что «некоторые журналисты не прочь присвоить себе право этиких надзирателей». Но мы ни в чем подобном никого не подозреваем: почему бы, действительно, не поговорить между нами, журналистами? Тем более, если есть о чем.

Только хотелось бы говорить честно.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

Давид МДИВАНИ

«МЕДВЕДЬ» НАД ОБЛАКАМИ

РАССКАЗ

О ЧЕЛОВЕКЕ,

31 ГОД

НАЗАД

СОВЕРШИВШЕМ

ЯДЕРНЫЙ

РЕЙС

НА НОВУЮ

ЗЕМЛЮ

— Я не гожусь в герои Калугины, поэтому не стоит называть моей фамилии, — сказал он в начале беседы.

— Бойтесь потерять работу или предполагать возможные преследования?

— Богатым и здоровым уже не быть. А добавлять к болезням потерю майорской пенсии — не хочется...

— Мы уходили в полет, — продолжал он, — по отработанному маршруту с одного из украинских военных аэродромов. Затем Кольский полуостров и, наконец, Новая Земля. В бомболюке лежала советская «малышка», по мощности ядерного взрыва во много раз превышающая бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки. Задача была ясна — избавиться от «груза» в заданном районе. Развернуться и вплотную пройти у гриба, заблаговременно включив всю фиксирующую аппаратуру. До первого полета с «грузом» нам прокрутили документальный фильм — черно-белый гриб над пехотой и военной техникой. Думаю, внушали нам: мол, нечего беспокоиться за здоровье, вреда не будет. И подготавливали к тому, что предстояло увидеть.

Стояла поздняя осень 1960 года. Связка из двух тяжелых стратегических бомбардировщиков ТУ-95, окрещенных американскими пилотами «медведями», шла на Новую Землю. Земля эта встречала экипаж из девяти человек (пилотов, штурманов, стрелков в возрасте от 19 до 33 лет) сверкающей до рези в глазах белизной своих снегов. «Возраст Христа» одних и «сорвиголовство» других должны были стать залогом успешного выполнения поставленной задачи.

— «Груз» пошел, — эту фразу слышал не только наблюдающий экипаж связки, но и сторожевые корабли, курсирующие вдоль объекта бомбометания.

— Защиту не забывайте, — напомнил командир, и экипаж дружно опустил темные стекла шлемов, так как другой защиты просто не предусматривалось.

Беснующаяся энергия, светящаяся смертельным белым цветом, закружила землю, поднимая ее все выше и выше. Смешала все в колоссальный гриб и заволочла небо. Позже на месте снежной целины зияла воронка, вокруг которой на многие километры расстилался то ли черный снег, то ли пепел.

Новая Земля... Земля неведомой для нас истории. Мы знаем лишь ту ее часть, которую позволительно знать. Видно, nato и Новая Земля, чтобы для смертных и грешных оставаться новой.

«Возраст Христа» одних, мальчишеский испуг другой части экипажа, а может быть, тривиальное чувство самосохранения помогли не выполнить приказ полностью: крыло «медведя» не коснулось облака. Но и в этом случае полученная доза радиации оказалась настолько велика, что после возвращения врачи срочно отправили экипаж... в очередной полагающийся отпуск. Лишь много лет спустя офицерам, уходящим в отставку, выдали справку за подписью начальника воинской части. В ней говорилось: «...В период прохождения действительной военной службы подвергался ионизированному облучению дозой, превышающей допустимую для жизнедеятельности организма». Но, конечно же, где-то хранятся точные, засекреченные тогда данные о полученной экипажем дозе радиации, результаты медобследований, показания приборов. Всю фиксирующую, исследовательскую аппаратуру снимали и увозили лейтенанты в «гражданке», и они же привозили новые приборы, чтобы в известный только им день и час установить их и разрезать «медведям» уйти в дальний полет.

— Надеюсь, вы понимали, какой разрушительной силы оружие лежало в бомболюке вашего ТУ?

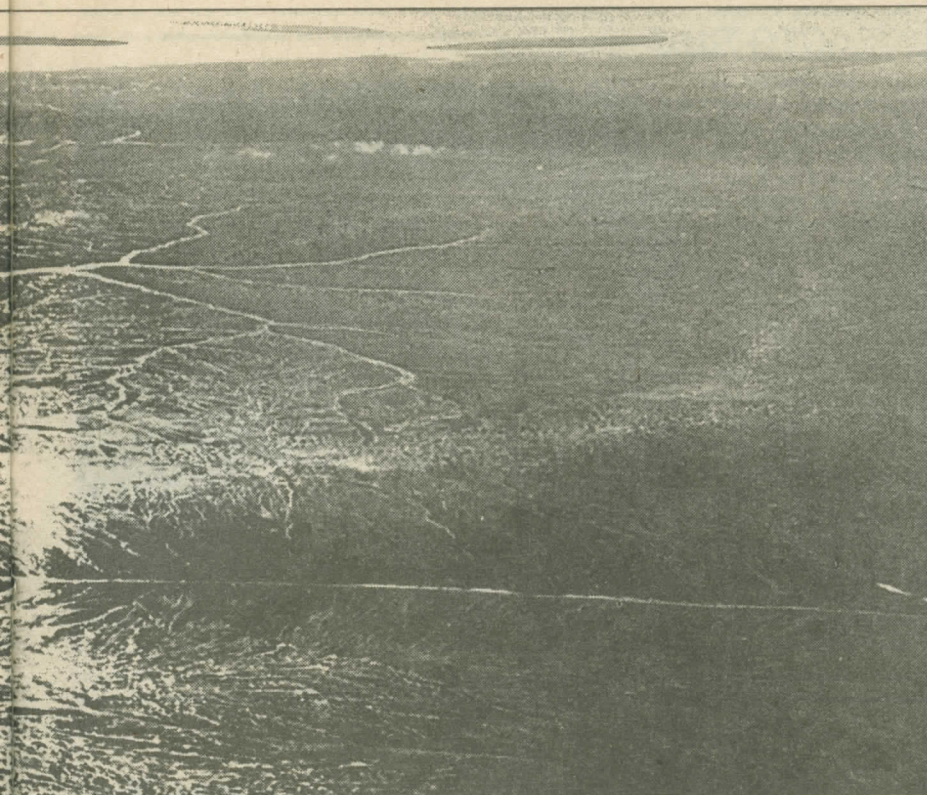
— Гриб надо самому видеть, что-

бы понять настоящую мощь «груза». В первый сброс нас поразила цветовая гамма сияния. По краскам она превосходит дивное северное сияние. А разрушительная мощь... В армии приказы не обсуждаются. К тому же — то ли обработали нас в таком ключе, что все это необходимо, то ли, действительно, непростая ситуация в мире усиливала веру в необходимость подобных взрывов. Да и чувство сопричастности к делам большой государственной важности вселяло уверенность в правдивости наших дел.

— Тогда вы прошли только медицинское обследование или специальный курс лечения — тоже?

— Не было его. И, по всей видимости, уже никогда не будет: после Чернобыльской трагедии появились столько «нахватавшихся», что грех думать о себе...

После того полета он отдыхал в одном из пансионатов Гагры. Скука дождливых дней. Даже веселые мелодии, выхваченные транзисторным приемником, не радовали душу. И вдруг в хаосе и трескотне эфира вполне отчетливо прозвучал голос с акцентом: «Сегодня на Новой Земле русскими произведен мощный взрыв ядерного устройства». Но тут же «вражеская информация» была заглушена. Он знал — это не ложь. Работал второй экипаж. И если б

не полученная доза облучения, то они, а не ребята из связки должны были тянуть очередной «груз» над городами и весями европейской части страны к Новой Земле. Позже узнал в этот раз «груз» был настолько велик, что его пришлось подвешивать на наружных креплениях. Взрывной гриб пережестил коридор полета ТУ, радиоактивное облако, как сообщали западные средства массовой информации, накрыло не только Новую Землю, но и часть северных территорий Норвегии и Финляндии. Командир экипажа получил звезду Героя... Сегодня из девяти членов его экипажа никого не осталось в живых.

— В случае получения приказа вы смогли бы сбросить «груз» не на безлюдную землю, а на «живую» точку?

— Когда назревал Карибский кризис, мы жили в полной боевой готовности. Оставалось установить боеголовки — и в путь. Выживает первый — учил нас. Сейчас понимаю: ни первый, ни второй, ни даже третий — нейтральный, конечно же, мне выкрутились бы из этого пекла. Слава Богу, кризис удалось урегулировать.

ТУ Наступили обычные будни, впереди ждало еще несколько полетов «грузом», эпопея его Новой Земли

сменилась очередным этапом службы.

...Разведчики доносили о выходе в Атлантику авианосных соединений США. Их надо было разыскать на океанских просторах, снизить до высоты 300—500 метров, «обстрелять» из фотокамер, размещенных в бомболюке. После чего предписывалось вернуться на базу.

Несколько раз они облетели всю Атлантику. По 18 часов высиживали в креслах-парашютах, теряя за полет до четырех килограммов веса. Первые «вылазки» прошли вполне спокойно. Но вот после фиксации соединений стоило нашим самолетам оказаться в районе Скандинавских стран, как со стороны Рейкьявика поднимался американский истребитель и параллельным курсом сопровождал «охотников-медведей».

Улыбчивым пилотам-американцам доставляло удовольствие демонстрировать свой боевой арсенал, подвешенный на крыльях. И не знали они, что два ТУ идут пустые, как мыльные пузыри. Случись что — кроме отборного русского мата нашим ответить нечем. А ведь они ходили, вернее, летали, на волоске от серьезного международного конфликта.

— В те годы, — продолжал он, —

в газетах поднялась большая волна протеста из-за облета наших торговых судов американскими военными самолетами. Вместе со всеми мне приходилось возмущаться дерзостью «заокеанских агрессоров», ругать их политику. А на следующий день самому облетать американские суда. Только не торговые, а военные.

— Не трудно было выступать одновременно в двух этих ролях?

— Почему в двух? В трех! Одно думали. Второе говорили в кругу своих друзей. Третье кричали на собраниях. А вы верите тем, кто сегодня с высоких трибун говорит нам якобы правду? Говорят ли они все всю? Ведь воспитывался каждый из них так же, как и мы, в ту же самую эпоху. Перестроился?

— За полеты с «грузом» вы получили внеочередные воинские звания, награды, материальные поощрения?

— Нет.

— Обижены на государство?

— Не на государство, хотя его образ складывается из далеко не привлекательных лиц многочисленных бюрократов, с которыми приходилось сталкиваться всю жизнь. Всего раз я достал на свет справку о полученном облучении, надеясь, что она поможет встать в военкоматовскую очередь на получение квартиры. Но рык столоначальника напрочь отбил охоту. А справка... Это мои молодые годы, поэтому и храню.

— И никакого разочарования, что жизнь прожита именно так?

Он молча встал, вышел в соседнюю комнату и вынес большой фотоснимок. Между облаками и бесконечным небом зависли авиаматка и «медведь», перекачивающий горючее в свои емкости. Этот снимок, сделанный в честь юбилея дивизии, ему привезли в больницу.

— Разве это заслуживает разочарования? — спросил он. И добавил: — Посмотри, какая красота и спокойствие. Хоть здесь...

Попивая чай, он еще долго вспоминал службу, сокрушался, что в молодые годы напрочь отказался вступить в отряд космонавтов. Да, впрочем, никто ему тогда толком не объяснил — что это такое.

А сегодня его жизнь — внук, семья, друзья, которые, правда, так и не знают, что одна из неизвестных страниц истории Новой Земли написана им.

Еще недавно он не знал, как представляться. По образованию строитель, но ничего не строит. Руководит швейной фирмой, но профессиональным швейником себя не считает. Более того — работает теперь за много километров от родной фирмы, а она, вопреки всем законам нашего бытия, не разваливается без постоянного надзора хозяина. Процветает. На мои недоверчивые вопросы он сначала реагирует спокойно, а потом, словно мальчишка, с порывом восклицает: «Делать деньги — все равно что писать музыку. Если есть талант, это получается красиво».

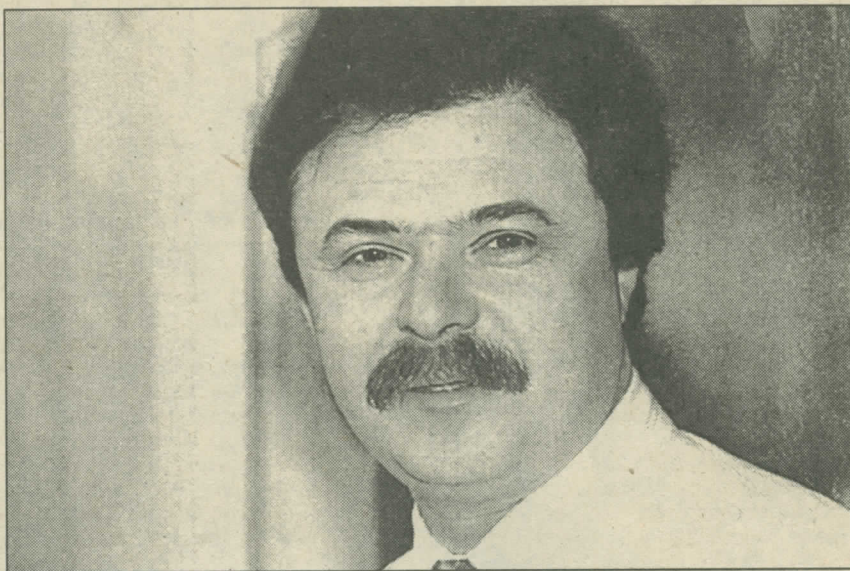
Вероятно, генеральный директор Союза арендаторов и предпринимателей СССР и РСФСР Илья Баскин имеет основания для таких, на мой взгляд, далеких от действительности обобщений. Не иначе как романтизм эпохи дикого советского бизнеса! Но знакомство с Баскиным разбивает в прах все мое неверие. И вот уже я, начисто позабыв, кто мне час назад это доказывал, повторяю: «Делать деньги — это талант»...

Баскин предпринимателем родился. Просто до определенного момента об этом не знал. Работал заместителем директора по строительству Ленинградского производственного швейного объединения «Волна» — и полагал, что к тридцати годам сделал неплохую карьеру. Когда разрешили кооперативы — покой потерял, все думал — какой бы открыть? Хотелось самостоятельности, хотелось иметь собственное дело. Месяца через четыре, перебрав множество вариантов, пришел к выводу — надо создать фирму по производству детской одежды. Во-первых, она нужна всегда, а нынче особенно. Во-вторых, это и морально престижная деятельность. На вопрос, неужели и такие высокие соображения занимали его, Илья ответил откровенно:

— Мне не хотелось услышать про себя то, что, например, говорят о кооператорах-шашлычниках. Хотя шашлыки тоже нужны, разница, думаю, понятна.

Когда затевали фирму, проблем с сырьем не было. Взяли с друзьями в аренду подвал в двести квадратных метров и практически за свои деньги отремонтировали его как могли. Примечательная деталь — Илья сразу уволился с должности заместителя директора по строительству, два кресла не занимал.

На кредит, полученный в банке, закупили швейное оборудование и

Елена КОЛЕСНИКОВА

КОММЕРСАНТ, КОТОРЫЙ

через полгода выпустили первую продукцию. К концу года подсчитали прибыль — ее оказалось не так уж много. Бывает — работали, работали и ничего не заработали. Будто на государственном предприятии трудились.

— Нам все продавали с коэффициентом, — вспоминает Илья. — И ткань, и оборудование. Если цена швейной машинки — тысяча рублей, кооператоры платили за нее в два с половиной раза больше. К тому же детские вещи, которые выпускала фирма, дорогами никак не назовешь при всей предвзятости к кооператорам.

Естественно, при таких расценках заработки тоже были сравнительно невысокими — средняя зарплата Баскина составляла тогда около пятидесяти рублей в месяц.

Рассказ Илья я воспринимала как сказку про кооператоров: дескать, шьют добрые люди качественную детскую одежду за скромное вознаграждение. И деньги их совсем не интересуют?

— Отчего же, — возражает Илья, — деньги всегда нужны. Но, пред-

ставьте себе, заработки — не самоцель. Получать много интересно тогда, когда занимаешься благим и увлекательным делом. Когда композитор пишет музыку, наверняка не думает, сколько ему заплатят. А бизнес, повторюсь, тоже искусство. Никого убеждать не хочу, время рассудит, кто прав.

БЕЗ СКАЗОК И ЧУДЕС, впрочем, не обошлось. Работали швейники в своем подвале и как-то прочитали в газете — два богатых американца хотят помочь делу перестройки. В частности, готовы наладить производство детской одежды. Фирма Баскина направила свой проект за океан. Ответ пришел быстро. Американцы хотели сотрудничать, но... просили прежде показать подвал. Ох, как стыдно было их туда приглашать! Помещение отремонтировано кое-как, в одной комнате кроют, в другой шьют, в третьей упаковывают. Теснотища. Но все же коллеги из США там побывали. Вышли, сели в автобус, молчат. Баскин тоже молчал, подавленный, растерянный. И вдруг услышал фразу, которую запомнил, наверное, на всю

жизнь: «Илья, мы потрясены, как у тебя все здорово». Тогда-то он и понял — если работает эта маленькая фабричка, будет работать и большая.

По мнению генерального директора, истинное предпринимательство начинается с малого, хотя всем нам еще в школе вдалбливали: если уж что-то затевать, так непременно самое большое в мире. Когда Баскин слышит от начинающих коммерсантов: «Мы организуем проект века» — он относится к их затеям более чем скептически. Когда же зарученные партнеры спрашивают: «С чего начнем?» — отвечает: «С малого». И всегда слышит в ответ: «О'кей!»

Вообще-то законы предпринимательства, как и законы Ньютона, одинаковы во всем мире. Личный опыт моего героя — лучшее тому

доказательство — на пещерном уровне. Об этике предпринимательства, похоже, подавляющее большинство и понятия не имеет. Зато стремление нажить капитал любой ценой массажи уже овладело. Разве не из «теневой» экономики все это пришло? А взять законы, которые принимаются второпях и, похоже, людьми не очень-то квалифицированными... Естественно, возникает пена.

— Если бы меня спросили, как я вижу развитие кооперации на первых порах, ответил бы — разрешить только в сельском хозяйстве и производстве товаров народного потребления. А разрешили практически все. Например, знакомые создали кооператив по проектированию домов. На законных основаниях. Проекты есть, домов нет. И неизвестно, построят ли их когда-нибудь. Зато деньги из безначаль-

же, зацепиться не за что, дальнейших действий просто не предприняли. Ушли, будто и не было их.

А вот чиновники, вопреки расхожим представлениям, лишь помогали. Как только они узнавали, что фирма шьет детскую одежду, все препятствия рушились. Вероятно, все-таки есть взаимосвязь между делом, которое выбрал, и количеством трудностей на пути к заветной цели. Словом, Баскин работает спокойно, считает себя предпринимателем, хотя получает столько, что рэкетирам вовсе не интересен. Неужто не хочет разбогатеть? Отнюдь, он вовсе не против этого. И о доме большом мечтает, и от других пределов обеспеченной жизни заведомо не отказывается. Но убежден: удовольствие надо получать в комплексе — когда есть и деньги, и увлекательное дело. Это, если хотите, своего рода «золотое сечение» истинного предпринимательства. Интересная идея, которую можно осуществить, дороже всяких денег. Вот пример, опять же из жизни Баскина. Несколько лет назад Советский детский фонд имени В.И.Ленина напечатал благотворительные билеты на 180 миллионов рублей. За год удалось продать только на 6 миллионов. Альберт Лиханов, председатель Фонда, был в панике — такими темпами придется лет тридцать торговать. И тогда Илья пообещал ему — продам все в один день.

Он стал генеральным директором детского телемарафона. Вместе с ленинградскими тележурналистами Тамарой и Владимиром Максимовыми организовал его за два месяца. А за сутки на счет марафона поступило свыше ста миллионов рублей и полтора миллиона в валюте. Как обещал, так и вышло.

Вероятно, предпринимателями и впрямь рождаются. Илье Баскину тридцать четыре года. Из них пятнадцать лет он работает и больше всего боится позора, недоверия. Как у любого делового человека, его жизнь расписана по минутам. Он часто бывает за границей, но, увы, и там времени на развлечения не остается. Хорошо еще, что жена ездит с ним в командировки.

— Она — мой самый надежный друг и... партнер по бизнесу, — говорит Илья. — Да-да, предпринимательство захватило и ее.

Вот такой семейный дуэт...

РЭКЕТИРАМ НЕ ИНТЕРЕСЕН

подтверждение. Начинать на голом месте, а в нынешнем году фирма выпустит полтора миллиона изделий на десятки миллионов рублей. Американцы за поставку современного швейного оборудования стоимостью около двухсот тысяч долларов ни цента, ни копейки не взяли. Столь щедрый подарок объяснили так — если вкладывать деньги в стоящее дело, они никогда не пропадут. Что ж, как говорится, у богатых людей — свои причуды.

Когда я разговаривала с другими предпринимателями, они только о трудностях и твердили — рэкетирцы одолели, бюрократы душат. Короче, делать бизнес у нас невозможно, нет условий. Илья придерживается иной точки зрения: бизнес был возможен всегда, даже при административно-командной экономике. Теневики ведь работали с размахом, товары производили хорошие, просто ту часть прибыли, которую должны были отдавать государству, клали в свой карман. Когда разрешили кооперацию, они вышли из тени, стали более цивилизованными...

ОТ МЫ СНОВА СПОРИМ. Цивилиза-

ция превратились в наличные. Люди с туго набитыми кошельками пошли в магазин. А там — пусто. Мы часто и много платим тем, кто ничего не производит.

Еще одна из причин извращенной коммерции — привычка бросаться с шашкой наголо на неизведанное дело. Вспомните историю — с чего, в сущности, начал свои реформы Петр Первый? Он послал людей за границу учиться. И оттуда пригласил специалистов. У нас же коммерсанты получили возможность делать бизнес, а потом все стали возмущаться — они играют не по правилам, жульничают. А кто знает правила? Единицы.

Про рэкет и другие страсти генеральный директор слышан. К нему тоже приходили рэкетирцы, но он даже не понял, что это именно они, лишь потом знакомые просветили. Оказывается, эти мускулистые ребята контролируют практически все счета кооперативов и фирм, подобных баскинской. Этакая подпольная налоговая инспекция. Убедившись, что у Баскина финансовых нарушений нет, сверхдоходов — то-

Леонид КОГАН, доктор архитектуры

ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ГОРОДОВ

Одной из главных причин кризиса, в котором оказалось общество на пути реформ, именуемых перестройкой, явилось, на мой взгляд, усредненное отношение к проблемам развития страны. Как и следовало ожидать, крупнейшие города стали центрами «демократического прорыва». Но вместо того, чтобы поддержать роль этих культурных, экономических центров в демократизации, сделать на них ставку, понять зависимость судьбы реформ от их продвижения в крупнейших «сгустках» цивилизации, руководство страны и оба противоборствующих полюса — «консерваторы» и «демократы» — занялись перетягиванием каната, обменом ударами, взаимными обвинениями.

Крупнейшие города представляли собой в начале реформ совершенно новое, «нехоженое» поле для взаимодействия различных политических сил и движений, настроений и социальных интересов. И чтобы найти на этом поле, как говорят в спорте, «свою игру», необходимо было спуститься на уровень муниципальной политики. Иными словами — разобраться в законах жизни и развития больших городов, увидеть, так скажем, демократию в «городской перспективе». И тогда крупнейшие центры стали бы действительно центрами реформ и инноваций в политике.

Теперь же они, и в первую очередь Москва и Ленинград, оставшиеся все эти годы без должного внимания и поддержки и продолжавшие стагнировать, стали центрами социальной напряженности, оказались в кризисном положении. Они не только не выполняют «центральные» функции по отношению к стране и своим регионам, но и зачастую теря-

ют, например даже способность воспринять и распределить поступающую извне благотворительную помощь, целесообразно ее использовать.

Более того, в стране постепенно возрастало отчуждение между крупнейшими городами и периферийными районами. Все заметней открытая неприязнь в отношении Москвы и Ленинграда, в Российской провинции «суверенные лица» нарушают свои обязательства, отказывают в поставках продовольствия. Слово «москвич» в армии используется как ругательство.

И идет это во многом от непонимания роли крупных городов в истории развития цивилизации, того, что эти города дают обществу, экономике, культуре и науке страны. Не видя более напряженной работы их жителей, принимая высокий темп жизни за суету и одновременно наблюдая в прошлые годы относительное «обилие» в магазинах, люди из провинции поневоле накапливали в себе неприязнь к москвичам, ленинградцам и т.д. Теперь же, в условиях противостояния суверенитетов, она переходит иногда и в ненависть.

Есть проблемы и внутри самих этих городов. В Москве происходит «война районов» с Моссоветом. Все острее стремление районных Советов превратить столицу в набор удельных княжеств, ослабить общегородское единство. Моссовет до сих пор (уже год у власти новые депутаты) не обнародовал программы приоритетных мер, которые могли бы интегрировать интересы москвичей, живущих в разных районах. Практически не сформулированы основные направления политики развития Москвы и ее региона.

А ведь усиление взаимодействия

Москвы и Московской области, целесообразное в принципе, требует срочного интенсивного укрепления самого сложившегося центрального ядра города, прилегающих к нему районов. В противном случае давление на столицу извне станет чрезмерным и произойдет дальнейшее ослабление и без того разрушающийся «московский» структур.

Общая социальная напряженность, дефицит товаров, повышение цен, кризисное состояние городского хозяйства и жилого фонда делают сегодня сомнительным проведение широкой приватизации квартир в Москве (да и в других крупных городах). Ведь граница между собственниками и арендаторами квартир пройдет не только внутри кварталов и жилых домов, но и по лестничным клеткам. Это еще больше затруднит эксплуатацию жилья и вызовет массовые конфликты.

Весьма характерно, что судьбы и Московского региона, и многие другие проблемы до сих пор решаются обновленным Моссоветом старым аппаратным способом, без опоры на научные исследования. И отсюда непонимание того, в какой социальной реальности, в какой городской среде и с каким народом сегодня приходится искать выход и переделывать общество.

Наши демократы с самого начала пренебрегли серьезной постановкой диагноза ситуации, в которой оказалась страна в 1985 году. Вернее сказать, они этот диагноз «облегчили». В стремлении отделиться и противопоставить себя КПСС они постарались все промахи, все дефекты, саму суть тоталитарного режима (административно-командной системы) вывести из 1917 года, ленинизма, большевизма и т.д. В этом

случае даже XIX век кажется слишком далеким. Тем самым резко укорачиваются корни кризиса, который на самом деле вырастает из Российской истории, ее общинно-крестьянского, крепостного, самодержавно-имперского прошлого. «Самодержавие есть душа, жизнь ее (т.е. России. — ЛК), как республиканское правление было жизнью Рима...» — настаивал Н.М.Карамзин в споре со своими «конституционно» настроенными оппонентами.

Известно, что современное западное гражданское общество, наследие греко-римской цивилизации, вышло практически из чрева города, (латинское «civitas» переводится на русский и как «город», и как «граждане»). Этому помогали и компактность размещения европейских государств, близость центров разных стран друг к другу. В России же с ее огромными пространствами, многонациональным населением, большими перепадами в уровнях культурного развития различных регионов процесс развития городов был изначально затруднен. Города страдали от изолированности. Еще П.Я.Чаадаев сетовал на «отсутствие тех центров, тех очагов, в которых сосредоточивались бы живые силы страны, где созревали бы идеи, откуда по всей земле излучалось бы плодотворное начало».

В этих условиях «городские острова» постоянно должны были доказывать свою необходимость в окружающей деревенской стихии, пробивать дорогу своему приоритету и городскому началу в сознании общества. Но для этого надо было вытеснить сознание патриархально-крестьянское, общинное, уравнительное, опирающееся на специфику византийского православия, и потому очень стойкое.

Сыграло свою роль и то, что общинно-деревенское, «послушное», сознание, в силу своей пассивности, оказалось очень податливым, удобным материалом для лепки сознания бюрократического, обрекающего человека на ожидание команды сверху. Тоталитаризм власти, бюрократизм государственной системы был как бы разлит по всему телу общества. И в этом смысле сталинизм не был так уж случаен, он естественно наследовал и использовал глубинные черты российской истории.

Попытки освоения огромных пространств азиатской части стра-

ны в «кратчайшие сроки», скоротечные индустриализация и урбанизация породили вместо полноценных городов так называемые поселки городского типа. Идеология «человека при производстве» обернулась «городами при заводах», поселковость разрыхляла не только населенные места, но и сознание людей, искажала их психологию.

От наплыва «недогорожан» страдали и вновь возникшие, и уже сложившиеся городские центры, в которых размывалась историческая культурная среда, терялись воспроизводственные способности городской жизни, сам генофонд горожан. А вместе с ними истощался интеллектуальный потенциал страны. Ведь, как заметил американский ученый А.Вебер, «городская жизнь может и не произвести гениев, но она приводит мыслителей в соприкосновение между собой... Гений часто рождается в деревне, но он проявляется и развивается в городе».

Постоянно давало о себе знать и то (это ощущается до сих пор), что Россия не проходила стадию европейского бюргерства, давшего миру массовый средний слой горожан. Настоящие горожане у нас всегда были лишь тонкой пленкой, да и сами традиции городской культуры проходили пунктиром в нашей истории, поэтому выражение средневековья «воздух города делает свободным» имело к российской действительности очень отдаленное отношение. Зато понятие «свободы» легко заменялось «волей», произволом, бунтом. Рыхлость деревенско-поселковой среды, не обошедшая своим влиянием и большие города, стала почвой для культивирования популизма с его нетерпением, подхлестыванием истории, силовыми приемами в политике, ультимативностью. А грань между властью толпы и диктатурой всегда зыбкая.

Сегодня сказано много правды о репрессиях, которым подверглись «кулачество», среднее крестьянство. Но факт, что за годы сталинского режима все возрастающую долю аппарата власти составляли выходцы из деревни или те, кто, только что перестав быть крестьянами, еще не могли стать полноценными горожанами. Выкорчевывая, морально подавляя все нестандартное, индивидуальное, яркое, тоталитарная система искусственно иска-

жала и блокировала нормальное восприятие и осмысление окружающего нас мира, да и нас самих.

Демократы не оценили роль крупнейших городских центров, которых на самом деле, в подлинном смысле, гораздо меньше, чем может показаться. Они начали, образно говоря, «размазывать» демократизацию, экономические реформы одинаково по всей стране независимо от степени готовности того или иного региона, зрелости населения, просто уровня культуры. И не случайно легкость обращения со словом «суверенитет». В то же время логика подсказывает, что демократизация связана с политическим приоритетом крупных городов и их регионов, именно здесь на начальной стадии она дает ощутимую отдачу. И только постепенно наращая и разветвляя этот городской каркас, удаётся все шире распространять новые политические отношения на другие регионы.

Тяжесть ситуации состоит в том, что, опускаясь на уровень городов, демократизация вступает во взаимодействие с закономерностями развития самих городов. А о существовании подобных закономерностей ни старый аппарат, ни новые власти просто не информированы, не говоря уже о более глубоком знакомстве с природой такого сложного социального организма, как город. Между тем именно здесь, в городе, всей мировой историей выработано такое уникальное свойство, как баланс, равновесие интересов различных социальных, экономических и общественных сил и движений, различных культур, профессиональных слоев и групп, наконец, районов различных типов и величины (центральных, периферийных, срединных и т.д.).

Подобное равновесие невозможно без компромиссов. И это объясняет естественную, органичную демократичность города. Именно поэтому, чтобы подняться до подлинной демократии, надо как следует погрузиться в среду городов.

Слово о «Русском граде».

Кажется, последнее

«Деньги — сегодня, жилье — скоро» — таким лозунгом соблазняло объединение «Русский град» всех мечтающих получить что-нибудь похожее на квартиру. «Столица» уже писала (№№ 6 и 10, 1991 г.) о шансах страждущих получить от «Русского града» вожделенные квадратные метры. Сегодняшняя публикация, надеемся, будет последней в этом цикле: материалы проверки, проведенной Главным контрольно-ревизионным управлением Мосгорисполкома, направлены в прокуратуру.

Объединение «Русский град» (самовольно присвоившее наименование государственной организации) рекламирует себя очень широко. Достаточно сказать, что на рекламу в средствах массовой информации оно израсходовало почти семьдесят тысяч рублей. Но затраты эти окупаются сторицей: по состоянию на 1 февраля 1991 г., больше 3,5 тысячи советских граждан поддались на заманчивые обещания скорого получения квартиры и выслали в адрес самозванного объединения 30 миллионов рублей паевых взносов (якобы за будущую квартиру) и 764 тысячи рублей безвозвратно, так сказать, «за услуги».

Конкретно операцией изъятия денег занимается «государственный жилищно-строительный центр» (естественно, тоже самозванный, по сути — кооператив) «Северное товарищество». Возглавлявший и «Град», и «Товарищество» Н.Задерновский обещал обеспечить жильем неограниченное количество желающих в любом городе страны в течение 2—5 лет при условии выплаты 150 руб. безвозвратного взноса и паевых взносов за будущие квартиры и коттеджи.

Особо следует отметить, что взаимоотношения с пайщиками ловкачи не оформляют официальными договорами. Никакой правовой защищенности вкладов пайщиков нет, и даже если эти деньги будут получены назад (а произойдет это нескоро), то, оставаясь номинально теми же суммами, они за счет инфля-

ции потеряют значительную часть своей реальной стоимости.

При этом часть денег, безвозмездно полученных от пайщиков, уже растражена: оклады в «Русском граде» достигают 1000 рублей (в том числе у самого Н.Задерновского и у ряда «руководящих работников» этого общества — всего в аппарате «Русского града» 92 человека). «Градостроители» выплачивают себе многочисленные «компенсации», «представительские», «транспортные» и «прочие расходы». Ну а что в итоге? Проверкой установлено, что «Северным товариществом» (созданным, как декларирова-

лось, для строительства жилья) заключено 24 договора с заказчиками лишь на проведение отделочных работ и капитальный ремонт объектов соцкультбыта.

Может ли «Северное товарищество» обеспечить строительство жилья? Безусловно, нет. На момент проверки оно не имело ни одного ЖСК, утвержденного исполкомом по месту предполагаемого строительства. На балансе «Северного товарищества» числится лишь одна малярная станция стоимостью 27 тыс. рублей, а среднемесячная численность занятых на работах рабочих составляла 174 человека. Ни о каком строительстве жилья (тем более — широкомасштабном) и речи быть не может. Обеспечить жильем пайщиков из разных уголков СССР при помощи «Русского града» и «Северного товарищества» в ближайшие годы нереально.

О «домосковском» периоде деятельности «Северного товарищества» имеются сведения из Магадана, где им занимался Билибинский РОВД, а против его руководителя Н.Задерновского возбуждено уголовное дело.

Вот часть того, что известно о мильном пузыре под названием «Русский град».

В.КАЛИНОВСКИЙ,
начальник отдела Главного
контрольно-ревизионного
управления Мосгорисполкома

Рис. А. Бильжо

А. Бильжо

ТОРГОВЛЯ

Торговлю сделали государственной не по злему умыслу. Радовали первопроходчество и возможность все организовать.

Организовали прекрасно! Ни в одной стране нет такого числа специалистов по торговле, как в Советском Союзе. У нас одних только министерств торговли больше двадцати. А сколько торговых управлений — городских, районных, областных, краевых...

В этих учреждениях сидят люди, которые знают о торговле все. Нельзя знать больше. Они даже знают, как торговали купцы Афанасий Никитин и Марко Поло. Все желудки от Камчатки до Вильнюса переваривают одно и то же, изготовленное по одним и тем же научно обоснованным рецептам, одного утвержденного веса. Единообразие пищи, на которой возрастает и от которой умирает общество, особенно хорошо видно по магазинам кулинарии: одни и

те же салаты, котлеты картофельные, свекольные, маные... Из года в год одно и то же!

Казалось, что от организации торговля сделается лучше. Во всяком случае, не изменится. Когда же в магазинах стал постоянно дефицит то одного, то другого, в министерских кругах возникла теория о том, что советское общество — не общество потребления и оно должно поменьше думать о еде. Просто до сих пор совершенно невозможно понять: почему, когда жизнь не организована, в городах и селах есть все, что душа пожелает, а когда организована, и притом прекрасно, —

Разные случаи из жизни, когда человек за свои деньги покупал в довесок порцию унижения

Можно ли будет войти в магазин, если он станет частным?

Тишинские торжища

Торговые начальники идут на повышение, а на полках по-прежнему пусто...

Магазин и политика

то и дело чего-то нет, а то нет и вовсе ничего. Неясно и другое: почему в обществе, где магазины, работают без всяких инструкций и даже понятия не имеют об инструкциях, покупателей не обсчитывают и не обвешивают, а у нас, где каждое движение продавщицы регламентировано, стоит повальный обсчет, обвес, оскорбление человеческого достоинства покупателя, хоть в магазине не ходи.

Дело, видимо, в том, что самым главным в государстве у нас считают политику. Между тем, прежде чем заниматься политикой, нужно одеться и поевать. Торговля — аполитична. Торговля — сердце любого государства. Не поняв механизма работы сердца, невозможно лечить и весь организм.

Кое-кто думает, что самое важное в торговле — весы. Это очень наивно. Гораздо большую роль в работе

сердца играют глаза, желания, настроения, вкусы, пол, возраст... То, что абсолютно невозможно организовать! Вы можете настроить весы тюленька в тюленьку — и не продать ни грамма: погода сегодня дождливая или то, что вы собираетесь положить на чашку весов, в этом городе никому не нужно.

Конечно, теория о том, что одно общество — потребления, а для другого самое главное — духовная пища, — эта теория на все времена. Она не выдерживает критики, потому что представляет собой общее место. Как все равно теория о том, что женщина — нежный цветок,

Вячеслав БАСКОВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА, или НАКАЖИТЕ ДОЖДЬ!

О том, что такое унижение человеческого достоинства и как с этим бороться, любили рассуждать в XIX веке. В наше просвещенное время человек ко всему привык и готов к еще большему. Если он что и принимает близко к сердцу, так это когда погода портится. Тут иные граждане переживают, как будто их лично унизили и оскорбили...

а мужчина — деспот. Но торговая тема неисчерпаема именно потому, что если сердце болит, то ведь рано или поздно его надо лечить, правда?

Термометр постоянно показывает высокую температуру. К больному вызывают «скорую», но врачи не едут. Знаете ли вы, что в регулярных экономических обзорах о состоянии дел в стране Государственный комитет СССР по статистике даже не выделяет ТОРГОВЛЮ в отдельный вид деятельности человека?

Позволим себе несколько цитат из сводок Госкомстата СССР, чтобы читатель лучше понимал образ мышления «государственного» человека.

«На начало 1991 года в стране действовали 52,5 тысячи колхозов и совхозов. В истекшем году ими было получено продукции сельского хозяйства на 158,5 миллиарда рублей, что на 3 процента меньше, чем в 1989 году. В расчете на одного жителя в истекшем году колхозы и совхозы произвели продукции сельского хозяйства на сумму 555 рублей (в сопоставимых ценах 1983 года), что меньше на 2 процента против 1989 года».

Обратите внимание: в отчете говорится о полученных и произведенных продуктах, а вовсе не о тех, что были проданы. Неясно: достались ли они людям?

Но вот дальше — внезапно: «Доля продукции, произведенной колхозами и совхозами, в общем объеме продукции сельского хозяйства увеличилась с 71 процента в 1981—1985 гг. до 73 процентов в 1986—1990 гг.». Как же так? Только что говорилось об убытках, а теперь, оказывается, колхозы впереди!

Сейчас в газетах много торговой информации. Однако «Столица» — еженедельник, она не может позволить себе такой роскоши, как торговый репортаж, моментальную зарисовку магазинной давки, хотя это и соблазнительно. С первого номера мы пошли другим путем: попытались показать торговлю с разных сторон. Опубликовали целый блок различных материалов на одну тему — на торговую. Читателям такая форма пришлось по душе.

Сегодня мы вновь публикуем подборку материалов о состоянии дел в торговле, и нам кажется, что все-таки опустение прилавков, как и все в торговом деле, хорошо организовано.

Отдел социально-бытовых проблем

Фото Т. Шахвердиева

В один из дней 1991 года, во второй половине этого дня, массу граждан постигли сразу две напасти: унижение их человеческого достоинства и дождь. По общему мнению этих граждан, отвратительно было то, что лил дождь, а вовсе не то, что приходилось стоять на улице без прикрытия. То была очередь. Длинная, мирная. Очередь — к магазину. После обеденного перерыва ее в магазин уже не пустили, а то, что оставалось, распродала в дверях.

Собаку в такую погоду из дому не выгоняют, продавщицы же булочной № 622 выставили людей — и люди, как будто так и надо, стояли друг за другом вдоль домов на Петровке, по стеночке, и, сменяя друг друга, покупали батоны хлеба. На двери висело объявление «Санитарный день». И действительно, торговала хлебом только одна продав-

щица, остальных было видно через стеклянные стены, как они ходят с тряпками и швабрами. Я сам стоял в той очереди и слышал сетования исключительно на плохую погоду. Одна женщина, например, говорила, что дождь льет со вчерашнего дня и сколько же можно, а другая, повысив голос, уверяла, что у них в Чертанове дождь зарядил только с этого утра...

Директриса булочной, приложив руки к груди, потом уверяла, что за все время торговли я был первым, кто выразил «недовольствие» стоянием на улице.

— Тут вы в этом правы, — повторяла директриса, — надо было впускать людей, не догадались. Сейчас девочкам скажу. Но зато, посмотрите, как вымыли булочную, а?

Она не сдержала слова: булочную не открыли. Но еще раньше сквозь стекло все стоящие под дождем ви-

дели хлебные контейнеры, уставленные пышными куличами. Пасха давно прошла, но у нас все печется с превеликим опозданием.

— Почему не продаете куличи? — спросил я девушку-продавщицу, которая давала один хлеб.

— Нипочему, — тихо ответила она. — Следующий.

— Продукт портится, жалко, — сказал я.

Девушка сперва взглянула на меня, потом улыбнулась и, чуть разжав узкие губы, произнесла насмешливо:

— Не портится. Следующий.

Так и поговорили. Как будто я сын той девушки и имею какие-то свои, детские, представления о жизни.

Во время войны, говорят, люди тоже стояли на улице за хлебом в любую погоду. Но тогда продавщицы не смеялись. А сейчас продуктов в

магазинах нет совсем. В войну тако-го не было. Талоны, которые выда-ют, вовсе не гарантируют, что на них что-то купишь. Получается, что никто не заботится о том, что лю-дям нужно питаться. Каждый ест то, что ему лично удастся достать. Вдо-бавок, в какой пустой магазин ни придешь, продавщиц всюду непомер-но много, в основном, полвенькие, лица у них открытые, спокойные. Стоят толпами и смеются, не глядя по сторонам. У них почему-то от-личное настроение. Вероятно, поэ-тому люди постарше убежденно го-ворят, что сейчас у нас хуже, чем было в войну.

Я, ей-богу, не понял, почему на мои такие обыкновенные слова, что куличи лучше продавать свежи-ми, девушка надо мной посмеялась. Я обогнул здание, вошел в булоч-ную с черного хода и тут-то встре-тился с директрисой.

Она сидела в своем отдельном ка-бинете. Простите, но я немного отвлекусь от эпизода с дождем. Ди-ректор булочной в кабинете — это, конечно, особое зрелище. Как буд-то она не хлебом торгует, а какой-нибудь, знаете, начальник в учреж-дении: инспектор или инструктор райкома партии. Вы не знаете, зачем магазины устроены по образцу рай-кома партии? В XIX веке при магази-не бывала контора. В наших магази-нах контор нет. Есть огромное подсобное помещение, куда «вход посторонним строго воспрещен». И вот в том подсобном царстве в от-дельном кабинете восседает дирек-тор. Есть магазины, где перед каби-нетом предбанник, а в нем секре-тарша.

Пройти к директору хотя бы бу-лочной — очень не просто. Разные женщины в белых и в бело-черных халатах выдают себя за директора, за заместителя директора, только бы не допустить вас до кабинета с законной начинкой. Спросишь: — Где кабинет директора?

— А вам зачем?

— Надо.

— Я директор! Зачем? По какому вопросу?

ДИРЕКТОР МАГАЗИНА, хотя бы даже булочной — большой че-ловек! Он — первый секретарь рай-кома партии местного значения. Не потому ли, что магазины и задумы-вались как филиалы райкомов? Ди-ректором мог стать только член пар-тии. Директора магазинов — об этом не принято распространяться

— спокон веков снабжали продук-тами свое районное начальство. Исполком, райком, милиция с ее ОБХСС — постоянные клиенты лю-бого магазина. Покупателям неве-домо, какие сокровища таят в себе обычно подсобные помещения ма-газинов. Даже в самое трудное вре-мя. То продукты для «контингента».

Сейчас в райисполкомах и райко-мах партии банкеты и приемы про-водят нечасто. Еще недавно они проводились регулярно. Поставляли продукты на эти торжества — рай-онные магазины. Причем не обя-зательно в обмен на деньги. Даже обыкновенно о деньгах и не загова-ривалось. Продукты — государст-венные, партия и Советы — это и есть государство. Для того, чтобы возмещать убытки от такого рода обязательных поставок, шел обс-чет и обвес покупателей.

Именно для того, чтобы воспол-нить ущерб, наносимый магазинам районными учреждениями, магази-ны отторгли импортное электрон-ное оборудование: оно слишком честно, оно вообще не нуждается в продавцах. Больше того, магази-ны отказались от самообслужива-ния — и при этой форме торговли покупателя сильно не обманешь. Обманывать его можно только на ручных весах! Продавцы жить не могут без весов! Для них очередь к прилавку — благо из благ: в оче-реди человек дуреет, теряет волю, устает и готов принять любую по-купку, лишь бы скорее уйти. Впро-чем, это рассуждение попутное. Оно вызвано тем, что директор булоч-ной № 622 сидела в теплом кабинете, за окном лил дождь.

И вот сидит в своем отдельном ка-бинете директор знатного учрежде-ния под названием «Булочная на Петровке». Как будто неясно, что если булочная на Петровке и дру-гих на Петровке нет, то она и есть булочная на Петровке и не нужде-тся в дополнительном названии — «Булочная на Петровке». Сидит и при уютном, теплом таком свете на-стоятельной лампы ведет неспешную беседу с подругой, одетой в пальто, утонувшей в кресле подле начальст-венного письменного стола. Навер-ное, за конфетами зашла. А люди за хлебом под дождем на улице стоят.

Директриса сначала не вникла. Видно, надъшалась запаха трюфелей, корочки которых мимо откры-той двери носили рабочие в черных халатах. (Кстати, ни в один из дней трюфель так и не появился в прода-

же.) Она крикнула на меня, чтоб я не очень тут! Люди мешают мыть по-лы! Понимать надо! Но когда с ее письменного стола я позвонил ее на-чальству в хлебную контору Сверд-ловского района, а потом директору 2-го хлебозавода, где испекли кулич-и, директриса засуетилась, зау-лыбалась. Марина Михайловна Лу-кьянец, ее конторская начальница, велела немедленно людей впустить в магазин, а директор завода Вадим Михайлович Мкртчян — тот просто криком закричал, что что же это та-кое делается-то: завод печет куличи, печенье, все проходы заставлены контейнерами с готовой к столу продукцией, а булочные отказываю-тся принимать! Три дня куличи про-стояли в проходах, а теперь и в бу-лочной не продают! Людей под дождь выставили! Директор был вне се-бя...

— Тут вы в этом правы, — лебезила директриса, застигнутая врас-плох. — Сейчас дадим куличи, дадим, только увидите, их никто покупать не будет.

И девушке в дверях дали несколь-ко куличей. За пять минут продрож-ание под дождем смиренные гражда-не все куличи расхватали. Пасха прошла, да ведь есть-то что-то на-до!.. Но не успел я, довольный ма-ленькой победой, обогнуть здание и снова выйти на Петровку, как д-вери «Булочной на Петровке» были наглухо заперты изнутри.

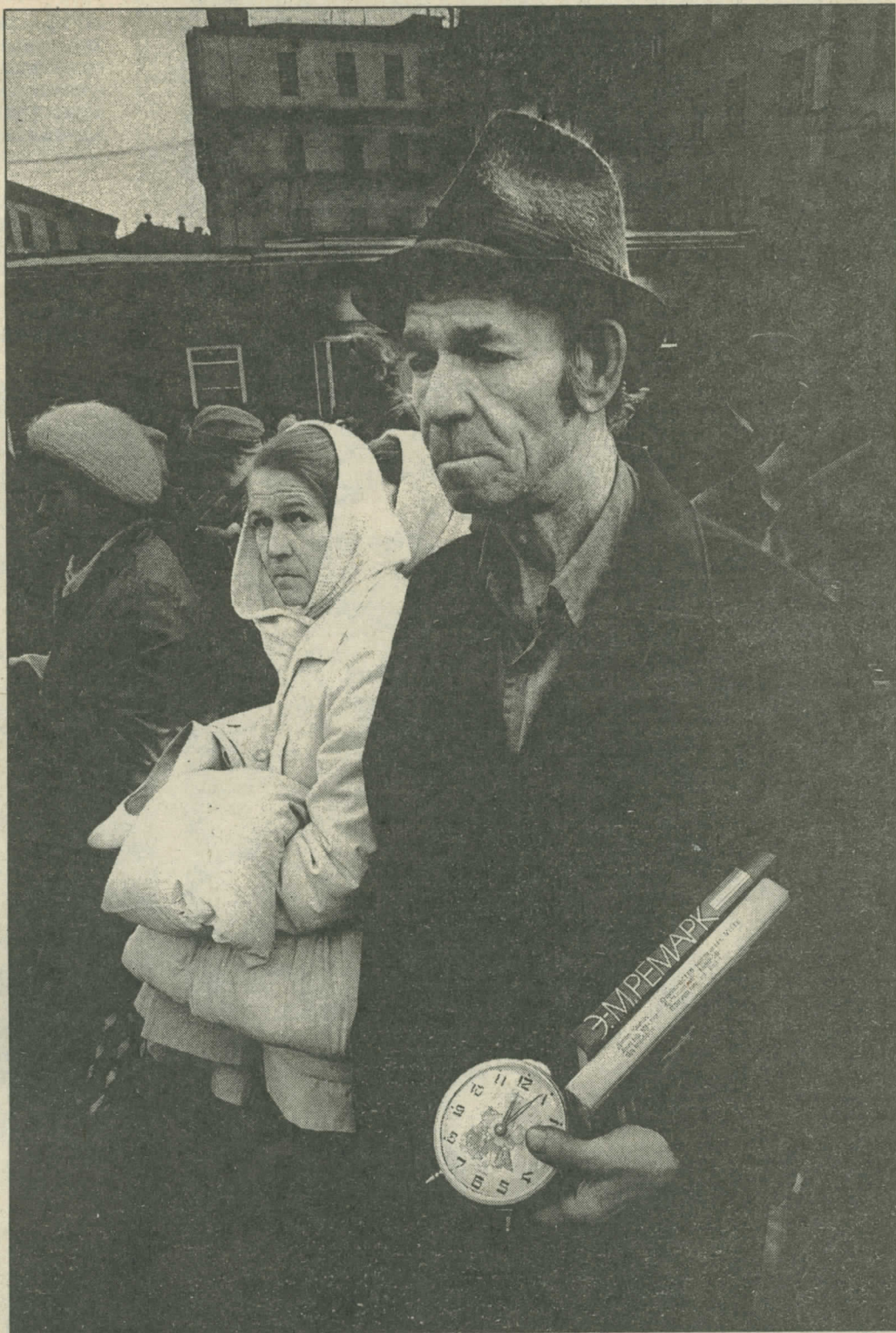
Публика еще только начинала ид-ти с работы. Узкие тротуары Пет-ровки переполняли уставшие люди, стукались зонтиками, машины об-давали пешеходов грязью, соревну-ясь, кто это сделает лучше. В единственную на всю округу булоч-ную тыкались десятки, сотни рук — двери не поддавались...

И ВСЕ ЖЕ я выяснил, почему продавщица смеялась надо мной. Оказалось, что ее зовут Ира, а ди-ректриса называла ее даже Ироч-кой. «Ирочка» потому улыбнулась мне, промокшему на дожде, объяс-нила она, что ведь продавщицы должны быть с покупателями веж-ливы.

Вот такое странное объяснение. Продавщицы, конечно, должны быть вежливыми, хотя в прежние времена они просто были вежливы-ми, иначе их в магазине бы держать никто не стал. Но зачем тогда они выставили покупателей на улицу?

Окончание на 36 стр.

ЛЮДИ НА РЫНКЕ

Фоторепортаж
с Тишинки
Елены САЛИНОЙ
и Владимира ШИШОВА

— Видите ли, сэр, наша страна идет
к рыночной экономике.
— О, это замечательно. That's a fine.
— У нас уже есть некоторые достиже-
ния. Хотите посмотреть? Please.

— Наш рынок — универсальный. Здесь вы найдете все: от предметов первой необходимости до произведений высокого искусства. Будьте уверены, мы знаем толк в искусстве!

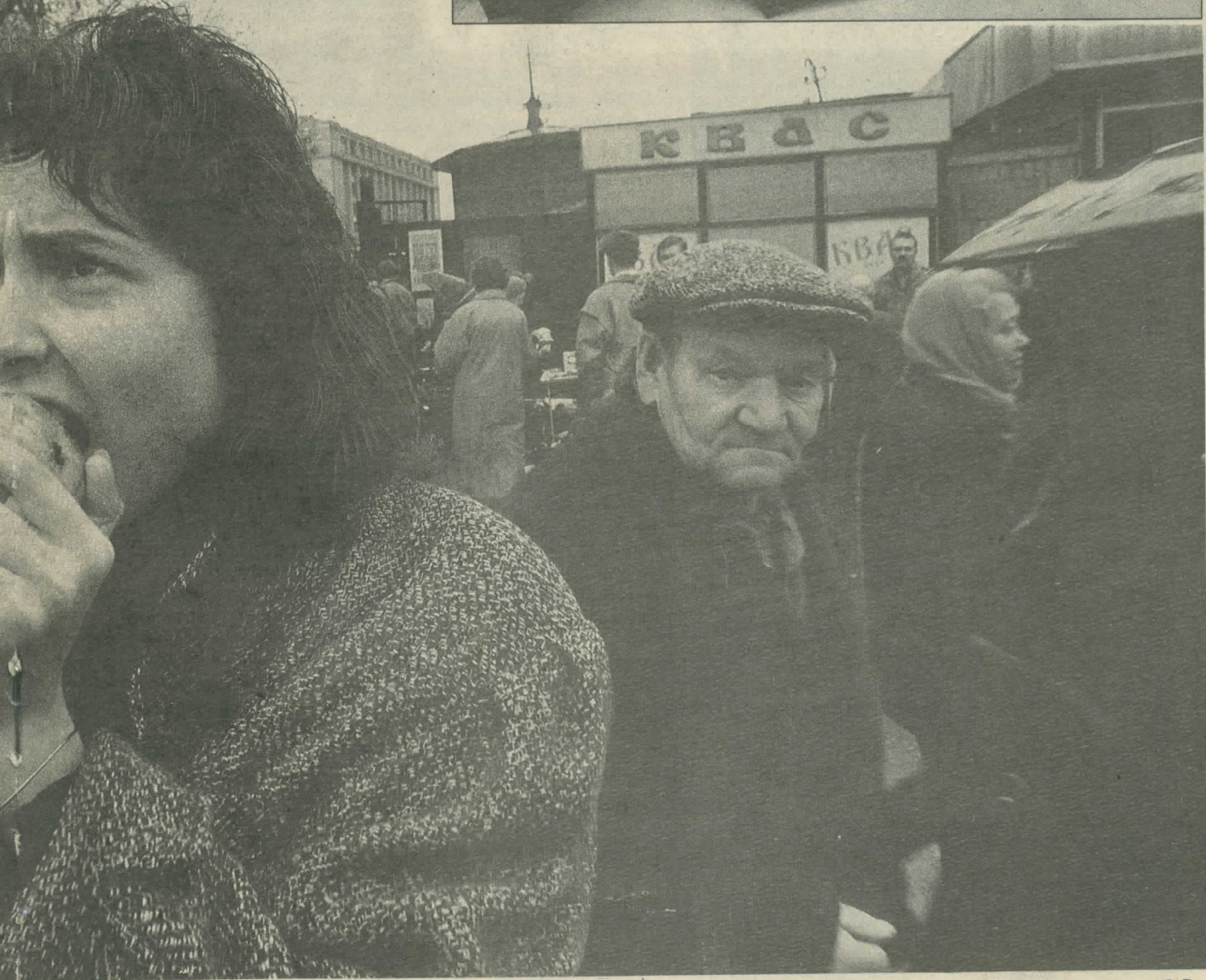
* * *

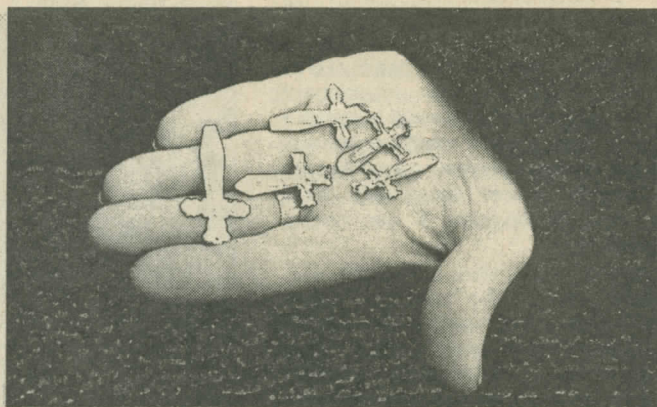
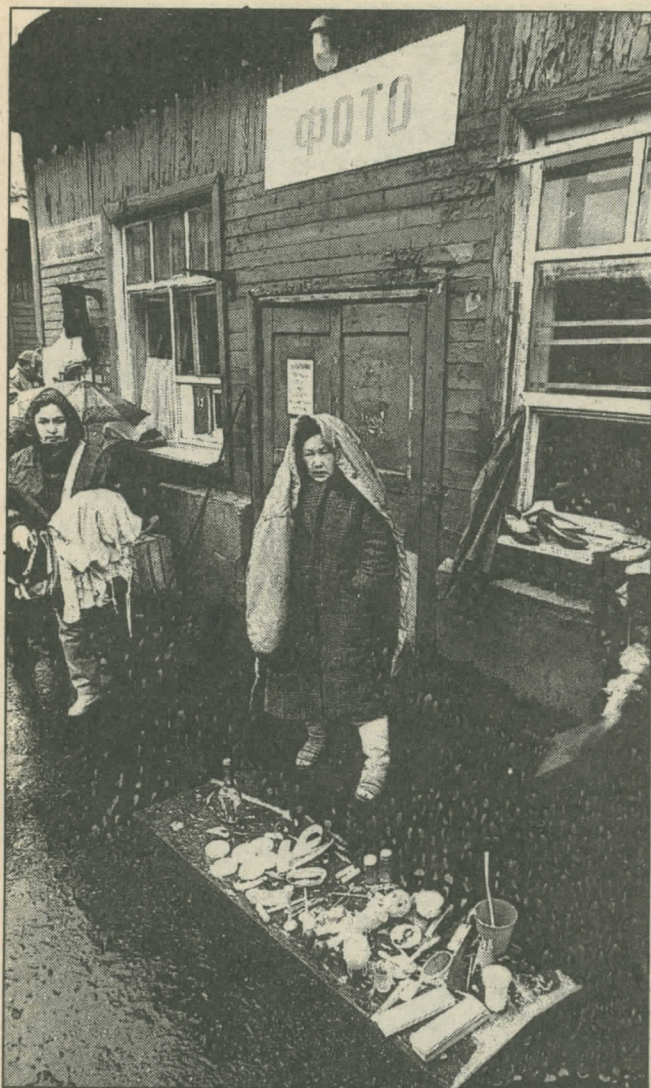
— Обратите внимание, тот порванный зонтик еще очень может послужить, если аккуратно пришить его водонепроницаемую ткань к погнутым спицам. Рачительность и бережливость — основа нашей экономики.

— Посмотрите направо. Эта женщина, которой при нынешних ценах правительственной дотации хватает только на хлеб с кипятком, не хочет просить милостыню. Она зарабатывает на жизнь песнями под аккордеон. У нас очень гордые люди.

* * *
— А вот наше молодое поколение. Вглядитесь в их лица. Они одухотворены высокими помыслами и стремлениями, не правда ли? Наша молодежь активно ищет пути выхода из кризиса.

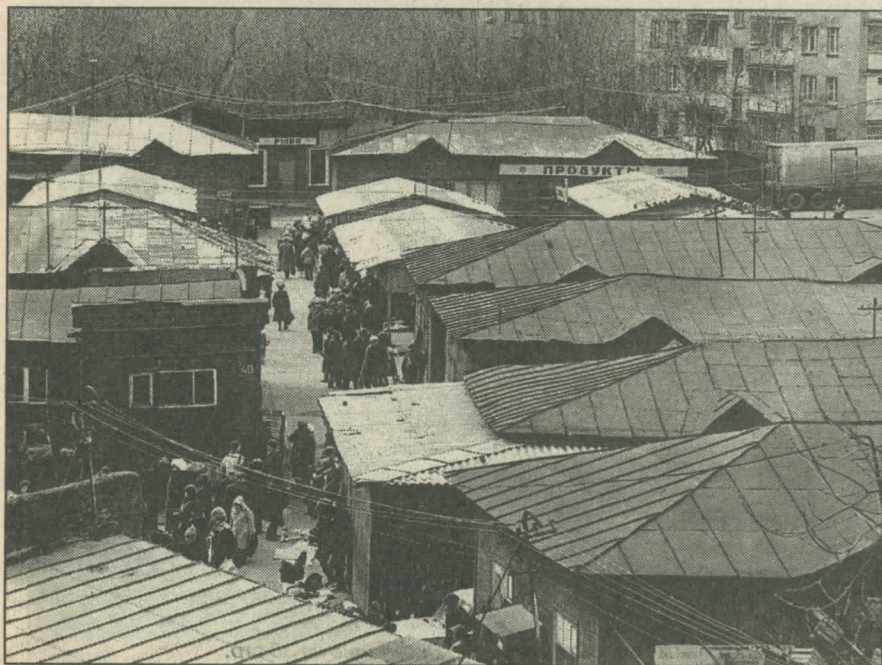
— Не пугайтесь, пожалуйста. Эта леди хорошо себя чувствует. Она просто демонстрирует нам свой товар столь экзотическим способом. Вы слышали о Вячеславе Зайцеве? Yes, авангард.

— Подумайте о душе, дорогой сэр. Тем более, что это совсем не дорого. Бессмертие или пара деревянных червонцев — что для вас дороже?

* * *

— Кому нужны пустые бутылки? Сэр, вы, оказывается, недостаточно знаете законы рынка. Если кто-то продает, значит, кто-то покупает.

— ХОТИТЕ
ПОПРОБОВАТЬ?

ТОЛЬКО КАРТОЧКИ!

Лазарь Захарович ШУГОЛЬ, депутат Моссовета, — один из признанных лидеров торговой мысли в Моссовете. В первом номере «Столицы» за 1990 год в интервью корреспонденту журнала по поводу торговли в городе он сказал: «Я думаю, что при нынешней форме организации работы Моссовета ничего не изменится. Моссовет сильно политизирован».

Предлагаемая заметка Л. Шуголя — снова о торговле. Автор полагает, что торговля обязана быть или капиталистической, или социалистической. Больше того, какая в стране торговля — таков и общественный строй. Лазарь Захарович — за социализм.

По просьбе депутата заметки не коснулась ручка редактора. Думается, что революционный дух заметки способен захватить тех читателей, кому не повезло и они не участвовали в октябрьских событиях 1917-го.

Продолжительный и неуклонный рост дефицита продовольствия придал этому процессу политический характер и тем самым поставил нас перед необходимостью незамедлительного решения чисто политической проблемы справедливого лимитирования торговли продовольствием. Среди всех форм лимитирования торговли продовольствием только карточная система является социально справедливой, поскольку лишь в ней реализуется равное право всех граждан на имеющиеся государственные запасы продовольствия, а потому и равное право на жизнь.

Именно это равенство всех граждан перед угрозой голода делает карточную систему органически эффективным средством всесторонней мобилизации всех сил нации на преодоление продовольственного кризиса. Наша история (и не только наша!) убедительно свидетельствует, что продовольственные кризисы всегда успешно преодолевались именно путем введения карточной системы. Спрашивается, почему же мы, давно и непрестанно говоря на всех уровнях управления о неуклонном сползании страны к продовольственной катастрофе, до сих пор не ввели карточную систему?

Причину этого разорительного игнорирования карточной системы легко понять, если обратить внимание на то, что в стране уже давно используются все новые и новые суррогаты карточной системы: талоны, визитки, паспорт, чеки. Закрытые формы торговли, поощрительные и другие. Кому же нужны эти суррогаты карточной системы, если совершенно очевидно, что они активно работают на углубление продовольственного кризиса, поскольку, с одной стороны, суррогаты карточек создают благоприятнейшую почву для массовых афер, краж и спекуляций, а с другой — широкое функционирование этих суррогатов справедливости создает видимость борьбы с дефицитом продовольствия и тем самым уводит народ от поиска подлинных причин продовольственного кризиса?

Совершенно очевидно, что суррогаты карточной системы нужны тем, кто стремится к созданию в стране тупиковой продовольственной ситуации, т. е. тем антисоциалистическим силам, которые хотят вынудить страну искать выход из продовольственного кризиса во внесоциалистических формах экономики, а именно — в формах тотального рыночных, т. е. капиталистических.

Те же антисоциалистические силы навязывают нам приватизацию,

т. е. дележку социалистической собственности с целью отмывания и узаконения собственности теневой экономики и всевозможных мафиозных и коррумпированных структур, с последующим беспрепятственным превращением этой узаконенной частной собственности в капиталистическую. Приватизация выдается, естественно, за единственную возможность выхода страны из экономического кризиса, в том числе и продовольственного. Именно в том числе, а не прежде всего и в кратчайшие сроки, ибо их меньше всего волнует продовольственный кризис — они-то пекутся о внедрении капитализма. И именно поэтому затажной продовольственный кризис им выгоден, ибо на этом мрачном фоне социалистической действительности проще агитировать за капитализм.

Толкают нас в экономику свободного рынка (т. е. капиталистическую!) и те, кто делает ставку на массовый импорт продовольствия, хотя наша страна имеет все необходимое для покрытия спроса собственным производством и для экспорта продовольствия в очень широких масштабах. Толкают потому, что расплатиться за продолжение массового импорта продовольствия мы сможем, только широко открыв дорогу в нашу экономику иностранному капиталу. В то же время продолжительный массовый импорт продовольствия (и уже давно не только продовольствия!) резко снижает эффективность отечественной экономики и тем самым в перспективе в принципе исключает самостоятельный выход страны не только из продовольственного, но и из экономического кризиса вообще.

Таким образом, проблема внедрения тотальной карточной системы в нынешней социально-экономической ситуации — это проблема жизни и смерти социалистической экономики, а потому и социализма вообще в нашей стране. Это прекрасно понимают рыночники на всех уровнях управления страной и потому, вынужденные обстоятельствами (растущим возмущением народа очевидно несправедливыми формами распределения продовольствия) отказаться от открытого сопротивления внедрению тотальной карточной системы, делают все возможное, чтобы кастрировать эту систему на корню — в формах разра-

Окончание на 38 стр.

ПИСЬМА, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ОТВЕТА

«Генеральному директору
объединения «Мособщепит»
т. Малышкову В. И.

Уважаемый Владимир Иванович!

Диетическая столовая № 14 на Пушкинской улице — единственное предприятие общественного питания такого рода в центре города. Трудно в пределах Садового кольца найти еще одну диетическую столовую. Но сотрудники столовой № 14 всегда отличались неряшливостью и неуважительным отношением к посетителям, особенно к тем, кто ходит сюда регулярно, по многу лет. Это в основном глубокие старики и старушки, по-видимому, совершенно одинокие, раз каждый день ходят в столовую. А то, что они бедные, — в этом нет никаких сомнений. Это видно даже по их одежде — куплена она давно, потерлась, обтрепалась...

Недавно* к раздатчице вторых блюд, совсем молоденькой девушке С. Воробьевой, обратилась очень старая женщина с просьбой дать ей

* В письме названа точная дата и даже час.
— Ред.

не два шарика-котлетки, а один. Видимо, у старушки не было денег на всю порцию. Раздатчица грубо и насмешливо отказала ей. Раздатчицу поддержала заместитель шеф-повара М. Кальмаева. Никакие уговоры дать бедной женщине полпорции не помогли. Звонким голосом Кальмаева утверждала, что «соусные блюда» не делаются. Она говорила: «соусные». Вместо шарика-котлетки пожилой просительнице так и быть дали еще одну порцию гречневой каши-размазни. Столь бессердечное отношение к пожилой женщине возмутило всех стоявших в очереди, но твердости раздатчицы и заместителя шефа не поколебали.

В тот день в столовой не было ни одного сотрудника, на ком бы был белый халат: на животах у всех черные, многодневные круги. И это — в диетической столовой! В столовой — в центре Москвы!

На заводе «Макдоналдса» белые халаты меняют два раза в день, там есть своя прачечная. Вы — генеральный директор «Макдоналдса». Будет ли когда-нибудь прачечная хоть на одном нашем предприятии общественного питания? Ресторан «Макдоналдса» на Пушкинской площади славится своим радушным отношением к посетителям. Когда же к посетителям станут относиться по-доброму в наших столовых, генеральным директором над которыми Вы тоже являетесь?

Будем признательны, если Вы выскажетесь об инциденте в диетической столовой № 14 и ответите на другие вопросы редакции».

Окончание. Начало на 28 стр.

Зачем закрылись, не продав до конца хлеба и куличей?..

Как бы начальники из хлебной конторы и с хлебозавода ни возмущались, а время начальников прошло. Даже булочные — источник нашей физической жизни — переходят теперь на самые передовые методы работы: их берут в аренду, покупают в личную собственность. Началась приватизация торговли. Оказалось, что и «Булочная на Петровке» теперь уже не подчиняется своему вечному начальнику — Мосхлебторгу, а справедливая Марина Михайловна Лукьянец — начальница на час. Булочная вошла в состав загадочного, но заведомо передового «Меркурия» — некоего торгового объединения без адреса и телефона. Созданный Мосгорторгом, «Меркурий» Мосгорторгу якобы не подчиняется. Он входит в состав борца за свободу и независимость — Союза арендаторов и предпринимателей СССР, возглавляемого нашим известным экономистом-реформистом П. Буничем.

МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА, или НАКАЖИТЕ ДОЖДЬ!

Зачем-то и непонятно по какому принципу «Меркурию» распорядились отдать группу московских продмагов, группу универмагов и группу булочных. В Мосгорторге и в Мосхлебторге до сих пор не причешут волос: как они встали дыбом от реформ, так и не ложатся к темечку. Чем «Меркурий» лучше Мосхлебторга? Был Мосгорторг и при нем Мосхлебторг, а теперь еще «Меркурий».

Разработана, правда, версия, будто магазины не должны быть в одном подчинении. Нужно разрушать монополию. Эта светлая теория не имеет, однако, ни малейшего отношения к Мосгорторгу и «Меркурию». «Меркурий» — создан Мосгор-

торгом! Монополия лишь усилилась. Кроме того, магазинами у нас всегда владел не один лишь Мосгорторг — были еще магазины Потребкооперации. Никакой конкуренции между ними, сами понимаете, не было и в помине: руководители Мосгорторга и Коопторга состоят в одной парторганизации.

Монополия разрушается только тогда, когда люди начинают заниматься одним и тем же делом **НЕЗАВИСИМО ДРУГ ОТ ДРУГА**. Эта общемировая теория на практике почему-то не применяется. Применяют ту, что, наморщив лбы, изобрели в кабинетах города Москвы — города, искусственно отрезанного от мира.

«Генеральному директору
«Мосгорторга»
тов. Карнаухову В. А.

Уважаемый
Владимир Алексеевич!

Талоны на сахар и табачные изделия получают не все москвичи. Кому-то они не нужны, кто-то умирает...

Поддерживает ли «Мосгорторг» связь с РЭУ, где выдают эти талоны? Известно ли в «Мосгорторге», сколько талонов выдано, сколько в остатке?

Редакция хотела бы получить эти сведения.

Будем благодарны, если Вы выполните эту просьбу».

«Прокуратура г. Москвы

Направляем вам письмо читательницы т. Криворучко Е. М., которая рассказывает о неудачной попытке приобрести некоторые товары в магазине № 42 (Федеративный проспект, 26). В письме говорится, что в продаже там находились спортивные костюмы и кофты, однако автору письма, которая стояла в очереди третьей, ничего не досталось: продавцы все эти вещи продали своим знакомым на глазах у покупателей. Покупатели обратились к заведующей, потребовали книгу жалоб. Не сразу они добились своего. Заведующая, наконец, протянула им совершенно чистую книгу. В письме говорится, что, возможно, таких но-

вых жалобных книг у заведующей есть несколько.

Просим вас проверить приведенные читательницей факты. Будем признательны, если о результатах расследования вы уведомите автора письма и редакцию».

Это письмо прокуратура города Москвы переправила в ОБХСС Перовского района. А начальник отдела ОБХСС А. А. Смирнов избавился от него своим способом: переправив директору Измайловского протторга т. Крыловой Н. Г., сопроводив письмо следующим текстом:

«Направляю Вам заявление гр-ки Криворучко Е. М. о нарушении порядка очередности при реализации товаров повышенного спроса в магазине № 42 Измайловского протторга для организации проверки и дачи ответа заявительнице».

Редакция, как видите, из этого «дела» почему-то оказалась исключенной.

«Генеральному директору
«Мосгорторга»
т. Карнаухову В. А.

Уважаемый
Владимир Алексеевич!

В молочном магазине № 61 кассир-контролер грубо обошлась с одним покупателем. Тот покупатель был ребенок.

Мальчик лет восьми протянул кассиру рубль, который ему выдали дома на молоко. В ответ кассир-контролер поступила так, как, естественно, никогда бы не поступила со взрослым: она быстрым движением вырвала у мальчика пакет молока, поставила в свою кассовую кабинку и сказала:

— Иди меняй. Нет у меня сдачи. Мальчик остался стоять с протянутым рублем.

— А как? — спросил ребенок. В самом деле, как? У кого и где разменять рубль? Для этого нужно выйти из магазина, побегать по улице до другого магазина...

— Как хочешь, — не глядя на покупателя, сказала кассирша.

...Не всякое происшествие в магазине поддается литературному описанию. Требуется достоверно описать лицо ребенка, на котором отражаются все переживания, холодное лицо кассирши. Все это вряд ли подходит к деловому письму, Владимир Алексеевич.

Рис. А. Казачкова (Окончание на 38 стр.)

РАНЬШЕ МЫ возмущались, что товар отчужден от продавца, и этим объясняли издевательства над покупателями. Но вот теперь товар становится собственностью продавца — оказывается, главные издевательства еще впереди! Правила торговли уже не действуют — хорошо, это пережиток прошлого. Но при нынешнем состоянии рынка собственник товара покупателям ничего не продаст. Торговля с черного хода всегда была намного выгодней, так как там действовали свободные цены, государственные служили лишь некоторым ориентиром. Но товаров мало и магазинов мало — куда же податься покупателю? Раньше продавец был обязан выложить товар на прилавок, за припрятывание его ждало суровое наказание — теперь, как всякий собственник, продавец волен сделать с товаром все, что ему вздумается. Подумайте только — продавец! Наши с вами продавцы! И это называется гордым словом — «приватизация»...

С магазинов ли надо начинать приватизацию?

Может быть, начать с земли или

хотя бы с элеватора? Или пусть даже с хлебозавода? Словом, не оттуда ли, где у товара появляется хозяин — человек, его сделавший? «Меркурий», как и Мосхлебторг со всем Мосгорторгом и Коопторгом, хлеб не сеет, не жнет: это учреждения, властные структуры. Вот и получается, что нынешняя приватизация магазинов — это закамуфлированное усиление государственной торговли. А продавщица, нанявшаяся в магазин, обретает над покупателями — сеятелями и жнецами — еще большую власть, подпертую еще большим числом учреждений.

И вот спрашивается: чем же занимались у кормила власти разные известные люди — экономисты, министры, депутаты, мэры, — которых мы внимательно слушаем уже седьмой год, если за все время их бурной хозяйственной и политической жизни они не сделали даже самого малого: не избавили каждого из нас от унижения перед магазином? Наоборот, лишь усилили нашу зависимость от продавцов?

Почему не упростили систему ценообразования, чтобы директор

любого предприятия мог выпускать новые товары? Чтобы утвердить цену на новый батон или новой формы булочку, директору хлебозавода, например, нужно потратить не меньше полугода. Ничего не изменилось! Не изменилось даже после второго апреля, когда директор завода и рад бы напечь маленьких куличиков вместо килограммового, который стал стоить почти 5 рублей, да не может: цены на куличик нет.

После второго апреля у продавщиц настроение заметно улучшилось. В ход пошли ручные весы! Да еще как пошли! Двести граммов рыбки — 13 рублей, сто граммов конфет — 2 рубля... Раньше обесит на десять граммов — три копейки выгадает, а теперь — тридцать, а то и в тридцать раз больше...

Я ПОСТОЯЛ у запертых дверей «Булочной на Петровке» и послушал высказывания тех, кто нервно тыркался в запертую дверь.

— Проклятый дождь! Когда же он кончится! Льет, льет...

Во всем виноват один дождь.

ТОЛЬКО КАРТОЧКИ!

Окончание. Начало на 35 стр.

ботки карточной системы, ее внедрения и эксплуатации.

И когда кастрированная карточная система не даст ожидаемого эффекта, рыночники закричат на всех перекрестках, что даже всемогущая карточная система не в состоянии спасти развалившуюся социалистическую экономику и надо поэтому незамедлительно и любой ценой спастись в формах свободной рыночной экономики.

Спрашивается, почему же наше очевидно социалистическое правительство не блокирует действий должностных рыночников, которые давно и всячески препятствуют введению действительно эффективной карточной системы? Да только потому, что тотальная карточная система вынудит правительство сказать (и постоянно говорить!) всю правду о продовольственном положении страны, а тем самым и всю правду о своей вине за создавшееся положение.

Известно, как дорого мы заплатили за запоздалую правду о войне в Афганистане, за запоздалую правду о катастрофе в Чернобыле и за многие другие запоздалые правды. Однако все эти уклонения от правды по своим социальным и политическим последствиям не могут идти ни в какое сравнение с катастрофическими социальными и политическими последствиями продолжения уклонения от введения тотальной карточной системы, а тем самым и уклонения от публичной правды о продовольственном положении страны в целом и в каждом ее населенном пункте.

И потому — только карточки в формах тотальной карточной системы, т. е. прежде всего такой, которая в принципе исключает внекарточное распределение какой бы то ни было части государственных запасов дефицитных видов продовольствия. И только правда, т. е. такая публичная информация обо всех аспектах продовольственного положения страны (и каждого населенного пункта!), которая в принципе исключает принятие каких бы то ни было решений по продовольствен-

ной проблеме за спиной народа как по стране в целом, так и в каждом населенном пункте. И только сегодня, т. е. полное и принципиальное пресечение какого бы то ни было запаздывания с публикацией информации по всем аспектам продовольственной проблемы.

Социализм позволяет легко и быстро решить продовольственную проблему на уровне здорового человеческого спроса, если решать ее для всех, а не в пользу богатых за счет бедных, если отказаться от пагубного для социализма производства на элитарный спрос в кризисных ситуациях, если не делить нацию на расу богатых и расу бедных, если не подменять органически созидательную и гуманную борьбу нации за существование антиэкологической во всех аспектах бытия капиталистической конкурентной гонкой производства, если не придерживаться звериного принципа буржуазной морали — умри ты сегодня, а я — завтра.

Что же касается форм собственности (о которых так много говорят рыночники в оправдание больших доходов шустриков за счет порядочных тружеников...), то их может быть сколько угодно и при социализме, но функционировать они должны в рамках социалистической морали, исключающей эксплуатацию человека человеком и вообще любые нетрудовые доходы. Естественно, и в решении продовольственной проблемы доля любой формы собственности на орудия и средства производства может быть как угодно большой — тут не должно быть никаких предварительных ограничений. Очевидно и то, что мы должны способствовать задействованию в решении продовольственной проблемы всех потенциальных производителей, не разделяя их по формам собственности на орудия и средства производства.

Л. Шуголь, депутат Моссовета

Письма, оставшиеся без ответа

Просто в тот момент все стоявшие в очереди видели насмерть перепуганного ребенка: у него впервые в жизни вырвали из рук пакет молока. Он стоял, ростом чуть выше кассы, и снизу вверх недоуменно смотрел на кассиршу, ожидая удара. Такое у него было выражение на лице. И он продолжал держать протянутый рубль.

Пугать детей нельзя! Наши дети не должны бояться магазинов! Магазины города под Вашим руководством не перестали быть местом устрашения населения. Отпугивает в них все: и грубость продавцов, и развязность их, и обсчет с обвесом, и подсовывание тухлого, гнилого. Но детей — пугать нельзя! Они и так недоумевают того, что им положено. Если для них в магазинах еще осталось молоко, то его им необходимо продавать без ограничений. Московские продавцы уже дошли до того, что пугают голодных детей.

Письмо к Вам — знак бессилия перед безнравственностью городской торговли, которая уже вышла из берегов. После посещения магазина № 61 не осталось надежды, что какая-то новая торговая экономика сделает магазин для публики более привлекательным. Неужели вот этим самым продавцам собираются продавать магазины в их личную собственность? Они же там будут делать, что им заблагорассудится. Это же будет сплошное издевательство. Тогда просто не будешь знать, кому пожаловаться на полновластных хозяев магазина.

Сейчас пока еще есть кому пожаловаться: Вам».

Пока мы ждали (и не дождались) ответов на эти письма, генеральный директор «Мосгорторга» В. А. Карнаухов из своего генерального кресла пересел в кресло заместителя председателя исполкома Моссовета Юрия Михайловича Лужкова. Но он продолжает, как говаривали раньше, «курить» торговлю.

Так что письма ждут ответа.

ЭКСТРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

По сведениям, поступившим из Госторгинспекции Москвы, за месяц с небольшим со дня повышения цен продавцы обсчитали покупателей на 500 с лишним тысяч рублей. Покупателям эти деньги возвращены быть, естественно, не могут — они пойдут в госбюджет.

Подробности — в одном из ближайших номеров.

Фото Б. Кремера.

О том, что без вести пропадают люди, пишут регулярно. Показывают по телевизору фотографии: ушел из дома и не вернулся... был одет... Пишут не обо всех и показывают выборочно, кому как повезет, а все ж надежда. И фатальная безысходность одновременно. Сегодня показали, и вчера, и неделю назад. Да что же это такое творится!

Между тем пропавшие люди находятся. Практически никогда об этом не узнают ни читатели, ни телезрители. Нет сенсации. Ну кто вспомнит: месяц назад числился во всесоюзном розыске, и вот живой и невредимый — в

кругу счастливых родственников.

Только докопавшись до ржавых колес системы, призванной охранять наш покой, начинаешь понимать, с каким скрипом и надсадным воем прокручивается то, что обязано четко и безотказно работать. Убеждаешься: системы-то и нет, а есть хаос и неразбериха, слегка подмаскированные внешней деловитостью больших начальников. Да есть еще люди, которые при всем при этом как-то умудряются добросовестно выполнять свои обязанности.

Сенсация — это не обезображенный труп.

Сенсация — когда нашли живым.

«...А моя мама такая красивая»

В конце 89-го года МВД СССР разослало по детским домам и интернатам указание № 537 — дать сведения о детях, личности которых были неизвестны в момент поступления и родители которых так и не нашлись.

Понятно, что любая указующая бумага на бланке солидного учреждения рождается не сама по себе, не из пыли министерских ковров. Всегда есть конкретный человек, который погрызет ручку да и напишет черновик, прокрутив в уме неоднократно, чего же он, собственно, хочет.

Таким человеком на сей раз оказался Олег Андреевич Рублевский, старший оперуполномоченный по особо важным делам (по-милицейски — «важняк»), отвечавший за один из самых трагичных участков розыскной работы — розыск пропавших без вести детей. Он хотел элементарного — использовать до конца все, весьма ограниченные, возможности.

Две параллельные системы отчета не давали покоя Рублевскому. Одна — министерская, по которой 15 лет хранятся сведения о каждом ненайденном ребенке. Другая... Другой, впрочем, и не было. Просто чуть ли не в каждом детском доме при желании можно обнаружить воспитанника, попавшего туда при загадочных обстоятельствах. Заблудился, оставили на вокзале, подкинули новорожденным. Родителей не помнит или не удалось найти, фамилию получил новую.

Если в одном месте что-то пропало, а в другом нашлось, рассудил Рублевский, должны быть точки пересечения. Странно только, что никто не удосужился поискать их раньше. Так появилось указание № 537, замечу, впервые за годы существования МВД, хотя идея проста, как веник.

Но из готового текста удивительным образом испарились слова: «сведения за последние 15 лет». Осталось просто «сведения». Пони-

маете, в чем разница? У Рублевского-то данные хранятся 15 лет, и дети, пропавшие относительно давно, его волнуют ничуть не меньше тех, что пропали вчера.

А бывший начальник ГУУРа взял и вычеркнул лишние, на его взгляд, слова. Может, случайно. Но вышло жутко непрофессионально и непонятно. И каждый раз стыдно за милицию, когда случайность вторгается куда хочет. Распоряжаются-то не шестеренками — судьбами.

В общем, подготовили бумагу, надо рассылать. А куда? Вы думаете, в стране существует хоть один справочник подобных учреждений? Больше того, все они приписаны к разным ведомствам. Дома ребенка, где малыши до трех лет, — к Минздраву, детские дома и интернаты, подразделяющиеся в свою очередь на массу категорий, — к наробразу. А ребенка переводят из города в город, из области в область, туда, где место есть.

Схватился Олег Андреевич (кстати, сам в прошлом детдомовец) за голову и давай названивать бывшему однокашнику, ведающему детдомовскими проблемами в Госкомобразовании СССР. А тот клянется и божится, что у него у самого нет всех адресов. Такое вот народное хозяйство.

Вот и скажите теперь, чем заполнены министерские компьютеры? Почему два оперативника из одного района, встречаясь ежедневно в столовой, годами не пересекаются по работе? Один ищет пропавшего без вести, а другой не может установить, кому принадлежит неопознанный труп, хотя оба занимаются одним и тем же лицом.

Почему больницы никогда не ставят в известность, когда туда попадает человек без документов? О травмах еще сообщают в отделение милиции, а если сердечный приступ?

Почему бюро несчастных случаев существует только в Москве? Да и то качество поступающих туда све-

дений зависит от настроения больной тети Маши, сидящей на телефоне, и от разборчивости почерка дежурного врача.

И неужели так трудно сделать элементарное — сфотографировать найденного ребенка? Ведь ребенок растет, и с каждым годом опознать его все труднее. В США в подобных случаях помогают художники-криминалисты. Посоветовавшись с антропологом и дантистом, они могут выполнить регрессивный и прогрессивный портрет как пропавшего, так и преступника. У нас до последнего времени были отдельные самоучки, которые, пользуясь сумбурными свидетельствами очевидцев, бестолково занесенными в протокол, пытались изобразить нечто отдаленно напоминающее оригинал. Только в этом году Харьковское художественное училище впервые, в порядке эксперимента, подготовило профессиональных художников для работы в милиции. О результатах говорить пока не приходится.

Самое страшное — то, что однозначно видится со стороны абсурдом, давно уже стало привычной нормой.

Разослал Рублевский свои бумаги с горем пополам. Не всюду, конечно, и не все захотели ответить. И в архивах директорам и главврачам копаться особенно было недосуг — дали сведения за последние год два, три.

Но все-таки ответы стали приходить. Появилось в руках что-то осязаемое, с чем можно и нужно было работать дальше. Хотели издать фотоальбом, но не нашли заинтересованных спонсоров. Вправду говорят: чужая беда, как вода.

А потом Рублевский перешел во вновь созданное МВД России. Своих, российских, детишек забрал с собой. Прочие остались в союзном архиве, потому как более никого там не интересуют.

Дел и в российском министерстве хватает, но те, собранные однажды, фотографии бередят душу. 58 фотографий ничьих детей. Возможно, от большинства из них отказались сознательно, бросив на произвол судьбы. Но среди ничьих ребятишек вполне могут быть и те, кто потерялся маленьким или был украден. Чьи родные до сих пор не хотят примириться с горем и ищут, ищут, почти безнадежно, сына или дочь.

Елена САЛИНА

А ТЕПЕРЬ — ВНИМАНИЕ!

Журнал «Столица» берется помочь МВД РСФСР и, главное, тем, чьи дети находятся в розыске. Регулярно, раз в две недели (то есть через номер), мы будем публиковать снимки, собранные Олегом Рублевским. Вглядитесь в них как можно внимательнее. Дети выросли и изменились, но вдруг вам удастся разглядеть родные черточки. О чем-то скажет время и место нахождения.

Передайте этот номер журнала знакомым, которых постигла беда.

ЭТИ ДЕТИ ЖИВЫ И ИЩУТ РОДИТЕЛЕЙ.

Мы просим также помочь нам редакции местных изданий. Доведите, пожалуйста, эту информацию до сведения жителей ваших регионов. Заранее благодарим.

1. НЕИЗВЕСТНЫЙ Александр Николаевич (фамилия неродная), 1976 года рождения. В 1980 году, четырехлетним, был найден в Ленинском районе Новосибирска и доставлен в приемник-распределитель. Сейчас учится в школе-интернате.

2. 28 марта 1986 года в Сыктывкаре жильцами дома 21 на Привокзальной улице была найдена в подъезде эта девочка. Тогда девочке было 7 или 8 месяцев, она была худенькая, со светло-зелеными глазами, вогнутым носиком и с ямочкой на подбородке.

3. 8 мая 1977 года, тоже в Сыктывкаре, неизвестная женщина оставила в здании Эжвинского райисполкома мальчика в возрасте примерно двух лет. Теперь мальчик вырос, он перед вами. Мы обращаемся к этой женщине: может быть, за 14 прошедших лет вы сумели переоценить свою жизнь и в чем-то раскаяться? Вас ждет сын.

4. А этого малыша 11 сентября 1987 года привезли в Октябрьский РОВД Куйбышева. Его подобрали на центральном автовокзале города, и было ему всего 3 недели от роду. Малыш оказался мальчишкой в голубой распашонке и вязаной белой шапочке. Был завернут во фланелевую пеленку и голубое одеяло. Рядом стояла коричневая сумка, а в ней баночка с молоком и сменные одежды. Опять дитя несчастной любви? Неизвестно. Но ведь была же у него мать. Может, сегодня она найдет в себе силы заглянуть в эти глазки...

Пока все. Продолжение публикации через две недели. Если у вас появились какие-то предположения или сомнения по поводу представленных детей, звоните в МВД РСФСР Олегу Андреевичу Рублевскому по телефону 229-59-64. Адрес: Москва, Огарева, 6.

Хотим только предупредить людей с очень добрыми сердцами, которые захотят усыновить или удочерить ничьих детей. Милиция этим вопросом не занимается. Об усыновлении нужно хлопотать в обычном порядке.

Омск Пожар в птичьей заповеднике...

Огромное количество утиных гнезд, уток, чаек, а также три гектара камыша сгорело в заповеднике «Птичья гавань», который расположен почти в центре Омска.

Пожар случился из-за неосторожности семиклассников С. Рябцева и Б. Гафунова, которые развели костер на сушняке под сильным ветром. Когда все вокруг запылало, мальчики перепугались, но при этом пытались спасти сидящих на гнездах птиц и сами порядком обгорели.

Кстати, поджигатели учатся в школе № 57, которая шефствует над «Птичьей гаванью»: ее ученики «сдали» милиции двадцать браконьеров.

...и психиатрической больнице

Недавно в здании городской психиатрической больницы из-за испорченной электропроводки случился пожар. Огнем была повреждена кровля. «Если бы занялся подвал, а не крыша, все сгорело бы в одночасье», — изложили свою точку зрения пожарники.

Что касается пациентов больницы, то они с поразительной оперативностью были эвакуированы.

Эльза КЕПОЛАС

Обнинск Тут опять кое-что придумали

Каждый знает, насколько тяжело приходится нашим врачам: в дефи-

ците препараты для оперативной и качественной установки диагноза. Больше всего не хватает радиофармацевтических препаратов, с помощью которых диагностируются практически все заболевания, лечатся онкологические и аутоиммунные болезни. В основе их приготовления — радионуклиды, в частности технеций.

Заводы по производству радиофармацевтических препаратов есть в Москве и Ташкенте. И вот не так давно налажено производство генераторов технеция в Обнинском НИИ медицинской радиологии АМН СССР, филиалах научно-исследовательских физико-химического и

физико-энергетического институтов. Здесь освоено производство ксенона и ксеноново-воздушной смеси для диагностики заболеваний легких. Налажен серийный выпуск генераторов технеция на вакуумной основе и радионуклидов для лечения рака щитовидной железы.

Межинститутский комплекс в Обнинске может полностью обеспечить страну радиофармацевтическими препаратами. Дадут ли ему такую возможность?

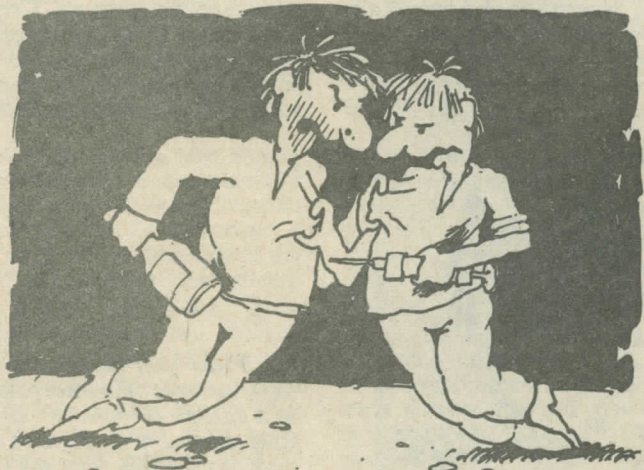
Александр ШИБАНОВ

Нижний Новгород Эй, друг, у тебя есть «план»?

Пятьдесят учащихся промышленно-индустриального техникума из Узбекистана, приехав на практику на Горьковский автозавод, были поселены в общежитие «Нижегородстрой». Это вызвало бурный резонанс у местного населения. Узнав о появлении в Нижнем Новгороде узбекских студентов, группа весьма нетрезвых личностей дважды пыталась посредством угроз заполучить имеющиеся, по их мнению, у узбеков наркотики. После второй неудачной попытки осады общежития страждущими силами сормовской милиции было задержано пять человек.

Практиканты тут же уехали домой в Узбекистан. Сормовское отделение внутренних дел проводит проверку по факту.

О. К.

Рисовал В. Иванов

Осколки собирала Елена АВЕРИНА
Наш телефон: 928-18-56

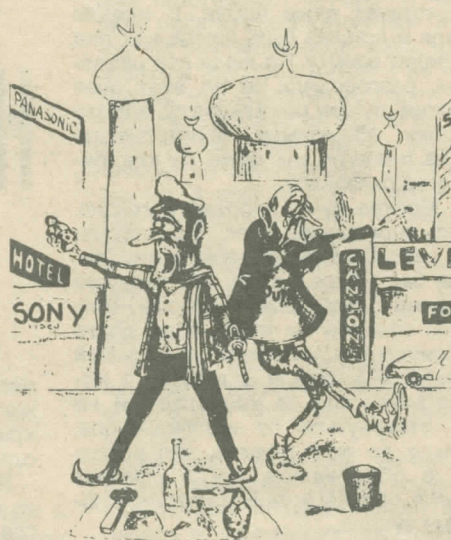
Идет ли дождь, светит ли солнце — Стамбул всегда переполнен жителями стран Восточной Европы. Болгарскую, польскую, венгерскую и русскую речь можно услышать во всех туристских центрах, на многих магазинах вывески — на этих же языках. Однако восточноевропейцы — это не обычные туристы. Их привлекает сюда главным образом коммерция, а не желание ознакомиться с достопримечательностями страны. И местная инфраструктура уже приспособилась к этому. Сейчас относительно недорогие турецкие гостиницы, терпящие убытки в результате событий в Заливе и месячной забастовки государственной авиакомпании, наперебой зазывают эту не очень-то богатую валутой публику. Но как только более выгодные западные туристы появятся на горизонте, ситуация вновь изменится.

Нельзя не сказать и о широко распространенной торговле приглашениями. Я видел поддельные приглашения с абсолютно неотличимой от настоящей печатью советского консульства в Стамбуле. Мне сказали, что его можно купить в местных магазинах за 40 долларов и что приглашения эти «работают» — несмотря на то, что имя будет впечатано другим шрифтом.

Что ни говори, а торговля на улицах Стамбула идет вовсю. Любого иностранца, открывающего на углу свой баул, неизменно окружает толпа любопытных турок: не все собираются покупать, но все хотят посмотреть на товар. А иностранцы, оттесненные назад, напряженно наблюдают, как их вещи растворяются в толпе, с тем, чтобы потом — после тщательного осмотра — непременно вернуться назад.

Те русские, которых я встречал на улицах, были плохо подготовлены к такому натиску. Они не справились не только с языковым, но и с культурным барьером. Умение торговаться и торговать — это стиль жизни в Турции и в какой-то степени — объяснение успехов еще молодой открытой экономической политики. Психологию тоже нельзя сбрасывать со счетов: такая близость с немалым числом мужчин (слабый пол проявляет гораздо меньший интерес к импровизированной торговле) заставляет многих, особенно женщин, чувствовать себя не слишком уютно. Да и представления, что торговля вроде бы недостойное для них занятие, также влияют на многих, особенно на тех, кто имеет у себя на родине престижную профессию и высокий социальный статус. Но главная проблема в том, что на местном рынке властвует покупатель: почти все, что может предложить русский, доступно на местном рынке.

Адриан ХИГГС НАСЛЕДНИКИ ОСТАПА БЕНДЕРА НА РОДИНЕ ЕГО ДЕДУШКИ

Рисовал А. Заяц

Однако опыт приносит свои плоды. Поднаторевшие в этом деле нередко раскладывают свой товар на куске материи, смягчая тем самым напор толпы. Они уже открыли и свою нишу на турецком рынке — это необычные тут игрушки и небольшие потребительские товары вроде фотоаппаратов. Многие промышленники и прочими техническими изделиями, которые выглядят так, будто они попали сюда прямо со склада какого-то госпредприятия. И в конце концов если все эти небольшие по размеру товары и расходятся, то только потому, что цена сбивается до минимально допустимой отметки. (Проституция тоже процветает. Турецкие власти озабочены угрозой распространения венерических заболеваний и СПИДа, заносимых «валютными» проститутками из Восточной Европы.)

Однако продажа вещей — только половина коммерции. Вторая половина — приобретение. Главное, получить как можно больше долларов или на худой конец турецких лир с тем, чтобы купить на них спортивные костюмы, кожаные куртки и прочие товары. Для этого приходится экономить, жить в самых дешевых отелях, перебиваясь хлебом и водой...

Восточноевропейского визитера легко вычислить по его слабости к яркой спортивной одежде, независимо от возраста и комплекции. Он готов купить все, на чем написано «Аидас», хотя, как правило, это нелегальная подделка местного производства, так же как и другие про-

мышленные товары, например сумки «Бенеттон».

Вся эта торговля ведется чрезвычайно оживленно и отчаянно. Мне, западноевропейцу, бывавшему в странах Восточной Европы и решившему жить в Турции, печально наблюдать столь разительные культурные различия между людьми. Почему все эти люди готовы сносить тяжести изнурительного пути сначала на поезде, а потом на автобусе, везя с собой горы товаров, стоять на самом солнцепеке на углу какой-нибудь улицы — и не замечать при этом красоты древнего Стамбула? Ответ очевиден: здесь есть западные товары, а цены на питание и гостиницы гораздо ниже, чем в других западноевропейских странах.

Тут можно вспомнить, что еще десять лет назад турецкая экономика находилась в глубоком застое, большинство предприятий были закрыты. Перемены, которые произошли с тех пор, впечатляют. Банковские и другие финансовые услуги стали чрезвычайно конкурентоспособными, сложился чуткий рынок акционерного капитала. Экономический рост за последние три года в среднем превышает 8% (очень высокий показатель), несмотря на существенное сокращение сельскохозяйственного производства в 1989 году. Иностранцы, жаждущие улучшения жизни у себя дома, могут воочию убедиться в немалых успехах Турции с тех пор, как ее экономика стала открытой.

Юрий ГАЛЬПЕРИН

НАДКУШЕННОЕ ЯБЛОКО (очерк)

Если на Землю глядеть из самолета — границы неопределимы. Они не видны. Отсутствует даже намек. В идеале Земля и должна быть такой, как она выглядит сверху. Но люди все разделили, разгородили. И на этот счет русским лучше помалкивать: владея самыми обширными пространствами на планете, мы даже на кладбище огораживаемся.

В Москве было холодно и грязно. Таял апрельский снег. Мы летели над серо-белыми заснеженными полями без конца и края, над черными лесными массивами, которые нетрудно принять за море, если долго и пристально смотреть с большой высоты. Мы летели и летели, а Россия внизу все не кончалась. Я не мог отвернуться от иллюминатора, и было до того грустно, что вздохнул с облегчением, когда самолет ушел в облака и окно затянуло ключьями тумана.

Через три часа мы вынырнули из ваты и пошли на снижение к земле, освещенной утренним солнцем.

Холмистая свежее-зеленая страна под нами, вся разграфленная и расчерченная на аккуратные клетки полей и лугов, в темных лужицах роц и лесов, с пряничными домиками под буро-красной черепицей словно бы из сказочного мира моего детства, густо покрытая сеткой дорог, по которым бежали яркие автомобили, — земля под нами показалась иной планетой. И еще она привиделась мне очень чистой, словно бы отмытой специально к приезду.

«Туполев» деликатно коснулся колесами посадочной полосы, побегал по шероховатому бетону, обрамленному стриженной травой. Вокруг все сияло, сверкало под солнцем: и окна аэропорта, и автобус для пассажиров, и разноцветные заправщики. Онемев от удовольствия, я беспрепятственно прошел паспортный контроль. Чиновник, зевая, заглянул в мою визу, и никто не проверил багаж, не поинтересовался, сколько икры и водки у меня с собой.

— Нравится тебе в Швейцарии? — первое, что спросила младшая сестра жены, когда я вышел из таможни в зал для встречающих и мы обнялись.

С тех пор, вот уже скоро одиннадцать лет, меня непрерывно спрашивают то же самое разные люди. И, несмотря на то, что с первого шага я почувствовал себя привольно,

честное слово, лучше бы они пореже задавали этот вопрос или, по крайней мере, не подразумевали однозначный ответ.

Я не эмигрант и не скиталец, ничто не гнало нас из дома, хотя кое-где и вздохнули с облегчением после нашего отъезда. На Западе мне повезло: приехал не на пустое место, а в семью и был замечательно принят людьми, которых полюбил. С первых дней заботиться о хлебе насущном нам не пришлось — нас поддержали. Мы с женой путешествовали, жили в полном удовольствии, и скоро нервы, которые дома начали пошаливать, успокоились. Я забыл о болячках, о проблемах. Докучливые вопросы отступили. Я растолстел, обленился и ничего не писал, тупея от самодостаточности.

Когда приятели в Париже говорят: «Повезло человеку, попал в Швейцарию» — я не спорю, но про себя точно знаю: повезло, что я угодил сюда, не учив ни французского, ни немецкого. Я гулял по Берну, вокруг улыбались милые люди, невнятно лопотали на забавном языке. Меня почему-то жалели: «Бедный, бедный русский!». Взгляды излучали доброжелательство. Некоторый опыт общения с доброжелателями уже имелся, однако, погрузившись в затягивающую эту милоту, я беспечно купался в благоденствии — Швейцария казалась раем. «Перекрестись, если кажется», — давно когда-то наставляла меня бабушка, но я забыл добрый совет и пребывал в раю.

Вокруг в благодати процветала изобильная страна, приятные обитатели которой казались пришельцу щедрыми, гостеприимными, предупредчивыми и трудолюбивыми. Они жили в мире друг с другом и с

соседями. Помогали бедным горемыкам с юга: итальянцам, испанцам, югославам, туркам и прочим. Я не задумывался, откуда что берется, кто на кого работает, что такое экспорт безработицы, за какие проценты банки оказывают финансовую помощь и какое это имеет влияние на общественную мораль. На рынке килограмм бананов из Центральной Америки стоил меньше, чем кило картошки из Эмменталля — если вычесть стоимость перевозки, упаковки, хранения и продажи, да еще то, что присвоили заготовители, посредники и продавец, то во сколько же раз меньше получили тамошние крестьяне за труды по сравнению с местными и чем они хуже. Бананы продавались по дешевке. Я покупал их, сколько хотел, и ел, сколько хотел, как мечталось в детстве. Не вдавался в подробности. Ничего не ведал. И если должен быть благодарен Швейцарии — а я благодарен этой стране, — то в первую очередь за подаренный год возвращенного незадумчивого детства.

Однажды летом в Энгадине я влез на гору (Монт Перс, высота 3240 м), вскарабкался на обледенелую верхоутуру, оглядел окрестности под ярко-синим небом без единого облачка, снежно-розовые фарфоровые вершины вокруг. Было тихо и солнечно, и свежо. И так одиноко, как может быть одинока вечность, — никто здесь не помешал бы разговору с Богом. Но говорить было не о чем. И я не попросил у Него ничего.

К чистоте и устроенности привыкаешь. В апреле я приехал в Берн, а уже в июне мы сидели в венском кафе на Кернтнерштрассе с друзьями-эмигрантами — маленьким, веселым, очень серьезным художником Сашей Окунем и его красивой же-

ной Верой, — они только что прилетели из Союза. «Удивительно чистые стаканы!» — восхищался Окунь. Мы с Терезой переглянулись, и она протерла стекло бумажной салфеткой. Мы прибыли из Швейцарии, и стаканы не показались нам достаточно чистыми.

Осенью, на курсах немецкого языка при университете, меня насторожило, что студенты из других стран поругивают тутошний комфорт. Но чистота и удобства не раздражали меня с детства в семье нас с братом приучали к порядку. И комната в коммунальной квартире, в центре Ленинграда, где я жил и работал, выглядела, как каюта на военном корабле.

Я не думаю, что моих товарищей по университету действительно раздражала чистота. Тогда я не приглядывался, а теперь догадываюсь: их угнетало другое — такое, что они не могли или не умели, или не хотели назвать. За чистеньким, скромным, приветливым фасадом чужого благополучия таилась иная жизнь, и туда их не впускали. Это тревожило, раздражало. Вот они и бранили порядок.

Немецкий язык мне не нравился. Никогда я не любил этот язык. Я не мог любить немецкий, потому что родился в послевоенном полуразрушенном городе, где в блокаду погибла почти вся семья. Потому что отец — еврей, прошедший войну от Волхова до Кенигсберга, — ненавидел немцев с той силой искренности, с какой только и можно ненавидеть людей, готовых погубить тебя лишь за черты твоего лица, за цвет

глаз и фактуру волос. Я не был в состоянии воспринимать мелодику речи, на которой говорили враги во всех радиопередачах и кинофильмах моего детства, в спектаклях и телепостановках о войне и даже в книгах о войне. После двух часов занятий немецким у меня поднималась температура. И я не способен был заставить себя сосредоточиться.

Бернский диалект оказался спасением. Швейцарцы говорят мягче, напевней, приятней для русского уха. В их речи изобилуют галлицизмы, радующие слух. А главное, на этом языке говорили люди, с которыми я породнился. И наш сын. Курносый, вихрастый, круглоголовый, он одинаково свободно владеет и русским, и диалектом. И если спрашивают его чужие: «Ты русский или швейцарец?» — он отвечает: «Я бернец».

Курсы после трех месяцев пытки я оставил и пробирался через грамматические дебри сам. Болтать на диалекте не научился, но начал понимать. А потом привык к венскому выговору австрийских друзей жены. А потом и к нормативному немецкому. И, в конце концов, стал читать и прислушался к тому, о чем так мучительно невнятно говорят, кричат, шепчут люди вокруг.

Я пристрастился подслушивать — вслушивался в разговоры на улицах, в кафе, в трамвае. Мир приоткрылся. Но то, что я распознал, не соответствовало благополучной картинке. Всего не перечислить, а из того, что запомнилось, сильное впечатление оставили слова пастора одной

из бернских церквей, — мы зашли туда полюбоваться витражами. Как раз окончилась служба, и священник выслушивал сетования немолодой нервной, расстроенной женщины. Из разговора было ясно, что она вдова, у нее трое детей и ее мучает мысль, что сыновья не смогут окончить гимназию — ей это не по силам. «Бог с ней, с дочкой, — убивалась она, — но сыновья...» И было понятно, что в церкви ищет она не помощи, но утешения. Пастор выслушал ее строго, придирчиво оглядел, отступив на шаг. И почти повернувшись, чтобы уйти, вдруг сказал: «Gute Frau, es muss auch Knechte geben».

Яблоко было надкушено. Слова пастора покачнули в моей душе замечательно устроенный швейцарский рай.

Светлым июньским вечером — после дневного дождя свежим и прозрачным, какими бывают только вечера в альпийских предгорьях, — мы ужинали в старом уютном ресторане на Театральной площади. В зале был мягкий, теплый свет, серебро тускло поблескивало на скатерти, публика элегантная, соус к Saumon au Citron vert выше всяких похвал, и золотисто-зеленое Dezales несравненно.

Вечерок из тех, на которые пожаловаться нельзя. Единственным предстоящим развлечением было приготовление Crepe-Suzette. И я уже готов был примириться, когда за окном вдруг замелькали зеленые куртки, защитного цвета плащи, молодые, что-то орущие, скандирующие, поющие лица с разинутыми ртами, а иногда замотанные черными платками до глаз. Поплыли плакаты. Потом за экраном окна запрыгали полицейские в темных комбинезонах, со щитами и дубинками, в шлемах и противогазах, похожие на марсианский десант. Закрутилась потасовка, стремительная, как карусель.

Публика за столом притихла, выжидая напряглась, но с появлением полиции оживилась и пришла в счастливое возбуждение, когда витринное стекло треснуло и расколосось от удара, угодившего прямо в середину, камня. Опасное развлечение взволновало зрителей. И только на лице тещи я заметил испуг: в тот момент она смотрела на меня. Видимо, являло любопытную картинку лицо человека, пробудившегося от летаргии и обнаружившего себя далеко не в раю.

Хочешь стать святым — будь им!

Тот, кто испытывает желание быть причисленным к... лику святых, теперь вполне может осуществить свою мечту. Двое молодых французов, некие Оливье и Жан-Мари, изобрели игру под названием «Катехик», которая к нынешнему моменту уже успела приобрести большую популярность в таких странах, как Франция, Италия, США, Англия, Испания и Португалия.

Оригинальность игры заключается в том, что ее участники должны ответить на далеко не легкие вопросы из истории христианской религии, а также из области искусства и литературы, но, естественно, в религиозном аспекте. Тот, кто не сумел справиться с заданием, «предается забвению» на самых низших этажах церковной иерархии. Но тот, кто достойно и правильно ответил на все поставленные перед ним вопросы, имеет все шансы «пробыть в святыне».

«Донна МОДЕРНА» (Италия)

Вес запаха

Группа японских исследователей открыла способ взвешивать запахи. Носию Окахата и его коллеги из Технологического института Токио создали хитроумные весы, способные показывать вес Молекулы в миллиардных долях грамма. Таким образом, появилась возможность взвешивать любые запахи; при этом было установлено, что чем больше их вес, тем сильнее они ощущаются.

Взвешивающее устройство включает кварцевые микровесы и подобие плоскости, эквивалентной мембране живой клетки, — двойную пленку из липидов. Молекулы, образующие запахи, быстрее растворяются в органических жидкостях (таких, как жиры и масла), чем в воде. Эта особенность положена в основу механизма взвешивания запахов.

Весы для запахов, которые исследователи считают стабильными и многообразными, могут стать новым датчиком для определения концентрации всех видов запахов.

«Фигаро» (Франция)

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

Секс не уходит на пенсию

В ходе опроса, проведенного недавно в Калифорнии, 62% мужчин старше 80 лет заявили, что они имели сексуальные контакты в течение последнего месяца. Женщины этой возрастной группы оказались менее страстными. Только 30% из них утверждают то же самое. Старики преувеличивают? По всей вероятности, нет, если судить, по крайней мере, по другому опросу, проведенному во Франции, из которого явствует, что 54% тех, кому больше 65 лет, имеют регулярные половые связи и что каждый шестой из них хотел бы сделать более частыми свои сексуальные контакты.

«Пью Белла» (Италия)

Усатые няни

Мужчины-австралийцы превращаются в домохозяек. По данным статистического бюро Сиднея, за последние 6 месяцев увеличилось на 13 процентов число мужчин, взявших на себя заботу о домашнем хозяйстве и воспитании детей. Виной тому — экономический спад, который отрицательно влияет на занятость населения.

Кое-кто из женщин, возможно, считает это положительным явлением. Есть, однако, мужчины, которые смогли необходимость превратить в добродетель и заработок. Например, Тим Бонд, бывший игрок в бейсбол, стал одной из самых желанных нянек австралийской столицы: похоже, ни одна женщина не может сравниться с ним в приготовлении каши и пенин колыхательных пивен.

«Пью Белла» (Италия)

Биллиард

Родиной биллиардной игры считается Индия. В Европу она была занесена в XVI в., когда появилась во Франции и Англии. Первоначально вместо деревянных киев играли молотками и шары были каменные. Когда появились кии, биллиардная игра распространилась повсюду в Англии и Франции.

Петр Великий познакомился с игрой в биллиард за границей, и она ему так понравилась, что он по возвращении приказал сделать биллиард для своего развлечения. По его примеру богатые люди стали заводить у себя новинку, и вскоре игра перекинулась из столицы в провинцию и распространилась по трактирам и клубам.

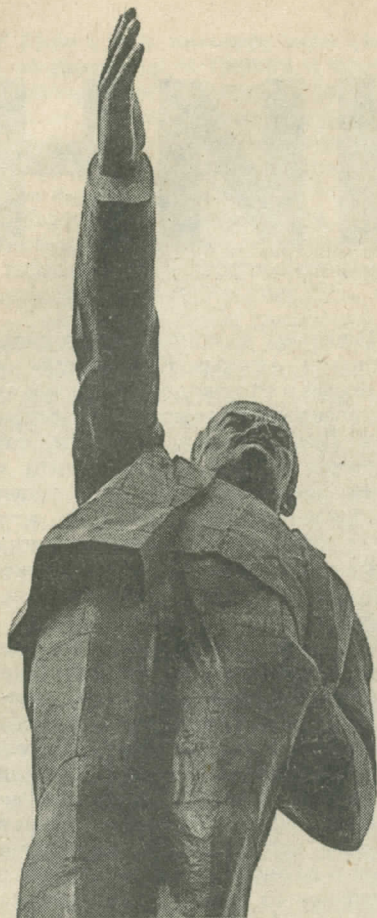
Первое упоминание о биллиарде относится к XVI веку. Один из историков Франции говорит, что король Карл XVIII, играя в знаменитую Варфоломеевскую ночь на биллиарде, «положил шары и кий и схватился за аркебуз, из которого стал стрелять по гугенотам». Но и еще ранее этого Шекспир в одной из своих драм упоминал про биллиард, а это относится к 1616 году. Уже тогда в Англии существовала игра — прообраз биллиарда.

«Единение» (Австралия)

«Чудо, чудо!..»

«Плачущая Мадонна» в церкви Лувейра близ Сан-Паулу (Бразилия) представляет загадку для ученых. Ежемесячно, 13 числа, деревянная святая «плачет». Это повторилось уже 22 раза. 13 марта она наполнила слезами маленький стаканчик. Как сообщила бразильская пресса, ученые университета в Кампинасе не находят объяснений этому феномену, который притягивает в маленький городишко верующих. То ли «слезы» появляются вследствие влажности воздуха, то ли выделяются из самого дерева, считает мексиканец Фортунато Палхарес. В последний раз Мадонна наплакала значительно больше обычного. Чтобы избежать каких-либо манипуляций, святую заключили под стеклянный колпак.

«Саарбрюккер цайтунг» (ФРГ)

СЛОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ

Много ли мы знаем об Ильиче? Да, конечно, есть многотомная, проверенная испартовцами серия воспоминаний о Ленине. Помним со школьной скамьи мемуарный очерк Горького... Но есть свидетельства другого рода. В недавние времена они, эти свидетельства, проходили по разряду клеветы, антикоммунизма и всяческой антисоветчины. И, естественно, были упрятаны во всевозможные спецхраны.

Мы предлагаем познакомиться с двумя статьями о Ленине, авторов которых при всем желании трудно назвать антисоветчиками. Прежде всего потому, что написаны статьи в досоветское время, за несколько месяцев до октябрьского переворота, и притом весьма видными социалистическими деятелями.

Виктор Михайлович **ЧЕРНОВ**, будучи главой партии эсеров, занимал в ней центристскую позицию. Это он сформулировал эсеровскую программу по аграр-

ному вопросу, лозунг которой «Земля — крестьянам!» перехватили большевики. С мая по август 1917 г. был министром земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. Чернова избрали председателем Учредительного Собрания, разгон которого знаменовал крушение последних надежд на демократическое развитие революции.

Имя автора второй статьи, Георгия Валентиновича **ПЛЕХАНОВА**, и вовсе не нуждается в пространных комментариях. Один из основателей РСДРП, крупнейший пропагандист марксизма...

Статья Чернова была впервые опубликована в центральном органе эсеров, московской газете «Дело Народа», 16 апреля 1917 г., вскоре после приезда Ленина в Россию и обнародования его «Апрельских тезисов». Плеханов выступил со статьей «Историческая справка» также в «своем» партийном издании, петроградском «Единстве», органе меньшевиков (выходил с подзаголовком «рабочая газета»), спустя три месяца — 11 июля. Это уже ближе к Октябрю. Оттого и тревожнее плехановская статья. Пророческим выглядит предупреждение классика российского социализма о гибельности искусственного ускорения исторического процесса в России, того пути левой авантюры, на который увлекала страну ленинская группировка, спекулировавшая на неразвитости «дикого голод-

ного пролетариата». Призывая отмежеваться от «алхимиков революции», Плеханов вычерчивает политическую родословную Ленина от французского революционера, теоретика и практика «тайного заговора» Луи Огюста Бланки (1805—1881) и русского идеолога анархизма и народничества Михаила Бакунина (1814—1876).

Апрельская же статья Чернова насколько глубока в анализе личности Ленина, настолько и благожна по выводам. Мы, мол, его пообломаем, этого экстремиста... Конечно же, невозможно было Чернову представить себе, что не пройдет и восьми месяцев, как отберут у него председательский колокольчик и матрос Железняк скажет: «Караул устал!»

Но есть весьма существенные и совпадающие наблюдения в обеих статьях. Оба автора указывают на революционное сектанство Ленина, его нетерпимость к инакомыслию, неразборчивость в средствах достижения цели, стремление к диктатуре.

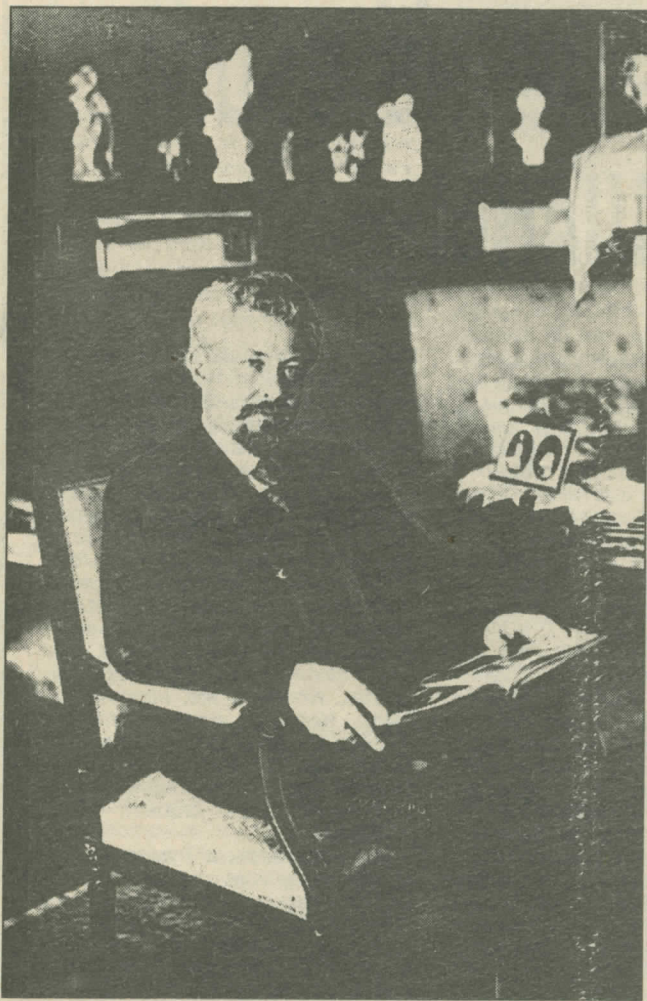
Полагаю, что эти две предоктябрьские статьи о Ленине — любопытный материал для размышлений о традициях нашей нетерпимости, нашей антидемократии.

«Не прикасайтесь к идолам — с них слезает позолота», — предупреждает древняя мудрость. Но у нас нет другого выхода...

Семен БУКЧИН

Виктор ЧЕРНОВ

ЛЕНИН

В. М. Чернов (фото 1917 года)

Обыватель всегда склонен к панике. Обыватель всегда склонен ожидать всяких ужасов. Обыватель всегда ждет пришествия антихриста.

Такой антихрист ныне явился. Этот антихрист — Ленин. Падкие на сенсацию уличные и полууличные газеты — одни сами простодушно отразили на себе панику обывателя, другие — эксплуатируют ее в интересах розницы, третьи — поддерживают ее просто потому, что о лицах легче говорить, чем об идеях. И, как снежный ком, катится и растет новейшая легенда об антихристе...

Какая-то кучка анархистов пошла с черным знаменем к американскому посольству... Объяснение готово: ее

ставят на счет всегдашнему яростному врагу анархистов Ленину. Пospорили у «дворца Кшесинской» несколько запальчивых людей и от доводов перешли к «жестуляции», так что пришлось их свести в комиссариат, — и кончено дело: это Ленин начал арестовывать своих политических противников (спасайся, кто может!), или наоборот: это начались аресты ленинцев. И в налуганном горячем воображении обывателя уже встает грозный фантом новой гражданской войны, во плоти и крови открывающей свое шествие по недавно успокоившимся улицам Петрограда. Словом, реклама Ленину создается чисто американская и притом бесплатная.

Я думаю, что Ленин может только благодарить своих врагов за это усердие. Я думаю, что в интересах Ленина именно сделаться «жупелом» для буржуазии, доминировать над ее воображением, как живое воплощение призрака социальной войны, с головой Медузы, с развевающимися на ветру огненными волосами и с факелом поджогов в руке. Его может только радовать ненависть буржуазии, ему только на пользу, чтобы из литературных подворотен на него набрасывались ежедневно с пеною у рта все шавки и лайки. А когда против него выступят идейные противники из социалистического лагеря, — он постарается высокомерным и грубым ответом так раздражить их, чтобы они потеряли равновесие и наговорили полемических излишеств. Тогда его дело в шляпе, их можно смело свалить в одну кучу с героями буржуазной травли вождя социал-демократов, переименовавшего себя в «коммуниста».

Ведь Ленин — это типическое порождение, я сказал бы больше — жертва нормальных политических условий, которые господствовали в России доселе, жертва безвременья, когда все загонялось в подполье, когда социализм, который по самой своей природе должен органически вырастать из масс, вынужден был подбирать организацию сверху, выхватывая из массы элементы по усмотрению вождей и их адъютантов, когда так трудно, вернее, почти невысказимо было определять беспристрастно волю большинства партии и так легко было при всяком крупном разногласии обеим сторонам претендовать, что это большинство — за них, когда поэтому так легко было раскалываться и когда всякие партии и фракции предпочитали расти и размножаться по способу низших организмов — путем деления...

То было время, когда создавалось множество маленьких муравейников, каждый со своим признанным лидером, обладавшим авторитетом почти лапской непогрешимости. То было время создания властных, авторитарных характеров с самомнением и решительностью, раздутыми донельзя общим преклонением. Ленин — самый типичный герой этого периода.

Ленин — крупная по задаткам фигура, беспощадно измеленная, изуродованная ненормальными условиями того времени.

У Ленина есть импонирующая цельность. Он весь — как из одного куска гранита и притом весь — круглый, обточенный, как бильярдный шар: зацепить его не за что, и он катится вперед с неудержимостью. Но он мог бы повторить про себя известную фразу: «Je ne sais pas, ou je vais, mais, j'y vais résolument» — «я не знаю, куда иду, но иду туда решительно».

У Ленина есть преданность революционному делу, пропитывающая все его существо; но революция для него воплощается в собственной персоне. Перефразируя старую формулу «P'état-c'est moi», «государство — это я», — он каждым своим движением, каждым жестом говорит: «Революция — это я». Он и в самом деле считает себя таким чистым вместилищем, сосудом революции, что для него нет разницы между личной политикой и интересом партии, интересом социализма.

У Ленина есть незаурядный ум, но это ум, охватывающий не наши вещи в пространстве с тремя измерениями: это ум одного измерения, даже больше: ум однолинейный. Он не просто ходит с шорами, — но с шорами, сжатыми на концах так, что приковывают почти маниакальный взгляд к одной точке. Про умных людей этого типа один мой приятель-мужик говаривал: «Умен-то ты, барин, умен, да только ум-то у те дурак».

Ленин — человек, безусловно, чистый, и все грязные намеки мешчанской прессы на немецкие деньги, по случаю проезда его через Германию, надо раз навсегда с отвращением отшвырнуть ногою с дороги. Но это человек однобокого волевого устремления и потому притупленной моральной чуткости. Он шагает к своей главной цели; для него было бы правильно основное направление, а все остальное неважно, и что касается вопроса о выборе методов — это уж совсем подробности и детали. Я уверен, что он даже и не подумал, что выхлопывать через Платтена у правительства Вильгельма право на проезд — нечто, недалеко ушедшее от подачи прошения на высочайшее имя в старое, доброе время. Может быть такой упрощенный способ рассуждения: все правительства в мире — разбойничьи, и так как без их разрешения не обойдешься, то соизволение правительства Германии ничем не хуже соизволения правительства Англии. Он даже и не подумал о том, что, даже с его точки зрения, соизволение Англии на его поездку было бы лучше уже тем, что его *вынудило бы* давление русской революции, а соизволение Германии по мотивам может быть подозрительнее.

Ни излишеством моральной чуткости, ни чрезмерным тактом Ленин никогда, как известно, не отличался. Он заменял их непреклонностью. Он — из тех людей, которые готовы сказать своим сторонникам: помните всегда, что в существе, в основе вы правы; помните, что ваши противники виноваты; не уступайте же им ни в чем позиции, бейте их, не давайте им ни отдыха, ни сроку; если вам случится при этом оступиться — не поддавайтесь ложной сентиментальности, не бейте отбоя, не извиняйтесь, идите вперед напролом и без оглядки!

У Ленина есть большой боевой темперамент и огромный запас энергии; но он доселе был осужден на измельчание в микроскопической кружковой склоке; не имея арены вылить свою энергию в крупных политических актах, он выливал ее в крупных полемических словах; он выработал жаргон, способный оскорбить самое нечуткое ухо; скрипуче визжит, как железом по стеклу, его сведение счетов с противниками; он большой охотник пофехтовать, но фехтует тяжеловесной оглоблей, и она своим весом и инерцией господствует над

его размашистыми движениями, а не наоборот; и весь его социализм — какой-то *топорный* социализм, ибо Ленин действует неуклюжим топорщиком и там, где требуется острый и тонкий скальпель.

В основе волевых устремлений Ленина почти всегда есть какое-нибудь зерно несомненной жизненной и политической правды. Но, боже мой, что ухитряется сделать он с этой бедняжкой-правдой, попадающей в его руки!.. Он поддерживает ее крепко и прочно... как веревка поддерживает повешенного.

Такова эта любопытная политическая фигура. Новая русская жизнь должна обломать ее. Мне смешны страхи, что будет наоборот, что он разломает новую русскую жизнь. О них пищат мыши, для которых «сильнее кошки зверя нет». Мне смешно также, когда фигура Ленина так гипнотизирует внимание целых газет, вроде «Единства», о которых не знаешь, что бы с ними случилось, если бы Ленин вдруг волею Божию помре, или если бы он вовсе не рождался на свет. Все нужно сводить к истинным, реальным, а не фантастическим пропорциям. Мы, пункт за пунктом, разберем пресловутую ленинскую программу и постараемся прежде всего *понять* его исходную точку и основные вдохновляющие его мотивы. Но разве сразу же не видно, что в ней едва ли не больше всего говорит опьянение воздухом революции и головокружение от чрезмерной высоты, на которую вознесли события? Разве не ясно, что здесь говорит отсутствие выработанного жизнью чувства ответственности за свои «слова и жесты», — отсутствие, такое понятное в прошлом, когда эти «слова и жесты» не влекли за собою никаких особенных последствий и оценивались только с той точки зрения, как они внешне выглядят?

Пусть же не пугаются чрезмерно политических чрезмерностей Ленина. Именно потому, что происхождение и характер их слишком понятны, мера их влияния, а следовательно, и опасности будет весьма ограничена и «локализована». Локализовать ее можем мы, социалисты, и исполним это тем скорее, чем меньше будет нам мешать нелепый гвалт перепуганных насмерть заячьих душ.

(В публикации сохранены орфография и синтаксис автора.)

Георгий ПЛЕХАНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Наша печать давно уже недолюбливает г.Ленина. А с тех пор, как его «интернационализм» проявился во всей своей поистине обольстительной красоте, автору пресловутых «тезисов», можно сказать, проходу нет в нашей печати. Мне, разумеется, и в голову не приходит защищать его: слишком много жестокого, быть может, совершенно неисправимого вреда принес этот человек России. Но я скажу, что, осуждая Ленина, его далеко не всегда хорошо понимают. Даже те наши периодические издания, которые, кажется, должны хорошо разбираться в разных оттенках социалистической мысли, нередко делают об его взглядах совсем неосновательные отзывы. За примером ходить недалеко.

В органе народно-социалистической партии («Народное слово» от 5-го июля) гр. Александр Сигаль старался объяснить «почти патологическое стремление большевиков к захвату власти» вредным влиянием на них социал-демократического учения о диктатуре пролетариата. Этому понятию он противопоставил учение о народовластии, утверждая, что социалистический строй не может возникнуть и существовать, помимо воли на то большинства.

По этому поводу необходимо прежде всего заметить, что не все большевики одобряют нынешнюю деятельность Ленина. Некоторые из них упорно борются с ним. Это мало известно читающей публике, но это в самом деле так, и несправедливо было бы забывать об этом.

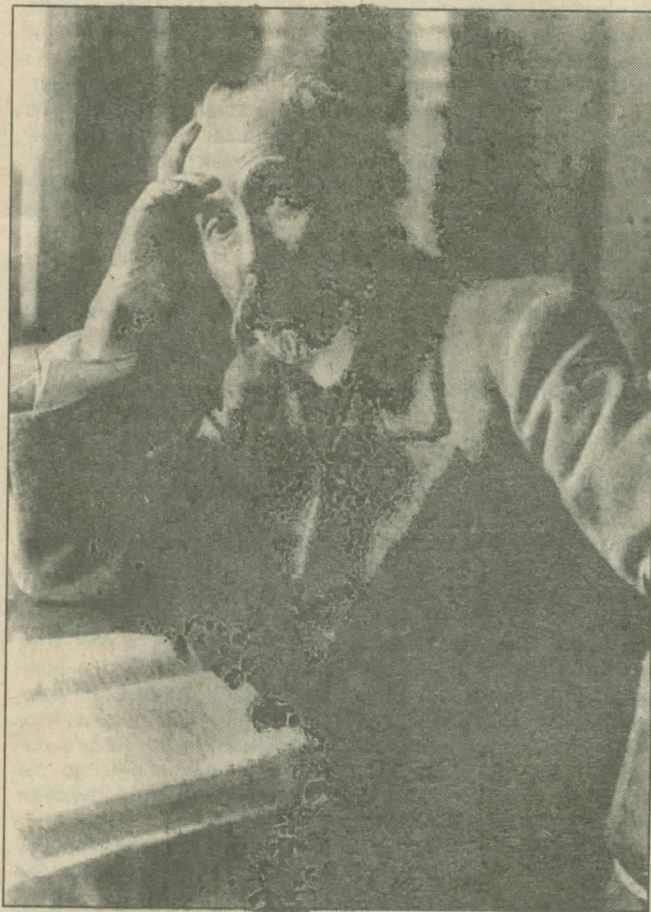
Но главное — в том, что, согласно социал-демократическому учению, диктатура пролетариата станет возможной и желательной лишь тогда, когда наемные рабочие будут составлять большинство населения. Отсюда следует, что сделанное гр. А.Сигалем противопоставление понятия о народовластии понятию о диктатуре пролетариата не выдерживает критики.

Вообще всякий, кто старается объяснить поведение ленинцев теми или другими особенностями социал-демократического учения, очень сильно рискует сделать теоретическую ошибку.

В социал-демократическом учении — я говорю: в учении — самое большое и самое почетное место принадлежит взглядам Маркса и Энгельса. А что же общего с этими взглядами имеет тактика Ленина? Ничего, ровно ничего! Ленин происходит отчасти от Бланки и состоит, кроме того, в более или менее близком родстве с Бакуниным.

Вспомните, как настойчиво обвинял Бакунин Маркса в патриотизме, ставя его в этом отношении почти на одну доску с Бисмарком. Вспомните также, как резко осуждал он мнимое желание Маркса приобрести почитателей среди буржуазии и толкнуть «пролетариат на сделки с буржуазными радикалами».*

А теперь сопоставьте эти упреки, посылавшиеся Бакуниным по адресу Маркса, с теми обвинениями, кото-

Г.В.Плеханов (фото 1916 года)

рые не перестает посылать Ленин по адресу некоторых нынешних наших последователей автора «Капитала» за их «социал-демократизм», и с теми проклятиями, которыми не перестает он предавать тех же последователей за их мнимое пристрастие к партии народной свободы. Сделав такое сопоставление, вы непременно должны будете согласиться, что если бы знаменитый основатель научного социализма вышел из гроба и,

* Государственность и анархия. — Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих — Полн. собр. соч. Бакунина. Изд. И.Балашова, стр.132-133 и 222.

оставаясь неузнанным, начал проповедывать свои тактические взгляды, то Ленин сейчас же предал бы его анафеме и отнес бы к числу сторонников «Единства», т.е. к «буржуйам», ибо сторонник «Единства» и буржуй — это одно и то же: это, как дважды два четыре, доказано «Правдой». Как хорошо, что бедный Маркс умер, не дожив до такого позора!

С другой стороны, не может подлежать ни малейшему сомнению, что если бы Ленину пришлось действовать при жизни Маркса, то этот последний ни в каком случае не признал бы его своим учеником в области тактики. Он без колебаний объяснил бы его бланкистом. Что это в самом деле так, покажет следующая характеристика Бланки, сделанная другом и неизменным единомышленником Маркса Энгельсом.

Помнится, я уже дважды доводил эту блестящую характеристику до сведения русских читателей. Но так как это было уже давно*, и так как, занимаясь делом публициста, нельзя избежать повторений, то я опять повторю ее полностью в нынешней моей статье.

«В своей политической деятельности, — писал Энгельс о Бланки, — он был, в сущности, «человеком дела», человеком веры в то, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, старающееся вызвать восстание в благоприятную минуту, может своими первыми успехами увлечь за собой народную массу и таким путем совершить революцию... Из-за того, что Бланки смотрел на всякую революцию, как на дело маленького революционного меньшинства, сама собой следует в случае успеха необходимость диктатуры, разумеется, диктатуры не всего революционного класса, пролетариата, но небольшого числа тех, которые начали восстание и уже заранее организовались под диктаторской властью одного или немногих».

Гр.Александр Сигаль видит теперь, что «почти патологическое стремление большевиков к захвату власти» вовсе не находится в прямой связи с тем понятием о диктатуре пролетариата, которого держатся марксисты. Эта диктатура есть именно диктатура всего революционного класса, сделавшегося большинством. И она не имеет ничего общего с той, к которой стремятся ленинцы. Ленинский захват власти принадлежит к числу тактических приемов «добраго старого времени», предшествовавшего возникновению научного социализма.

Считая, что захват власти может и должен быть делом небольшого числа революционных удалцов, которым предстоит увлечь за собой пока еще бессознательную народную массу, Ленин издавна стремился стать диктатором в среде подобных удалцов. Всем, знакомым с историей нашей социал-демократии, известно, что раскол, начавшийся в ней в 1903 г., поддерживался и упрочивался желанием Ленина приобрести в партии — поневоле бывшей тайным обществом, — диктаторскую власть. Власть эту он называл дирижерской палочкой. Партийная организация, как она ему представлялась, напоминает картину, изображенную Александром Толстым в «Балладе о мандарине»:

*Сидит под балдахинем
Китаец Дзу Кинь Дзин
И молвит мандаринам:
— Я главный мандарин.*

* Последний раз я говорил о ней в 1906 г. в статье «Где же правая сторона и где ортодоксия?», которая выйдет на днях новым изданием.

В другом месте Энгельс говорит о бланкистах, как о людях, стремившихся «к тому, чтобы определить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий... Они были алхимиками революции и отличались такой же путаницей понятий и такой же ограниченностью взглядов, какие были свойственны алхимикам старого времени».

Вот такими алхимиками революции нужно признать и наших ленинцев. Они хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий. Их выступления очень дорого обошлись России. Поэтому необходимо как можно скорее отмежеваться от них. И когда они говорят: «Не душите своих друзей, давайте совместно работать»*, революционное демократическое большинство должно решительно ответить им: работать вместе с вами можно только на гибель русского государства и русской революции.

Но если тактика Ленина по прямой происходит от тактики Бланки, то она существенно отличается от нее вот в каких отношениях.

Бланки вовсе не имел того равнодушия к судьбам своей страны, которое так свойственно Ленину. Когда немецкие войска наступали на революционную Францию, он издавал газету «Отечество в опасности!» Он понимал, что чем более сильное поражение будет нанесено Франции, тем больше шансов на успех будет иметь французская реакция. Ленин органически неспособен понять, что поражение России будет поражением русской свободы.

Это не все. Несмотря на отсталость своих тактических приемов, Бланки никогда не был демагогом. Ленин — демагог до конца ногтей. И тут он ближе к Бакунину, нежели к Бланки.

В тактике Бакунина была порядочная примесь демагогии. На последней странице своей «Государственности и анархии» он говорит, между прочим, что нужна «организация разнузданной чернорабочей черни». В другом месте той же книги речь идет у него о «диком голодном пролетариате», как о носителе социалистической идеи. Это, конечно, демагогия. Но то, что было зародышем у Бакунина, принесло роскошный плод у Ленина. Ленин — несравненный мастер по части собирания под свое знамя «разнузданной чернорабочей черни»; он все свои псевдореволюционные планы строит на неразвитости «дикого голодного пролетариата».

Наконец, он, волею или неволею, сознательно или бессознательно, служит германскому империализму. В этом нельзя было упрекнуть ни Бакунина, ни — меньше всего — Бланки. Здесь Ленину пришлось бы родными счесть кое с кем другим. Но об этом — когда-нибудь после, так как это выходит за пределы нынешней моей исторической справки.

Публикация С.БУКЧИНА

(В публикации сохранены орфография и синтаксис автора.)

* Слова ленинца Ногина, произнесенные 9 июля в Таврическом дворце на соединенном заседании Всероссийского Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

Трах в экспортном исполнении

«Жидкое небо»
США, реж. С. Цукерман

Свершилось. Из далекой Америки к нам пришло Откровение. В Доме кино был ебвал, народное волнение, торжественные встречи со слезами и ламентациями на тему: нет пророка в своем Отечестве.

То была премьера фильма «Жидкое небо», сделанного в США бывшим советским кинематографистом, ныне кинематографистом американским, Славой Цукерманом. Потом фильм был приглашен для участия в Неделе эротического кино США в рамках Международного Московского кинофестиваля. Мне хронически не везло.

Пропустил народный праздник в Доме кино. Пропустил парад американской эротики. Кусал локти, рвал волосы, понимал, что — неудачник, что все настоящее проходит мимо. То, что — настоящее, я уже хорошо знал от коллег-кинематографистов. И учил наизусть доселе неизвестное мне (мимо, все мимо!), а ныне всесветно, как меня убеждали, знаменитое имя: Слава Цукерман. И вот наконец Откровение предстало широкой советской публике. Мне повезло его увидеть в московском трехвокальном кинотеатре «Перекоп».

...Тарелка прилетела с небес, села на подоконник и стала убивать всех, кто трахается (по-английски это звучит чуть крепче).

Оказывается, если трахаться, вырабатывается вещество, похожее на героин. А тарелка от героина балдеет, добывая его из тех, кто трахается. Поэтому в фильме трахаются

беспрерывно, уныло и как-то обреченно. Звучит психоделическая музыка, цветные кляксы, трахаясь, дают нам понять, что именно так видит наш мир тарелка. Какой-то немец, специалист по тарелкам, изучает ее в телескоп, какая-то еврейка, специалист по телевидению и траханью, пытается отвлечь его от научной работы. Трахающийся обычно становится трупом, и тогда из его головы торчит красивый хрустальный клин. Впрочем, возиться со жмуриками скоро надоедает, и главная трахиня молит тарелку избавить ее от хлопот — трупы начинают с печальным хлопаньем исчезать. Здесь, очевидно, в фильме проскальзывает гуманное начало.

Сразу хочу сказать, что, возможно, в фильме также есть черты фрейдизма, бихевиоризма и сюрреализма в сочетании с эманацией загадочной славянской души — это, говорят, и привлекло Америку в творении группы пришельцев из СССР.

Возможно. Пустите только Дуньку в Европу, мы вам из отечественных галлюцинаций и комплексов такое кино сделаем — мир покачнется! Что блистательно доказал своими живописными сексуально-наркотическими бреднями Слава Цукерман. Но оказалось, что ими, как и эротикой, мазохизмом и эксгибиционизмом, советскую публику уже не удивишь. Вот и зритель в «Перекопе», поглядев на очень серьезное, философически самоуглубленное пыхтенье на экране, вскоре начал хмыкать, потом хихикать, потом обидно хохотать и наконец уходить, не дождавшись последнего трупя.

Публика, как всегда, у нас не готова к настоящим Откровениям.

Валерий КИЧИН

Леди Гамильтон Мценского уезда

«?Виктория?»

Театр им. Вл. Маяковского,
реж. А. Гончаров

«Виктория?» («Завещание лорда Нельсона») — бенефис Натальи Гундаревой. И писать о нем или о ней должны не критики, а поклонники. Они уверенной рукой заменяют вопросительный знак в заголовке пьесы на восклицательный, потому что без обмана и без подвоха получают то, за чем и пришли в театр. Получают полной мерой, полным весом. Для них Гундарева будет петь, плясать, страдать, рыдать, демонически хохотать — все на ать. А они в финале — аплодировать, скандировать, бросать (цветы)! К полному взаимному...

Актриса играет броско, ярко, с нахрапом, опуская мелкие подробности, но разве кто-то пришел за другой игрой? Почему, собственно? Где и когда ему обещали другое? Ах, в кино... Так и ходите в кино! Не ходите на Гундареву в театр или идите и умрите

там с ней, если можете... В кругах непоклонников спектакля бытует точка зрения, что к «мелким подробностям», упущенным актрисой и режиссером, относится — любовь. Любовь между лордом Нельсоном и леди Гамильтон (отбросим ссылки и сравнения со знаменитым фильмом как не правомерные — здесь взяты другой автор и другая версия отношений). Но ведь это «упущение» — характернейшая черта искусства данного театра и данной актрисы, не раз полно его выражавшей. Красивость собственной страсти и собственного страдания часто становилась на этой сцене объектом гораздо более увлекательным, чем боль причиненная и причиняемая. У этих художников совсем другой мазок. На мой вкус, Н. Гундаревой, играющей в столь победительной манере, не хватило в спектакле как раз смелости быть хоть на мгновение жалкой и поверженной и потому любимой и покоряющей. Однако при чем здесь мой вкус? Я хорошо знала, на что шла.

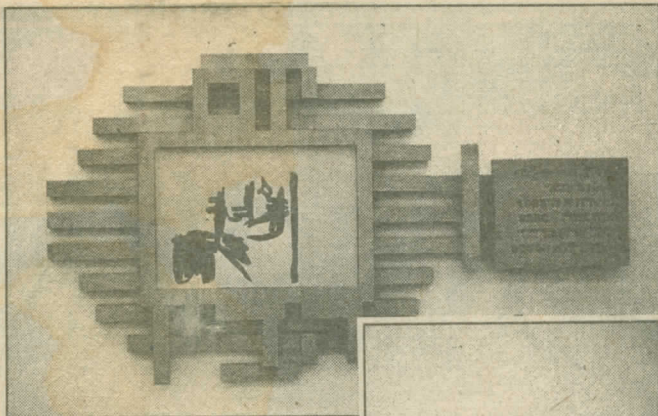
Мария СЕДЫХ

Здравомыслие под духовой оркестр

«Дикарка»
Малый театр,
реж. В. Соломин

Если вы хотите потанцевать после первого действия под духовой оркестр, а после второго — послушать классическую музыку в исполнении струнного ансамбля, одетого в старинные одежды, то непременно отправляйтесь в Малый театр на «Дикарку». Впрочем, расслабляющие музыкальные интермедии в духе театра минувшего столетия не отменяют весьма жесткого смысла всего происходящего на сцене. Сын богатой помещицы Александр Львович Ашметьев в исполнении Виктора Павлова предстает сниженной версией чеховского Иванова. Идейная опустошенность бывшего либерала забавно оборачивается мужской ленью, бессилием, когда на роман с юной Дикаркой, Варей Зубаревой (С. Аманова), у него просто нет куражу. Варя выходит замуж за делового, в самом соку помещика Малькова (Д. Назаров), а жена Ашметьева Марья Петровна, глубоко сыгранная Е. Глушенко, заявляет, что подается в фермерши, коль иным способом не снискала мужниной любви. Словом, все в духе модной ныне уверенности, что лучше быть богатым, красивым, молодым и здоровым, чем... Бывший романтик-идеалист Ашметьев оказывается несостоятельным любовником, юный петербургский радикал Вершинский, которого А. Коршунов играет с примечательной картавостью, отвратителен в любви из-за увлечения политикой, а побеждают уверенные в себе люди без идеалов и фантазий, но твердо знающие, что почем в этой жизни. Словом, люди не болтающие, но действующие. Неужели все повторяется в нашей истории? Отчего же мы не берем уроков у собственного прошлого?

По Михаил ШВЫДКОЙ
отр. 6/

Не убий — «Ло тирцах»

Израильские художники. Вокруг 90-х годов

Выставка в Центральном Доме художника

Подзаголовок названия выставки израильских художников — бинационале — полностью отражает ее суть. Работы, с одной стороны, естественно укладываются в русло западной традиции XX века. Это объяснимо — исторически своих вековых традиций в Израиле сложиться и не могло. С другой стороны, нельзя сказать, что стиль и манера современной живописи механически перенесены на древнюю библейскую почву. Есть нечто внутренне объединяющее гиперреалистические полотна И. Хершберга и примитивистские занумерованные катусы А. Або-Шакра, фотопанно М. Киришнера и смтытые лица Г. Класмера, конструкции М. Мизрахи и философские коллажи А. Бен-Давида, абстрактные «контакты с металлическим спреем» Д. Рибана и гирлянды М. Гершуни. И это общее не темы (они как раз интернациональны: протест против насилия человека, государства, цивилизации над личностью и миром, размышления над вечными вопросами жизни и смерти), а отношение к темам, мудрость, воспитанная историей Земли обетованной, в кавычках и без.

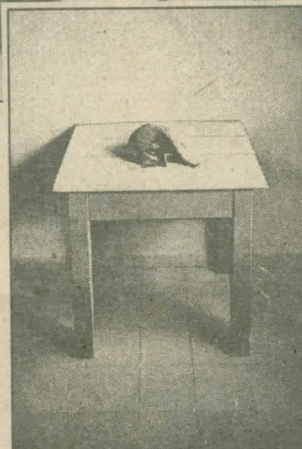

Фото В. Шишова

Выставка умная, местами заумная и требует от зрителя разнообразных знаний (включая английский язык, потому что то ли из ложной скромности, то ли по рассеянности не все тексты переведены, как, например, название полотна А. Бен-Давида «Fuck the state» — что-то вроде «К черту государство»). Неподготовленный человек вряд ли разберется во всех тонкостях израильского искусства, ведь понятия Ветхого завета художники из Иерусалима толкуют по-своему, да еще говорят языком символа и абстракции. Но Десять заповедей — Декалог у нас общий, просто «Не убий» произносится как «Ло тирцах», поэтому есть надежда, что даже не понятая умом израильская выставка будет принята к сердцу.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Дневник И.

P.S.: видео Ведет Андрей Гаврилов ТРИЛЛЕР ПО-АНГЛИЙСКИ

«Американская рулетка»

Англия, реж. М. Хэттон
Можно представить себе, что было бы наоборот вокруг сюжета «Американской рулетки», будь она действительно американской: президент в изгнании, запутанные любовные отношения, ЦРУ, КГБ и британские спецслужбы, взрывы и выстрелы, похищения и пытки... У М. Хэттона же получился неторопливый политический триллер с большим количеством разговоров, с попыткой скорее заглянуть в души действующих лиц, нежели просто описать их поступки. Как это у него получилось — уже другой вопрос. Очень неплох Энди Гарсия в роли президента-поэта. И никто, пожалуй, в мире по-прежнему не умеет с такой любовной иронией изображать своих рыцарей плаща и кинжала, как англичане.

БЕЙ ПЕРВЫМ, ПАРЕНЬ!

«Тюрьма»

США, реж. Дж. Фанак

Мировой кинематограф давно объяснил нам, что в тюрьме лучше уметь драться, чем не уметь драться. Повторить эту истину взялся и Джамма Фанак, известный деятель американского независимого кино, сценарист, продюсер и режиссер «Тюрьмы». Бокс в тюрьме, особенно если главный приз — несколько часов с проституткой, — зрелище малоприятное. Он практически ничем не отличается от драк в тюрьме, которых в картине тоже хватает. Больше в фильме нег практически ничего. Но главная идея хороший и несправедливо обвиненный побеждает плохих и обвиненных справедливо — видимо, показалась режиссеру настолько богатой, что он успел уже выпустить продолжение «Тюрьма 2».

Ольга Юмашева, Дмитрий Суходольский

ЧТО ОКАЗАЛОСЬ ВПЕРЕДИ

О фильме Н. Бурляева «Все впереди»

Всякое произведение, рассчитанное на скандал, в наше время добивается своей цели.

Деревенская проза Василия Белова шестидесятых годов, отличавшаяся несомненными художественными достоинствами, вызывала у критики гораздо меньший интерес, чем «городской» роман «Все впереди». И дело тут было не в метаморфозе беловской поэтики, а в авторской установке на мировоззренческий эпатаж. Советский человек, ранее привыкший добавлять к слову «национализм» обязательный эпитет «буржуазный», был поставлен перед фактом существования русского национал-патриотического сознания. Чуть ли не каждый орган посчитал своим долгом откликнуться тогда на это событие. Скандал разразился крупный.

В кинематографе дела обстояли иначе. Пожалуй, только режиссерская деятельность Н.Бурляева проходила по почвенническому ведомству и сопровождалась небольшим оживлением в периодике. Торжественная декларация, голливудские сцены битвы при Валерике, прямо-таки хармсовский эпизод перемигивания Лермонтова с Гоголем и другие перипетии его первой картины «Лермонтов» будили у критиков смешанные чувства. Равно как и метафизическая суть повествования, которая нашла свое выражение в безыскусной сцене объяснения мальчику Мише, одетому в кумачовую косоворотку, азов российского патриотизма.

Герои следующего бурляевского фильма, поставленного по упомянному выше роману В.Белова, тоже одержимы идеей определить для себя — что есть Россия. Однако из-за фрагментарности композиции фильма для зрителя, незнакомого с первоисточником, сюжет, несмотря на внешнюю простоту, так и остается до конца непонятым. Приблизи-

тельно реконструировать его можно следующим образом.

Жила-была в шумном городе счастливая русская семья. Муж, Дмитрий Медведев, трудился на ученой ниве, жена, Люба, хлопотала по хозяйству, воспитывала дочь. Однажды случилась ей оказия в Париж. На берегах Сены с Любой произошла непонятная история. Она то ли не сумела сохранить супружескую верность, то ли чуть было не совершила эту роковую ошибку. Так или иначе, по приезде домой один из главных героев ленты, нарколог Иванюк, воплощенная совесть всего сущего, сообщает об этом обманутому (?) мужу. Семейный союз рушится. Последующие события ленты повествуют о медленном возвращении чувства, когда-то связывавшего супругов. Обычное происшествие, рядовой случай.

Так-то оно так, да не так все просто. Муж-россиянин уступает свое место сожителю-инородцу, вида и поведения крайне несимпатичного. Некто Бриш, появляющийся в «безрезовом ситце» интродукции к фильму с желтым цветком, символизирующим, вероятно, как национальную принадлежность, так и неверность, уже во французской столице глядит на Любу с нескрываемым вождением. А уж под сенью родных осин творит что ему заблагорассудится. Станным образом обманутая женщина ничего не замечает, доверяясь ему всем своим существом. Не иначе как без нечистой силы не обошлось. Свидетельства ее присутствия наблюдательный зритель улавливает сразу. Автор картины бичует растленность общества потребления, и в номере парижской гостиницы складной образок героини пропадает в лучах бесовской рекламы, что приводит к неожиданным результатам: женщина умеренно-патриархального нрава без особых угрызений совести избавляется от будущего ре-

бенка. Недаром известная пословица гласит: коготок увяз — всей птичке пропасть...

Н.Бурляев намеревался, видимо, создать религиозный фильм. В этом нас призван убедить аллегорический ряд картин, в основу которых положено Откровение Иоанна Богослова: «И увидел я отверстие неба, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный Истинный, который праведно судит и воинствует». И действительно, белые лошади обильно представлены в фильме — как в натуральном виде, так и на бутылочных этикетках.

Идеологическое оснащение фильма сродни аллегорическому. Главный герой после непродолжительного тюремного заключения, очистившись страданием, осознает всю тщету и антигуманность своей прежней жизни, в которой преуспевают такие, как Бриш. Обманутый супруг бросает научную стезю и обретает покой в деревне. Этому предшествует таинственная гибель талантливому славянскому ученому Друзе, наступившая, что характерно, сразу после получения им в подарок от Бриша заграничного значка с изображением желтой соломоновой звезды и гологрудой дивы. Падение же героини продолжается. Образок уступает место безответственной авангардистской мазне на стенах ее московской квартиры. Дьявольская рок-музыка затмевает на время классические мелодии и русские народные мелодии. Нам дается понять, что хорошо быть православным, народным и, желательно, русским. Все космополитическое и городское отдает сомнительным духом.

Нехитрая схема воспроизводится еще и еще раз, что временами оборачивается казусами: чрезмерная серьезность вообще чревата пародийными элементами. Даже не мифический, но мифологический Аркадий, дважды зловеще мелькающий

Рис. В. Иванова

на втором плане, заманивает нарколога-патриота в подпольный вертеп, где Зло предстает перед ним в своей наготе. И если вихляние бедер и сотрясание обнаженной груди, а также молодчики в эсэсовской форме с натяжкой могут восприниматься как сатанинское шоу, то появляющийся в очереди танцующих юноша с накладными рожками и в синтетической шкуре болотного цвета вызывает у зрителя, несмотря на всю трагичность переживаемого героем момента, невольный смех. Однако было бы неверно, как это уже делается некоторыми критиками, улавливать в рассказанной истории

только фундаменталистский оттенок. Русско-иудейское противостояние, по Н.Бурляеву, есть противостояние, прежде всего, религиозности и безбожия, патриотизма и космополитизма, жизни не по лжи и приспособленчества.

Создается впечатление, что основная вина и беда нерусских персонажей фильма состоит в нежелании «пострадать». И наоборот, только когда в результате несчастного случая лучший медведецкий друг оказывается частично парализован, его сожительница вступает на путь добродетели. И вот уже в кадре теплится лампада.

Особенно же режиссер благоволит к монументу Святого Преподобного Сергия Радонежского. Возникая вместе с очередной лошадкой из белой рассветной мглы, он еще не раз и не два оказывается в кадре. А в финальной сцене зритель знакомится и с краткой биографией первого настоятеля Троице-Сергиевой Лавры и... Святой Сергий предстает эдаким кардиналом Ришелье Российского государства, скорее делеявшим мысль о создании великой империи, чем болевшим сердцем за освобождение отчизны от иноземного ига.

Псевдорелигиозность фильма сливается с умеренным национализмом, а коммунизм с национальным фундаментализмом. И катится этот нескладный экипаж, а зрители, как давние гоголевские мужики, чешут в затылке, задаваясь вопросом, доедет ли сие сооружение только лишь до начала четвертой части или же одолеет все семь.

Как и всякому новатору, Н.Бурляеву приходится непросто — до всего нужно доходить своим умом, переосмысливать достижения предшественников. Впрочем, некоторые художники, творчески переосмысливая чужие достижения, создавали вполне хорошие картины. У Н.Бурляева же разрозненные части так и не составляют целого. Лента скорее напоминает не художественное произведение, а идеологический маяк. Через определенные промежутки времени в зрительный зал адресуется очередная порция авторской исступленности, напоминающей даже не мировоззренческие клише патриотических групп, а кликушеские гимны на радениях пятидесятников. При этом собственно кинематограф трансформируется в «филокартограф», то есть переведенную на пленку череду почтовых открыток. Предмет не только задается, но и исчерпывающе объясняется. Скажем: Спасская башня Московского Кремля, архитектор такой-то, построена тогда-то. Так и у Н.Бурляева. Памятник Сергию Радонежскому, жившему тогда-то, сделавшему то-то. Бескрайняя Россия, наша Родина, которую надо любить и беречь.

...Вызывает сочувствие то обстоятельство, что отсутствие вкуса придает фильму Н.Бурляева, выступающего против коммерческого кинематографа, черты средней кассовой картины, сделанной на кооперативной студии.

Владимир ВОЙНОВИЧ

ТРЕТЬЯ СКАЗКА О ПАРОХОДЕ

(из цикла «Сказки дедушки Володи»)

Здравствуйте, детки, давно мы с вами не виделись, давно не слышались. Давно я вам сказки не сказывал, давно вы им не внимали, давно на ус не мотали. Пришла пора рассказать вам нашу третью сказку о пароходе.

Помните, оставили мы наш пароход посередь океана и с той поры не знаем, не ведаем, чего там с ним случилось, что приключилось, то ли он уже благополучно потоп, то ли еще на плаву терпит бедствие.

Выяснилось, что да, не потоп, но терпит. А почему он, терпя столь долгое бедствие, до сих пор не потопил или почему, не потопнув, терпит столь долгое бедствие, понять было бы невозможно, если не знать того, что пароход-то наш не простой, а заколдованный. А заколдовал его еще в незапамятные времена злой волшебник Карла Марла. Росточку, как и положено карле, он был невеликого, зато вот с такою преогромнейшей бородащей. А помогал ему в его колдовстве Фриц по прозвищу Ангелочек, ученый по части черной магии человек и большой проходимец до женского полу.

Ну, понятно, в начале пути и команда парохода, и пассажиры относились к Карле Марле, да и к тому же Фрицу с большим незаслуженным уважением и даже организовали между собою такое движение карлистов-марлистов. Но, по прошествии времени и миль за кормой, кое в чем как-то вроде засомневались. Карла Марла в своем капитальном труде предсказывал, что по преодолении ближайшего горизонта впереди непременно замаячит страна Лимония, но пароход вот уже восьмой десяток лет океан туды-сюды бороздит, и не то что Лимония, а и вообще ничего сухого впереди не видать. Постепенно пароходский народ приуныл, впал в депрессию, зазвучали на палубе песни грустные-грустные. Вроде такой:

*Злой волшебник Карла Марла бородатый,
Нам за что наколдовал такую муть?
И куда же ты завлек нас, и куда ты
Нас в конце концов собираешься привезть?
Чем тебе мы, злой колдун, не угодили,
Не исполнили каких твоих затей?
Разве мало мы друг друга колотили?
Разве мало переломано костей?
Разве мало мы страдали? Разве мало
Потеряли наших братьев за бортом?
Пожалей нас, утопи нас, Карла Марла.
И, пожалуйста, сейчас, а не потом.*

Пели на пароходе эту песню и поодиночке, и хором, и никто ничего. Даже помкорбез, то есть помощник капитана по корабельной безопасности, не обращает внимания. Раньше бы он за такую песню не то что сочинителей и не только исполнителей, а и тех, кто слышал, закатал бы в трюм до скончания дней. А теперь ничего.

Ходит по палубе, улыбается. Ну иногда, правда, по кобуре слегка рукой проведет, но того, что лежит в кобуре, не вынает. Ничего не поделаешь, вышло народу высочайшее капитанское разрешение петь любые песни и болтать языками все, что взбредет на ум.

Народ при этом оживился и, как водится, обнаглед. У народа вообще есть известное свойство: как только ему волю дают, он наглеет. Нет чтобы воспользоваться возможностью и свободным излиянием души, выразить капитану свою любовь и сказать что-нибудь хорошее о команде, о пароходе, о пройденном пути.

Куда там!

А ведь раньше как было хорошо. Пароход шел вперед. Капитан смотрел вдаль, рулевой крутил штурвал, кочегары кидали уголь, а пассажиры сочиняли и пели песенки, вроде вот этой, помните?

*Мы все плывем, но все не там,
Где надо по расчетам.
Был умным первый капитан,
Второй был идиотом.
А третий был волонтирист,
Четвертый был мемуарист.
Кем были пятый и шестой,
Чего они хотели,
О том ни тот и ни другой
Поведасть не успели...*

Успели, не успели, а у народа пароходского обо всех капитанах, кроме первого и последнего, сложилось мнение очень такое, как бы это сказать, не очень хорошее. Очень, очень не очень.

Про первого же капитана на пароходе все так примерно до позавчерашнего дня думали, что этот-то уж точно гений чистой воды, может быть, даже не хуже, чем Карла Марла. Так про него думали и когда живой был, и когда стал вечно живым, то есть фактически мертвым.

К слову напомню, что первого капитана люди звали промеж собою просто Лукич. Лукич был такой замечательный человек, столь простой и столь человечный, так его все любили, что и после смерти расстаться с ним никак не могли. Сладили ему стеклянный гроб, куда и положили, как спящую красавицу. Чтoб можно было им всегда, всем и досыта любоваться. И после того Бог знает сколько лет возили его по океану, держа как бы за молчаливого и бесплатного советчика во всех трудных делах.

Как налетит, допустим, тайфун, или рифы по курсу появятся, или акулы к борту приблизятся, так капитан, прежде чем скомандовать лево руля или право на борт, идет советоваться к Лукичу. Другие люди тоже. Какие у кого проблемы, прыщ на носу вскочил, жена к другому в каюту ушла, сомнения в правильности нашего пути по пути возникают, в космос ли надеется человек под-

няться или в пучину вод погрузиться, в таком случае перво-наперво куда? К Лукичу. За советом.

И так много было желающих советоваться, что очередь ко гробу иногда обвивалась вокруг корабельной рубки, а хвост ее кончался где-то возле кормы, отчасти даже засунувшись в трюм.

Однако, в результате наступившей свободы, удаднических песен и пустого болтания языками, иные пассажиры, засомневавшись, стали склоняться к тому, что Лукич, может, и гений, но не чистой воды, а мутной, и не воды, а суши, или вообще не гений или гений, как говорится, в обратном смысле. Потому что хотя сам был как будто умный, но глупостей наворотил столько, что и дураку не отворотить. И этот вот самый пароход захватил, как след не подумавши. Причем пассажиров отправил в океан, а сам в стеклянной своей ладье отплыл совсем в ином направлении.

А народ на этом пароходе дырявом доньяне плывет, да все не туда, к светлым горизонтам, которые все еще темнеют вдаль.

И еще интересно то, что до недавнего времени все на пароходе было чересчур хорошо. А теперь все стало исключительно плохо. И сам пароход — плохой. И капитаны один другого ужаснее, окромя первого да последнего. Да и в первом, как сказано выше, появились сомнения, а последний тоже, как бы это сказать... да... ну нет, все-таки не скажу.

Я-то не скажу, а другие чего ни попадя говорят. Иные уже не только позволяют себе сомнения в пройденном пути и в Карле Марле и в отдельных капитанах, но и далее того обобщают. Вообще, говорят, пароходская жизнь наша несправедливо устроена. Одни, мол, нежата в роскошных отдельных каютах, другие теснятся в совместных кубриках. Одним райские яства через спецоконшко из камбуза подают, других одной только ржавой селедкой питают, и та в последнее время исключительно по талонам. Да и по талонам ее тоже исключительно не бывает. А иногда даже исключительно не бывает талонов.

Пассажиры таким состоянием дела давно уже недовольны. Раньше недовольство свое они выражали тем, что славил капитана. Так и кричали: «Слава нашему великому капитану!» Сами при этом думая: «Чтоб ты сдох!» Провозглашали: «Да здравствует наш величайший и мудрейший капитан, мореход и предводитель, лучший друг всех идущих по морскому пути!» А сами мысленно говорили: «Чтоб ты пропал, собака!»

Теперь пассажиры стали выражать свое недовольство иначе. На общую палубу выходят с лозунгами всякими, плакатами и транспарантами. И там все такие слова: долой, в отставку, на свалку и на мыло.

Ну, капитан попервах особо не волновался, всегда зная, что у народа такая привычка: говорит он одно, а подразумевает все же другое. Поэтому неприятные эти призывы капитан понимал в обратном приятном для себя направлении.

Все же раньше начальство подобных безобразий не допускало, полагая, что если кто провозгласит что-то такое, так из этого что-то другое непременно воспоследует. А теперь все ясно, что кричи чего хочешь, от этого ни вреда, ни пользы никому нету. Ну, выйдет народ, ну, покричит, ну, помашет кулаками да тряпками, но, накричавшись и намахавшись, тут же по кубрикам разбредается, утомленный.

Тем более, что и сам капитан, и остальное начальство, чего уж там говорить, другое стало. Что ни началь-

ник, то демократ и завсегда с народом. И до обеда с народом и после обеда с народом. Ну, обедает, правду сказать, поврозь. Но зато теперь не только с Лукичом, но и с народом начальство советуется: согласны? — спрашивают. Народ соглашается: согласны. Или не согласны? Народ соглашается: не согласны.

Так вот в полном согласии двигались дальше в темные дали к светлым горизонтам, покуда на горизонте не зачернела земля.

Первым ее заметил сзадивпередсмотрящий. Залез на мачту, направил подзорную трубу на горизонт и чуть от радости обратно на палубу не свалился. «Земля! — кричит. — Земля!»

Пассажиры сперва не поверили. Они уже сколько лет плывут, никакой земли отродясь не видали, окромя миражей, галлюцинаций, алкогольного бреда, а также отдельных рифов. И тут говорят сзадивпередсмотрящему: врешь, говорят, не верим...

А тот не в шутку волнуется, дураки, говорит, да что же вы за фомы неверные, говорят же вам, остолопам, вон же ж она, земля.

Ну, наиболее зоркие ладошки козырьками к переносью приладили, пристально так прищурились, пригляделись: и правда, вдаль чего-то такое вроде как бы маячит. Еще чуть-чуть пару поддали, приблизились — видят: ну, да, земля. Ну, прямо точь-в-точь такая, о какой бабушки-дедушки когда-то рассказывали.

Все от мала до велика на палубу повывысали, да все к одному борту прилипли, так что пароход накрепился, бортом воду черпает.

Выскочил на палубу старший помощник, вы что, говорит, совсем, говорит, что ли, почокались, на один борт навалились, так, говорит, нашу посудину не трудно и перевернуть, потопнете под конец пути, самим же обидно будет. Рассыпьте, говорит, по палубе равномерно.

Тут и капитан на палубе появился, сунул брови в бинокль:

— Стоп! — говорит. — Все машины немедленно стоп. Народ кричит, чего там стоп, на кой стоп, давай, двигай дальше.

Появились, откуда ни возьмись радикалы всякие, экстремисты из трюмов на свет повылазили и свои пароходские диссиденты. Полный, кричат, вперед. Супротив них выдвинулись стойкие карлисты-марлисты и патриоты, осади, говорят, назад. Центристы говорят: не надо ссориться, давайте сойдемся на компромиссе, будем стоять на месте.

Радикалы гнут свое, если дальше, мол, не пойдем, мы здесь все непременно потопнем. А карлисты-марлисты говорят: лучше потопнем, но с принципами нашими не расстанемся и пройденному пути не изменим. Патриоты молвят, что лучше на своем родимом корабле помирать, чем на чужом берегу, пусть он даже хоть весь будет лимонами усажен. Тем более, говорят карлисты-марлисты, что при высадке можно разбиться запросто о прибрежные скалы. Центристы им подпевают, говоря, что высаживаться на сушу не стоит, потому что там неизвестно чего. Может, там джунгли непролазные, может, тигры, удавы, крокодилы, динозавры, а то даже и людоеды. Ничего, кричат радикалы, ни удавов, ни динозавров не боимся, а людоеды если и есть, они нас купать не будут, поскольку в нас только кожа да кости — обезжиренный суповой набор. А если людоеды захотят начальством питаться, карлистами и марлистами, то мы лично не возражаем: приятного аппетита.

Тем временем у начальства свои заботы. Оно перепошло, и вот в капитанской каюте при закрытых дверях началось срочное заседание корабельного совета. Собрались, кроме капитана, первый помощник, старший помощник, штурман, лоцман, боцман, помкорбез и главный бомбардир, который только назывался бомбардиром, а на самом деле больше всего любил заниматься с личным составом строевой подготовкой. При закрытых дверях обсуждали один вопрос: причаливать к берегу или же нет. Думали, думали, ничего не придумали, решили послать капитана к Лукичу за советом.

Сказано — сделано. Явился капитан к Лукичу. Присел на краешек гроба и говорит примерно вот что. Так, мол, и так, дорогой Лукич, дела у нас сложились сложные.

Он говорит, а Лукич молчит, он и раньше молчал и советы давал молчаливые.

— Так что вот, — говорит капитан, — согласно капитальному учению Карлы Марлы и твоим, Лукич, незабвенным заветам, шли мы много лет правильным путем в неправильном направлении и вот в конце концов дошли до Лимонии.

Говоря это, капитан заметил, что Лукич во гробе зашевелился и даже приоткрыл один глаз.

Капитан заволновался, вскочил на ноги и вопрос свой закончил стоя.

— Вопрос у нас такой, — сказал он. — До Лимонии мы дошли, а теперь не знаем как быть. Приставать к берегу или нет? И тут произошло полное чудо, как и полагается в сказке. Крышка гроба отлетела и со звоном упала на палубу. Но все же не разбилась, потому что была не из простого стекла и не из золотого, а из бронированного.

Лукич выскочил из гроба и сразу же стал топтать восковыми своими ногами и кричать на капитана, слегка при этом картавя:

— Ах ты, какой дурак! Что значит приставать или не приставать? Это же архиглупость. Я бы каждого, кто произносит такие слова, ставил немедленно к стенке.

— Дорогой Лукич, за что же? — перепугался капитан. — Я всю жизнь выполнял все твои заветы. Я вел пароход указанным тобою путем и довел его до Лимонии.

— Архичушь! — опять закричал Лукич. — Что значит ты довел? А дальше что будешь делать? Выпустишь всех на берег, они там разбегутся и начнут жить сами по себе, без твоего руководства. А что ты будешь есть? Сознательный крестьянин не даст тебе ни одного лимона, а сам ты его вырастить не сумеешь и помрешь с голоду. И все движение карлистов-марлистов вымрет. Разве можем мы это допустить? Нет, не можем! Ты довел пароход до Лимонии. Если бы ты внимательно читал мои заветы, ты бы знал, что я, уходя от вас, завещал вам не довести, а вести, не идти, а идти, не доплыть до конца, а плыть без конца. Иначе говоря, лавировать, лавировать и еще раз лавировать. Тех, кто таких простых вещей не понимает, надо решительно ставить к стенке. К стенке, к стенке, к стенке!

С этими словами Лукич вернулся в гроб, лег на спину и сложил на груди слепленные из воска руки.

Капитан положил крышку на место, подозвал к себе боцмана и велел свистать всех наверх.

А их и свистать нечего, все давно здесь.

— Дорогие члены команды, уважаемые пассажиры и пассажирки, — обратился к ним капитан, — от имени

движения карлистов-марлистов и по поручению нашего корсчета докладываю вам, что основной этап нашего путешествия закончен.

Капитан переждал первые аплодисменты и продолжил.

— Долго был наш путь к намеченной цели, были и пути и подводные рифы, и боковые течения, и штормы, и бури, порой даже и тайфуны, готовые поглотить наш корабль вместе с нами. Наше движение усложнялось наличием в наших рядах маловеров, которые мало верили, нытиков, которые ныли, и хлопиков, которые хлопали. Конечно, в пути случалось делать ошибки. Некоторые капитаны не оправдали возложенного на них доверия и заслужили впоследствии плохую славу. Но зато первый наш капитан Лукич, что бы про него сейчас ни говорили, был гений всех морей и океанов. Руководствуясь единственно правильным учением Карлы Марлы, Лукич указал нам путь вперед, мы по нему пошли навстречу неизвестному берегу, и вот он, этот берег, перед вами.

При этих словах капитан точь-в-точь, как это делал Лукич, выкинул руку вперед и простер ее в направлении того, о чем говорил.

— Ура-а! — закричали люди и кинулись к своим пожиткам, готовясь сойти с ними на сушу.

— Минуточку! — охладил их капитан. — Не все так просто. Земля рядом, но мы по ней еще никогда не ходили. И нам надо подумать, как на нее ступить, левой ногой или правой. Всем сразу или по очереди. Если по очереди, то в какой очередности. Сначала женщины с детьми или ветераны движения. Или же активисты. Это же все надо обсудить. Выработать, я бы сказал, основную стратегию причализации. Процесс этот исключительно сложный, и не верьте тому, кто говорит вам, что это не так. Тут некоторые нам подсовывают, а чего, мол, там сложного, давайте, мол, поближе к берегу подойдем, друг за дружкой попрыгаем на него, и все дела. Как будто мы, понимаете, какие-то, как бы это сказать, козлы. Или, допустим, кенгуру, знаете, есть животные такие в Австралии, которые прыгают. Но мы же не кенгуру, а мыслящие, можно сказать, хомо сапиенсы, мы, прежде чем прыгать, должны использовать свой интеллектуальный, так сказать, потенциал и взвесить все за и против.

Я думаю, товарищи, с этим вопросом все ясно, и мы на всякие уловки, которые нам расставляют, не отзовемся. А кто нам чего подносит, тому мы все это таким же порядком назад отнесем. Будем поступать, как нам подсказывает наша теория. А теория говорит, что надо сначала теоретически все рассчитать, а потом уже практически внедрить в практику. Я имею в виду, опять же, причализацию. Полную и необратимую причализацию нашего парохода к берегу, который всем уже виден. Даже тем, кто из себя незрячих как бы изображает, так и перед ними реальность уже наглядно, мне кажется, себя являет. Так что не будем торопиться, а для начала пошлем на сушу ответственную делегацию. Пусть она разузнает, ну что там за берег, какая почва, какого рода произрастают растения: деревья, кусты, трава или злаки. А также какие там обитают люди или животные. Все согласны с данным предложением?

— Согласны! — кричат пассажиры.

— Или не согласны?

— Не согласны! — кричат.

Людьми некоторым очень не терпится на сушу, а другим все же боязно. Потому как приспособились они

уже на пароходе, обжились. Оно хоть и тесно, и мокро, и голодно, и холодно, и качка бывает невыносимая, но все же как-то привычно. А тут взять и ни с того ни сего — на берег. Потому в большинстве своем с капитаном согласились, надо в самом деле послать делегацию.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Послать делегацию надо, да не на чем, шлюпки давно какие покрала, какие спалили. Ну, нашли запас надувных аварийных плотов. Надули первый плот, посадили на него делегацию, отправили, ждут возвращения. День ждут, два ждут, неделю, месяц, делегация не возвращается. Видать, составили ее из нестойких элементов, которые там, куда их послали, остались.

А пароход тем временем все топнет и топнет. Дырки на нем от приближения к берегу меньше не стали. И лопать уже тоже в общем-то нечего. Собрали вторую делегацию, понадежнее, из одних сплошь убежденных карликов-марликов. Но и эти уехали и пропали. Потом уже много времени спустя выяснилось, что обе делегации в полном составе там, куда уплыли, попросили укрытия. И потом кто-то слышал, уплывшие выступали по враждебному радио и пароход свой, на котором родились и выросли, поливали самыми последними, как говорится, словами, а себя при этом называли убежденными антикарликами и антимарликами. Такие вот перевертыши.

Третью делегацию подобрали из убежденных патриотов. И, как оказалось, правильно сделали. Эти там заболели ностальгией и остались на чужом берегу впредь до полного излечения. А один все же вернулся. На него потом все показывали пальцами: вот, мол, какой молодец, в смысле дурак. Вернулся дурак с подарками. С апельсинами, мандаринами, грейпфрутами, стеклянными бусами и карманными калькуляторами.

Вернулся и сразу в корсует — докладывать.

Так и так, говорит, земля, которая нам открылась, представляет собою некий архипелаг, состоящий из отдельных островов, и остров тот, который лежит к нам ближе всего, называется...

— Лимония, — подсказал капитан.

— Нет, не Лимония, — отвечает дурак, — а Чертополохия и заросла сплошь этим самым чертополохом.

— У-у! — сказали члены корсовета.

— А за этим островом есть еще три острова, и они называются...

— Бурьяния, — пошутил помкорбез.

— Вообще нет. Три других острова называются Апельсиния, Мандариния и Грейпфрутландия. Там живут наши враги, очень дружелюбно к нам настроенные.

— Это они такие, потому что они нас не знают, — заметил помкорбез.

— Правильно, — сказал дурак, — я тоже так подумал. Интересно, что жители этих островов даже не слышали про Карлу Марлу, но достигли очень высокого уровня развития, поэтому, я думаю, их можно называть стихийные карлисты-марлисты. На островах, помимо произрастания одноименных фруктов, текут еще молочные реки с кисельными берегами, причем кисель тоже в зависимости от названия острова или апельсиновый, или мандариновый, или грейпфрутовый.

— А почему же ты там все-таки не остался? — спросил вернувшегося перпом.

— Родная палуба тянет, — вздохнул дурак. — Как засну, так все снится, снится, снится. А кроме того, там, извиняюсь, разврату много.

— А в чем именно проявляется? — заинтересовался штурман.

— А в том именно проявляется, что есть у них там такие... как бы сказать... пип-шоу. Монету бросишь, потом в специальную замочную дырку подглядываешь, а там такое... Тьфу! Даже и вспоминать противно.

— Нет, ты уж давай рассказывай, — попросил штурман.

— Рассказывай, рассказывай, — сказал перпом, — нам же это из научного интереса знать надобно.

— А чего там знать? Глаз к дырке приложишь, а там апельсинцы с мандаринками или мандаринцы с грейпфрутландцами, или же наоборот, черт-те чем занимаются.

— Давай поподробнее, — попросил старпом.

— Да какой там поподробнее. Они же это хитро все устроили. Там пока приладишься, пока разглядишь, что к чему, а дырка уже закрылась. Автоматически. Опять монету бросай. Я сто пятьдесят монет перебросал, смотрю — в кармане пусто. Нет, думаю, не надо мне ваших апельсинов, не надо мандаринов, киселя вашего грейпфрутового не надо, вернусь на родной пароход. Пусть холодно, пусть голодно, а все же среди своих и никаких денег у тебя на всякую дрянь не выманивают.

— Ну, ничего, — сказал главный бомбардир, — вот мы у них высадимся, мы им с этими пипами порядок наведем. Ежли уж показывают, то бесплатно. У нас все образование бесплатное, и это тоже должно быть без денег.

— Высаживаться у них не советую, — предупредил дурак, — они люди мирные, но натренировались в борьбе с пиратами. И если на них нападают, оказывают очень серьезное сопротивление. И пушки у них с нашими пародокскими не сравнить.

— Ну а чего же нам делать? — спросил капитан.

— Они предлагают нам высадиться в Чертополохии и там работать. А они помогут. Они говорят, что, когда их предки на их острова прибыли, там тоже был сплошной чертополох, они его весь повывергали, землю перепашали, посеяли зерно, вырастили урожай, построили дома, наткали тканей, нашли одежды и так постепенно работали все лучше и лучше, пока у них не потекли молочные реки с кисельными берегами.

— И сколько ж у них на это времени ушло? — спросил капитан.

— Они говорят, немного. Лет четыреста, не больше того.

— Ой, — вздохнул старпом, — все-таки долговато.

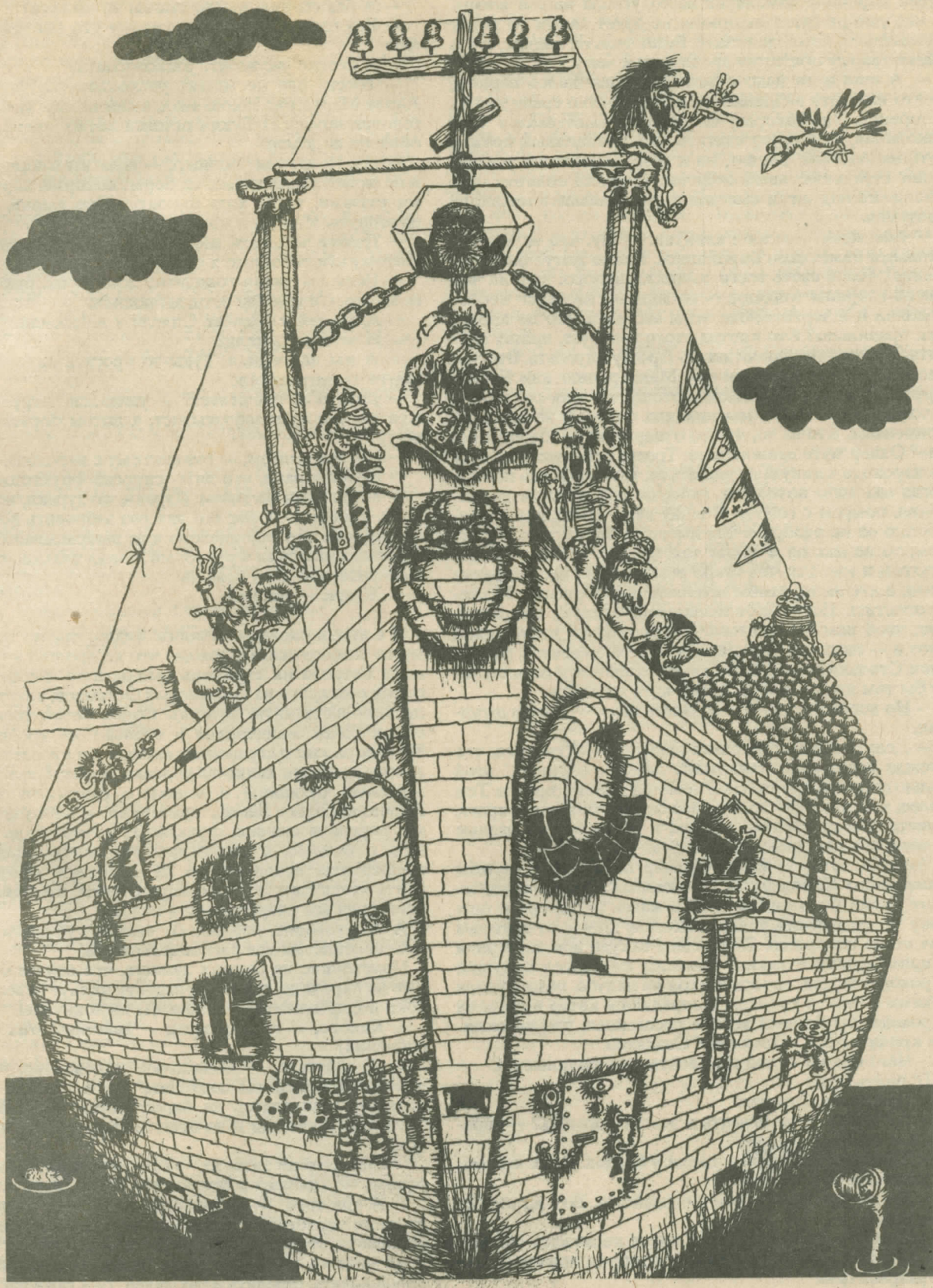
— Но они говорят, что ежели мы сразу все засучим рукава и сейчас же примемся за работу, то, может, даже лет за триста управимся.

— Ну это уже вражеская уловка, — заметил перпом. — Голову дурят. Мы им поверим, засучим рукава, начнем корячиться с чертополохом, а политико-массовая работа, а изучение трудов Карлы Марлы, это, значит, все по боку?

— И никакой бдительности, — подхватил помкорбез. — Все занимаются чертополохом, а друг другом не занимаются.

— А кроме того, — подал голос главный бомбардир, — с точки зрения строевой подготовки, я думаю, что ею удобнее заниматься на палубе, а не в зарослях чертополоха.

— Вы говорите о мелочах, — заметил капитан, — не трогая при этом главного. А главное состоит в том, что если мы высадимся на берег и поселимся там, то это

Рисовал А. Заяц

будет коренное изменение всего уклада нашей жизни. У нас уже не будет штормов, не будет качки, не будет пассажиров, команде нечего будет делать, значит, и капитан такому обществу вроде и ни к чему.

— А еще и то надо отметить, — вмешался перпом, — что на борту наблюдается недовольство среди наших ветеранов. Они говорят, что если мы высадимся в Чертополохии, то следует считать весь пройденный прежде путь напрасным. Значит, ни к чему были наши усилия, наши страдания, наши жертвы. Старики говорят, что молодежь над ними смеется и не проявляет никакого почтения.

— Все ясно, — сказал капитан. — Ну, что ж, мы тут первыми наметками обменялись. Какие могут быть решения? Ну, в свете всего вышесказанного, это, на что нас со стороны толкают — высадиться на берег Чертополохии и в чертополохе этом застрять, это не проходит, правильно? Кто против этого голосует, прошу поднять. Не принято единогласно. Прошу опустить. Второе: напасть на эти Апельсинию, Мандаринию или Грейпфрутландию мы не можем, потому что они сильнее, а к тому, кто сильнее, мы никаких силовых методов не применяем. Кто за то, чтобы отвергнуть силовое решение? Отвергнуто единогласно. Третье решение, остаться на пароходе и никуда не двигаться, тоже принять нельзя, тогда мы либо потопнем, либо, не дождавшись потопления, помрем с голоду. Я вижу вашу насмешку и полностью ее не одобряю. Вы имеете в виду, что с голоду помрем не мы, но я скажу так, значит, сначала не мы, а потом и мы. Так что такое решение для нас неприемлемо, и кто за то, чтобы признать его таковым... Можете опустить. Есть еще, с позволения сказать, предложение, чтоб нам разделиться. Пусть каждый надует свой плот и — спасайся кто как может. Это, думается, гнилая идея. Столько лет мы плыли вместе, значит, и дальше, чего бы там ни случилось, будем идти до конца.

— Но все-таки, что-то же делать надо, — сказал штурман.

— Делать надо, согласился капитан. — Думается, что прежде всего надо накормить личный состав. С этой целью попросим дружеской помощи у наших врагов. Тем более, что они еще сами не знают, что они наши враги. Свистать всех обратно наверх, и пусть все на разные голоса, кто как умеет, чего-нибудь просят.

Через некоторое время офицер патрульной службы Сказочного Королевства Оранжевых Островов лейтенант Грейп Фруктовый, приближаясь на катере к острову Чертополохия, услышал жуткие крики, от которых ему стало нехорошо. Определив, откуда исходят крики и приложивши к глазам бинокль, он увидел тонущий пароход и людей, которые, стоя на палубе, размахивали руками и что-то кричали. Направивши катер в сторону парохода, Фруктовый вскоре расслышал, что пассажиры кричат: «СОС! Помогите! Спасите!»

— Чего орете? — спросил лейтенант, подплывши.

Те опять орут:

— Помогите! Спасите!

— А от чего ж вас спасать и чем вам помочь? — спрашивает офицер.

— Тонем, — говорят, — дыры в бортах. Вода хлещет, затыкать нечем.

— Так дойдите до берега и спасайтесь. Вот же он, берег, рядом.

— Нет, что вы, мы на берег никак не можем. Потому что для схода на берег у нас еще теория причализации не разработана.

— А без теории просто так вы не можете?

— Без теории не можем, потому что мы заколдованные.

— А кто же вас может расколдовать?

— Никто нас не может расколдовать. Потому что Карла Марла нас заколдовал, а сам помер. И Фриц Ангелочек помер. И Лукич остался вечно живой, то есть обратно ж помер.

— Ну, — говорит офицер, — если вы заколдованные и не можете высадиться на берег, который перед вашими глазами, тогда хотя бы затыкайте дырки, чтоб не потопнуть. Или вы и этого не можете?

— Дырки затыкать мы можем, но сейчас не можем. Потому как голодные и силов не имеем.

— Если вы такие голодные, ловили бы рыбу. Здесь ее много. Сплели бы сети, забросили.

— А мы так и сделали. Сплели и забросили.

— И чего вытащили?

— А мы не тащили. Туды-то бросать полегче. А назад-то тащить тяжело.

— Да кто ж так делает? — удивился патрульный. — Кто же это сети забрасывает; а потом обратно не тащит?

— Мы так делаем, — говорят ему с парохода.

— Да вы дураки, что ли? — спросил Фруктовый.

— А мы сами не знаем. Дураки, не дураки, но ученье у нас дурацкое. А вот его как раз забросить не можем, потому как оно заколдовано и не выбрасывается.

Ничего не понял Фруктовый, понял только, что люди голодные, что надо помочь.

— Ждите, — молвил.

И с этими словами отчалил. Видно, там он где-то кому-то чего-то сказал, потому что не прошло и года, как из-за острова на стрежень выплывают три баржи, по одной с каждого из Оранжевых Островов, везут с собой продовольственную помощь. Сорок бочек апельсинов, сорок бочек мандаринов и столько же грейпфрутов. Не говоря уже о сгущенном молоке и о киселе в банках. А еще привезли какие-то веревки, лопаты, грабли, брезентовые рукавицы и мешки с какими-то зернами. Подошли баржи ближе, притерлись к пароходу бортами, передали сначала фрукты. А потом стали передавать остальное, а пассажиры апельсины, мандарины, грейпфруты похватали, а на остальное смотрят, но брать не спешат. Это еще, спрашивают, что такое и для чего, если все равно это есть нельзя.

А это, говорят, подарок от нашего губернатора. Это приспособления для расколдовывания.

Прибывшие на баржах думают, что сейчас те, которые на пароходе, сейчас от радости начнут чересчур высоко подпрыгивать, а те хоть бы шелохнулись.

— Каково, — спрашивают, — действие этих приспособлений?

— А действие, — объясняют прибывшие, — очень простое. Сначала вы подходите к суше, потом на этих веревках спускаетесь на берег, потом надеваете брезентовые рукавицы и начинаете выдергивать чертополох.

— Еще чего не хватало, — говорят те, которые на пароходе. — Для чего ж это мы его будем дергать?

— А для того, — им объясняют, — что, когда поведергаете чертополох, тогда возьмете лопаты, землю перекопаете, граблями подровняете, а потом вот эти семена посеете и потом, ежели будете ростки поливать, пропалывать, опылять и так далее, то и сами расколду-

тес, и землю расколдуете, и вырастите на ней очень хорошие лимоны.

Ну, пароходские люди думают, одного, однако ж, понять не могут: зачем же им расколдовываться и столько сил ухайдакивать на выращивание лимонов, когда им почти что такие же плоды островитяне возят за просто так? Перпом между ними ходит, кушайте, говорит, кушайте, граждане, на здоровье, но на уловки на вражеские не попадайтесь. Это вас местные колдуны заманивают, чтобы заставить заняться прополкой чертополоха.

Ну, пассажиры перпому отвечают: ты, мол, за нас не бойсь, мы, мол, не из тех, кому можно за просто так всучить грабли или лопату. И тем временем дареные фрукты за обе щеки уплетают.

А уплетши, тут же глотки опять разодрали:

— СОС! — кричат. — СОС! Помогите! Спасите!

А иные даже и по-иностранному научились:

— Хелл! — кричат. — Хильфе! Рягуйтэ!

Приблизился катер:

— В чем дело? — спрашивает подплывший на катере лейтенант Фруктовый.

— Как в чем дело? Разве не видишь, обратно все топнем.

— А чего же дырки не затыкаете? Вы же пообедали.

— В том то и дело, что пообедали, а после обеда мы отдыхаем.

— А работать вы после обеда никак не можете?

— Нет, — говорят. — Мы так заколдованы, что после обеда должны отдыхать. Нам лучше потоп, чем после обеда работать.

— А-а, — сказал офицер и снова отчалил.

Только отчалил, опять орут:

— Помогите! Спасите!

Офицер вернулся.

— Ну, что еще?

— Ну как же ж, мы ж вашему благородию сколько раз сказали уже человеческим языком: топнем же, потому и кричим.

И снова кричат:

— Спасите!

— Да как же вас спасать, — говорит офицер, — если вы сами себя не спасаете?

— Если бы мы сами себя спасали, зачем мы бы стали орать? Да к тому же у нас дырки большие, а затыкательного материала нет. Так что и после отдыха затыкаться нам будет нечем. Раньше, бывало, наша молодежь дырки собой затыкала, а теперь то ли дырки велики, то ли молодежь отошала, она в эти дырки проскакивает.

Опять вышли в путь баржи, везут затыкательный материал, но не из молодежи, а из пеньки. Слышат, а на пароходе опять же крик:

— Помогите! Спасите! СОС!

С первой баржи им в рупор кричат:

— Ну чего же вы там орете? Мы же вот везем вам затыкательный материал.

— Какой там затыкательный материал? — кричат. — Есть обратно хотим.

— Эй, вы! — кричат с баржи. — Да что ж вы за такие обжоры? Да мы ж вам только что сорок бочек апельсинов, сорок бочек мандаринов, сорок бочек грейпфрутов привезли. Куда ж вы все подевали?

— Как куда? Часть начальство себе взяло, часть на камбузе растащили, а остальное сгноили.

— Неужели уже сгноили? И так быстро. Ведь срок хранения еще не истек.

— А у нас истек. Мы ж заколдованные. Мы как до чего дотронемся, так оно все немедленно или сгнивает, или в воду падает, или в воздухе растворяется.

— Ну что с вами делать? — говорят те, которые с баржи. — Тогда ждите, скоро опять прибудем.

Так и ходят эти баржи от своих островов к нашему сказочному пароходу и обратно. И возят ему то фрукты, то затыкательный материал, то лопаты, то грабли, то вилы, то молотки, то сети, то удочки, то крючки, то еще чего, но все без толку. Поскольку у нас пароход сказочный, а пассажиры заколдованы злым волшебником Карлой Марлой и работать не умеют. Зато очень хорошо поют. Когда они видят вновь подходящую баржу с подарками, выходят на палубу с гармошками, с балайками, играют и поют песни. Чудные какие-то песни, странные.

— А что это вы поете? — спрашивают их те, что на барже.

— А это у нас называется песня дружбы, — откликаются с парохода.

И поют вот как:

*Мы долго по морю плутали
Вдали от родимой земли.
Искали мы светлые дали,
Но темные только нашли.
А также искали, конечно,
И вшей и шпионов в себе,
И делали это успешно,
Что видно по нашей судьбе.
Еще мы стремились насилья
Разрушить весь мир, а затем...
Мы много чего поносили,
Теперь и не помним зачем.
И вас собирались тоже
Совсем уничтожить, но вы,
Заморские подлые рожи,
Уж больно живучи, увы.
Однако же славных утопий
В нас дух до сих пор не зачах.
И мы вас однажды утопим,
Как только силенок накопим,
Отъевшись на ваших харчах.
Пока ж мы остались внакладе
И очень уж хочется есть.
Подайте же нам, Христа ради,
Чего-нибудь, что у вас есть.*

ПРОСТРАНСТВО КОММУНАЛОК ИЛЬИ КАБАКОВА

Некоторые произведения современного искусства — особенно того, что недавно освободилось от клички «неофициальное», — напоминают не привычные предметы для эстетических восторгов, а странные трофеи археологов. Конечно, если представить, что археологи могут вести раскопки не только в толще земли, скрывающей прошлое, но и в сумбурном потоке повседневности. Эти творения в большей мере рассчитывают на интеллектуальное усилие зрителя, чем на непосредственность его восприятия. В них больше ироничной игры со стереотипами сознания, чем претензий на истину. Они выбирают для себя дальние окраины художественного пространства или располагаются на самой границе между искусством и жизнью. Такое пересечение, казалось бы, взаимоисключающих начал — логики эстетического и мелочных фрагментов повседневного бытия — стало основой для большой серии работ Ильи КАБАКОВА.

Фото В. Косарина

Творчество Кабакова принято связывать со школой московского концептуализма. Направление это обычно отпугивает широкую публику своей сухостью и интеллектуальным пафосом. Правда, на московской почве концептуализм приобрел черты, неожиданные для его «классических» версий, оказался пропитан специфической атмосферой нашего быта, насыщен предметами обихода или словами, которыми перекидываются на улице, в очередях, в троллейбусе или на коммунальной кухне. Предопределено это было особенностями самого жизненного пространства — пространства, пронизанного идеологией или, условно говоря, «концептуальностью» советского образа жизни.

Произведения Кабакова часто напоминают обычные вещи — этикие прямые «цитаты» из жизни. В «Кухонной серии» это — кружки, тарелки, кофейники, просто прибитые к деревянной доске, выкрашенной специфической зеленой краской, которой обычно покрыты стены разного рода общественных мест. Все предметы, из которых составлены работы, обыденные, примелькавшиеся и потому почти незаметные. Но, вырванные из своего привычного окружения и помещенные в чуждую им реальность искусства, они обретают парадоксальные и алогичные свойства.

«Плохая вещь» — это определение самого художника наиболее точно формулирует эстетику его ассамбляжей и инсталляций. Однако «плохая вещь» Кабакова не просто предмет. Главная его особенность — двойственность: с одной стороны, недоовещность, несостоятельность как художественной вещи, с другой — оторженность от быта,

то есть одновременная принадлежность и к «миру идей», и к «миру вещей». Сам автор предложил однажды такой проект его восприятия: «Доска с прибитым к ней «кухонным предметом» может пониматься зрителем двояко. Во-первых, это — грязный, противный кухонный предмет и такая же противная доска под ним. Во-вторых, эта доска — главное действующее лицо — представляет собой мутное густое пространство вроде пыльного угла, в котором отовсюду раздаются голоса-фразы, навеки увязшие в нем...»

Одним из классических примеров внедрения идеологии в быт для Кабакова стал известный феномен советского образа жизни — коммунальная квартира как своеобразная арена действия центрального персонажа «социалистического общежития» — «хomo советикус». Пространство коммунальной кухни породило свою мифологию и психологию, сочетающие индивидуальное и коллективное, безличное и сокровенное, агрессию, страх и — понятие дома, детские воспоминания. Этой коммунальной атмосферой и мифологией продиктована стилистика работ Кабакова, отражающая позицию художника, которая связана со своеобразным самоотречением, точнее — с отказом от самовыражения. Вместо собственного повествования на языке искусства он предлагает «проговоры» самой действительности. Эти истории обычно обыгрывают мифы классического русского авангарда, сталинской культуры или официального искусства, излагая их от лица «художника-персонажа». Или, как, например, в инсталляции «Комната человека, улетев-

шего в космос» наглядно представляют парадоксальную смесь романтики и безумия советской идеологии и жизни. История, рассказанная в этой работе, такова. «Комната...» — это фрагмент некой коммунальной квартиры. В ней жил чужак, мастеривший какой-то аппарат, однажды ночью потрясший квартиру грохотом страшного взрыва. Вошедшие в комнату соседи увидели то, что предлагается увидеть и зрителю: зияющая дыра в потолке, убогий и дикий агрегат из пружин и веревок, раскладушка с какими-то тряпками, аккуратно сделанный макет микрорайона с обозначенной на нем траекторией полета, картина на стене, изображающая фантастическую сцену взлета ракеты с Красной площади. Что стало с этим чужаком — неизвестно. Массу догадок, версий и воспоминаний о нем можно почерпнуть из текстов-комментариев, развешанных вокруг.

Пространство ассоциаций или воспоминаний, к которому отсылают работы Кабакова, выходит на уровень извечных вопросов человеческого бытия, неожиданно проступающих в самом банальном. Его персонажей иногда сравнивают с героями классической русской литературы — и со знакомым типом «маленького человека», и с персонажами-фантомами Гоголя. А обрывки бытовых фраз, «навеки увязших в мутном густом пространстве», напоминают уже прозу Хармса.

Повседневный мусор жизни и ее метафизика, неразрешимое противоречие высоких помыслов и убогого существования, возможно, и есть подслушанный художником язык нашего бытия, его стиль, его собственная речь.

Екатерина БОБРИНСКАЯ

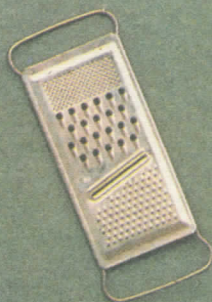

**Илья
КАБАКОВ**

Из серии «Десять персонажей». «Он потерял рассудок. Разделся и убежал голым». Фрагменты инсталляции в галерее Р. Фельдмана (США). 1990

*Ольга Ильинична Зуйко:
Чья эта тёрка?*

*Лия Петровна Зеленчук:
Ольги Марковны.*

«Человек, улетевший в космос из своей комнаты». Инсталляция. 1986